

ОЛЕГ ЯКУБОВ

КАБАК

БИБЛИОТЕКА
СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

16+

Якубов Олег Александрович

Кабак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22166453

SelfPub; 2023

Аннотация

Новая книга известного писателя Олега Якубова написана в жанре увлекательной повести. Захватывающий сюжет рассказывает о жизни ресторана. Не той праздничной, нарядной и шумной, которую видят посетители. А о той внутренней, что скрыта от внешних взоров. Сам ресторан автор умело использует не только как средство повествования о людях, их характерах и манерах, но и для увлекательного рассказа о жизни страны, в которой мы с вами живем. Олег Якубов – писатель, журналист – международник, автор более двадцати пяти книг, тираж которых превысил миллион экземпляров, многих киносценариев. Является членом союза русскоязычных писателей Европы, удостоен п

Якубов Александрович
Кабак

ОЛЕГ ЯКУБОВ

Новая книга известного писателя Олега Якубова написана в жанре увлекательной повести. Захватывающий сюжет рассказывает о жизни ресторана. Не той праздничной, нарядной и шумной, которую видят посетители. А о той внутренней, что скрыта от внешних взоров. Сам ресторан автор умело использует не только как средство повествования о людях, их характерах и манерах, но и для увлекательного рассказа о жизни страны, в которой мы с вами живем.

Олег Якубов — писатель, журналист-международник, автор более двадцати пяти книг, тираж которых превысил миллион экземпляров, многих киносценариев. Является членом Союза русскоязычных писателей Европы, удостоен престижных литературных и журналистских премий.

КАБАК

ПРОЛОГА НЕ БУДЕТ

Великий Уильям Шекспир изрек, как высек на века: «Весь мир – театр, а люди в нем – актеры». Не посягая на сию аксиому, нахально позволю себе перефраз, применительно к нашей действительности: «Весь мир – кабак, а люди – в нем».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Будильник зазвонил ровно в девять, как и каждое утро. Вот уже несколько лет я вообще не переставляю стрелку звонка, просто нет причины. В отличие от большинства активных представителей человечества, никогда не проклиная этот трезвонящий по утрам механизм. Напротив, я его почти люблю. Дело в том, что я – патологический лентяй. Илья Ильич Обломов по сравнению со мной был деятельным человеком. Он постоянно о чемто мечтал и грезил, а это требует огромной затраты энергии. Я же энергию свою берегу для будущих важных дел и по пустякам не трачу, а стало быть, не расходую вовсе. Хорошо известный в древности тунеядец Лао Цзы наставлял: ни одно деяние не может быть важным для жизни. Судьбоносно лишь созерцание. Ибо, лишь созерцая, мы движемся вперед.

...Звонок будильника воспринимаю как радостное ознаменование нового дня. Встаю я не сразу, включаю радио и нежусь в сладкой дреме под невнятное бормотание. К этой серебристого цвета коробочке у меня такое же отношение, как у гоголевского Петрушки к книгам. Радиоглупости я не слушаю, только иногда морщусь, когда ведущие по утрам чересчур резвятся, мешая мне своими визгливыми интонациями ни о чем не думать. Наконец, выбравшись из постели, я недолго размышляю над проблемой завтрака, решая, заварить мне чай или выпить чашечку ароматного кофе, которого у меня в помине никогда не было. В итоге выпиваю стакан воды и отправляюсь «в город». Возвращаюсь я домой, а вернее в помещение, где провожу ночлег, поздним вечером. Тело ноет от приятной усталости прошедшего дня. Каждый мой день насыщен множеством событий. Я интенсивно передвигаюсь, встречаюсь с массой людей, произношу пространные, но ничего не значащие монологи и при этом... ровным счетом ничего не делаю. Потому что отдача, а вернее КПД от всех моих передвижений, встреч и пламенных речей всегда равны нулю – я ярый последователь учения Лао Цзы, и все мои действия носят характер не созидательный, а созерцательный.

Но сегодня все будет подругому. Сегодня я открываю ресторан. Свой ресторан. Ну, почти что свой. Я теперь компаньон, совладелец, соучредитель и, короче говоря, солидный человек, волею судьбы и моих друзей определенный управ-

лять этим новым питейноедальным заведением с дурацким названием «Ручеек у камина». Впрочем, на название мне роптать не пристало, я придумал его сам. Вообще название для будущего ресторана я поначалу сочинил лихое – «Майн кайф». Но потом выяснилось, что в нашей стране сейчас идет очередная борьба за чистоту русского языка. Так что узаконить такую несусветную вывеску было бы дороже, чем открыть новый ресторан. Наткнувшись на бюрократический беспредел, моя творческая фантазия объявила забастовку и ничего путного в голову не приходило.

Помогло, как частенько бывает, то самое счастье, что зовется несчастьем. У работяг, занимавшихся ремонтом зала, не хватило облицовочного камня. В углу мерзко зияла чернотой невесть для чего продолбленная дыра. Но вечно поддатого прораба смутить было невозможно. Его устойчивая психика хронического пьяницы непробиваемой броней охраняла помутненное гремучей смесью водки с пивом сознание. На грозный вопрос, куда подевался камень, он ответил вроде бы невпопад, но в принципе весьма логично:

– А сядой, хозяин, можно электрокамин вмандюлить. Будет красиво».

Слово «хозяин», произнесенное этим хитрюгой с максимальным иезуитским почтением, решило исход несостоявшейся схватки. Так меня еще никто и никогда не называл. Приосанившись, я буркнул «ладно, подумаю» и твердой, как мне казалось, походкой, покинул свои будущие владения,

стараясь не заляпать цементным раствором и без того потерявшие цвет некогда белые кеды. Както стихийно образовался рядом с электрокамином ручеек – очередной брак ремонтников, который услужливый ум лентяя, больше всего на свете избегающего жизненных осложнений, трансформировал в невнятное, но, как мне казалось, романтическое название «Ручеек у камина».

...Выбирая с особой тщательностью одежду – что ни говори, деньто знаменательный, я мурлыкал привязавшуюся с самого утра фронттовую песенку, которую когда-то очень душевно исполнял актер Михаил Ножкин. Впрочем, слова песни я по своему обыкновению переиначил и вместо лирического «Бери шинель, пошли домой», напевал: «Бери рюкзак, пошли в кабак». На улице уже всю припекало июньское солнышко. Похоже, Москву решило навестить лето. Погода явно соответствовала душевному состоянию. Решив, что ехать на открытие собственного ресторана в общественном транспорте както нелепо, а пообедать я наверняка теперь смогу и в новом заведении, я бездумно истратил последнюю сотню на рискованную поездку в раздолбанном мотосредстве неопознаваемой породы. Водительузбек, по случаю жары скинувший сандалии и чернея никогда не мытыми пятками, согласился подвезти меня за столь ничтожную плату при условии, что я буду показывать ему дорогу. Управившись с ролью штурмана, вновьиспеченный ресторатор через полчаса переступил порог, оказавшись в прохладе уютного вести-

бюля, еще пахнувшего свежей краской.

Здесь меня приветствовали два новых сотрудника – повара Овик и Сан Саныч. Хмурый пятидесятилетний Сан Саныч, длинный и худой как жердь, в белоснежной поварской куртке, молча протянул мне огромную красную лапищу. Лицо его при этом исказила гримаса, очевидно, обозначающая улыбку. Коротышка Овик, хотя и значился мангальщиком, был облачен в непомерно длинный клетчатый пиджак. С присущей всем кавказцам экзальтацией, он разразился целой речью, суть которой сводилась к следующему: у меня, как он надеется, должно хватить мудрости во всем слушаться советов, его, Овика – волшебника и кудесника в своем нелегком деле. Только в этом случае мне уже в ближайшем будущем надо будет серьезно позаботиться о том, где хранить те несметные богатства, что появятся от продажи приготовленных им, Овиком, шашлыков. Тех самых, что таять будут даже не во рту, а в руках тех многочисленных посетителей, которые день и ночь начнут толпиться в очереди. Образ тающей в руках баранины почемуто вызвал у меня легкую тошноту, и я поспешил прервать излишние речи повара решительным «пора работать».

Тут же, однако, выяснилось, что работать мы ни сегодня, ни в ближайшие дни не сможем, так как кастрюли, все как одна, для ресторанного процесса не пригодны, а на таком мангале, что мы приобрели, жарить можно только фекалии на палочке. Впрочем, в той армянской деревне, где прошло

детство Овика, о фекалиях не имел представления, скорее всего, даже уважаемый председатель сельсовета и потому мангальщик употреблял с какимто необъяснимым мазохистским удовольствием обычное распространенное слово «говно».

Молчаливый же и хмурый (причину его неразговорчивости и даже нелюдимости я понял несколько позже) Сан Саныч удалился на свою отдельную, крохотную кухоньку, сверкающую чистотой. Здесь он, бывший повар шестого разряда ресторана «Националь», прошедший за собственные деньги полугодичное обучение у японского наставника, начал нарезать рыбу для суши и сашими, лепить ролы и священнодействовать над теми блюдами, что мы для простоты называли коротко «японка».

*

К вечеру запыхавшийся завхоз приволок новые кастрюли, вытяжку над мангалом прочистили, да и сам мангал, как выяснилось, был не так уж и плох. Но к этому моменту почти все повара были уже изрядно подшофе. Они благосклонно пояснили мне, что пьянство среди поваров – болезнь профессиональная и если я буду искать непьющего повара, то мне проще самому овладеть кулинарным искусством. Часов в двенадцать вечера я в очередной раз открыл кассу. Этому простому действию, состоявшему из нажатия в определенной последовательности трех кнопок, меня научила кассирша, сопровождая процесс моего посвящения недвусмысли-

мо гнусной ухмылкой. В кассе я обнаружил к своему вящему удивлению восемнадцать тысяч рублей. Сумма казалась мне невероятно огромной, и я не понимал, откуда она взялась. Выяснилось, что пока я был погружен в свои переживания, с японской кухни было все же что-то реализовано первым посетителям нового ресторана, которых я умудрился даже и не заметить.

Обессиленный, я не сел, а рухнул за угловой столик возле пресловутого электрокамина (он, разумеется, оказался бракованным, так как куплен был по дешевке на какойто распродаже) и жалобным тоном попросил чего-нибудь перекусить. Пока я размышлял, стоит ли мне после такого напряженного дня хряпнуть коньячку, или в воспитательных целях все-таки воздержаться – както, вроде, неловко на глазах персонала – сорокадвухлетняя повариха Оксана принесла прямо на сковороде шкворчащую картошечку подомашнему, поставила блюдце с маринованными огурчиками и зычно крикнула бармену, не поворачивая головы в его сторону:

– Ну ты, нерусский, не знаю, как звать тебя, налейка шефу чего покрепче с устатку, да для почина!

Про себя я саркастически хмыкнул на это двусмысленное «для почина». Интересно, что она имела в виду – почин денежный, или то, что отныне мне здесь пить надо будет ежедневно, в чем она, похоже, не сомневается. Через минуту они стояли возле меня все, вся моя (?) команда – четыре повара, три официантки, бармен, завхоз (он же разнорабочий), кас-

сирша и даже посудомойщица – всего одиннадцать человек. Поскольку мой опыт руководителя ограничивался замечанием в адрес бывшей жены, типа – «возьми другую сумочку, эта к платью не подходит», то я растерялся. Чего они от меня ждали? Снова выручила Оксана.

– Игорь Аркадьевич, мы все поздравляем вас с открытием ресторана, – заявила она и без паузы гаркнула: – а теперь пошли вон отсюда, дайте человеку пожить спокойно, – а потом, сменив гнев на милость, уже тише добавила: – да и нам после трудов праведных тоже не грех...

Чего им было «не грех», я уже догадывался, но апатия охватила меня, а горькое, тяжелое сомнение накрыло, как придавило: что я здесь делаю, куда лезу?..

ГЛАВА ВТОРАЯ

С самого раннего детства я любил делать только то, что любил. Так проявились во мне первые качества лентяя. Но любимым занятиям я предавался без устали – ведь настоящая любовь не утомляет. Скорее наоборот. Влюбленный юноша превращается в некий «перпетуум мобиле». Он готов часами преследовать объект своего воздыхания, лишь бы только лишний раз попасться на глаза какому-нибудь курносому существу на спичечных ножках. При благосклонном отношении таскает за ней портфель, а если ему удастся подраться с ревнивым соперником, то собственный расквашенный на любовном ристалище нос воспринимает как высшую награду.

Впрочем, в дошкольные годы у меня было всего две страсти. Научившись складывать буквы в слова, я в четырехлетнем возрасте немедленно взялся за «Остров сокровищ». Одолев этот «фолиант» за какихнибудь пару месяцев, чрезвычайно возгордился собственным успехом и, хотя мало что понял, цитировал эту книгу беспрестанно, где надо и не надо, демонстрируя тем самым не живость ума, которого и в помине не было, а лишь попугайскую детскую память.

Второй страстью стало лицедейство, а если говорить попросту, то непреодолимое и неведь откуда взявшееся стремление беспрестанно кого-то передразнивать. А поскольку в тот несмышленный период жизни чувство самосохранения отсутствовало у меня напрочь, то передразнивал я соседей. Выходя во двор, охотно демонстрировал всем желающим, как тетя Нюра помешивает в тазу варенье и одновременно заправляет за глубокий вырез летнего ситцевого халата свою необъятную грудь, которая то и дело норовит оказаться в кипящей клубничной пене. Довольно умело изображал вихляющую походку Светкистудентки, но лучше всего, по общему признанию, удавался мне каркающий голос дяди Левы, который сопровождал сбегавшего на пруд внука: «Семик, паррразит, смотри мне, если утонешь, домой не возвррращайся!».

Если любовь к чтению особых нареканий моих родителей не вызывала – отец только следил, чтобы я не таскал из книжного шкафа Мопассана и Бальзака, то вторая моя страсть

уже вскоре стала приносить весьма неприятные дивиденды в виде подзатыльников и беспрестанных жалоб соседей, а также неприятной клички, которая меня теперь повсюду сопровождала. «Опять эта обезьяна здесь шляется, подсматривает», – шипели мне вслед взрослые. А пацаны, встречая, просили: «Обезьяна, покажи, как Борька на скрипке играет», ну, или чтонибудь подобное.

*

Наконец настал тот сентябрьский день с опавшими желтыми листьями, когда мне всучили рыжий портфель с привязанными к нему двумя мешочками. В одном из них находился завтрак, в другом – чернильницаневыливайка. Именно эта чернильница преподнесла мне первый суровый урок, демонстрируя, что жизненные реалии ничего общего не имеют с общественной пропагандой, или, проще сказать, с рекламой: как только я перевернул эту невыливайку над новенькой тетрадкой, на белом линованном листке расплылась безобразная клякса, которую в конце урока училка украсила жирной красной «единицей». Честно говоря, этот самый «кол» мне чисто эстетически очень понравился, но отец моих художественных взглядов не разделял и, дабы вернуть неразумного сынка к правде жизни, потянулся к ремню.

Но все это произошло чуть позже. А в то нежаркое утро, я плелся за мамой, пытаясь выдернуть свою ладошку из ее руки, и горько размышлял о том, что впереди меня ждет что-то очень нехорошее. Не обладая особой фантазией, я стал

неумело врать, что у меня болит спина и надо немедленно вернуться домой. Поскольку о ревматизме у семилетних мальчиков медицина и жизненная практика умалчивали, мама на мое нытье не обращала внимания. Так я был наказан за отсутствие должной сообразительности, что в дальнейшем послужило мне хорошим уроком и научило в сложных жизненных ситуациях врать более изощренно.

В школе нас построили рядами, по росту, в связи с чем я ничего происходящего так и не увидел. Взрослые что-то говорили – я и не вслушивался, интуитивно понимая, что все происходящее направлено лично против меня. Звук колокольчика, тренькающего в руках большой девчонки с несуразно огромными белыми бантами на голове, показался мне просто отвратительным. Потом нас повели в класс, заставив для чего-то идти в строю.

Дальше, правда, дело пошло полегче. Учительница спросила, кто знает буквы. Поднялись две или три руки. Потом я, с циничной ухмылкой много повидавшего в жизни человека, читал Букварь, который эта пожилая наивная женщина назвала «первой книгой жизни». После считал и даже прочел какое-то стихотворение, ужасно при этом гримасничая. Когда прозвенел звонок, учительница взяла меня за руку и подвела к двери, украшенной табличкой с коротким словом «директор». Вскоре туда же прошла моя мать. Через какое-то время меня снова повели на урок, но уже почему-то в другой класс. Так что, в отличие от других своих сверстников,

в первом классе я проучился всего сорок пять минут, после чего был переведен сразу во второй. Здесь я оказался самым маленьким, изза чего и был усажен за первую парту.

Пацаны во втором классе оказались исключительно сплоченными; они уже целый год проучились вместе и на перемене поколотили меня сообща. Не так уж, честно говоря, больно, как обидно. Вырвавшись из их рук, я отбежал на безопасное расстояние и стал поочередно передразнивать каждого из них. Видимо, к школьному возрасту в своем обезьяньем искусстве я достиг такого мастерства, что мои одноклассники смотрели этот моноспектакль, широко открыв рты, покоренные небывалым зрелищем. После того как один пацан спросил: «А Ан Ванну сможешь?», и они увидели в моем исполнении утиную походку и беспрестанное протяжное «вооот» учительницы Анны Ивановны, я был окончательно и бесповоротно принят в этот дружный коллектив, вместе с которым искусно и изощренно издевался над педагогами еще девять последующих лет, стремясь отомстить им за то, что в нашей стране среднее образование – общее и обязательное.

*

Начальные классы я проскочил на едином дыхании, так как продолжал много читать и числился чуть ли не вундеркиндом. Потом дело пошло потуже, но классу к шестому у меня уже появились навыки бездельника, умеющего изобразить бурную деятельность. К тому же выручала подаренная родителями к дню рождения двенадцатитомная «Детская эн-

циклопедия». Этому, по моему глубочайшему убеждению, уникальному и незаменимому изданию, я обязан всем своим школьным псевдоуспехам.

С гуманитарными и общественными предметами у меня проблем не было, а как только нужно было подготовиться по физике, химии или другим точным предметам, я открывал соответствующую главу энциклопедии, заучивал ее как стихотворение, а затем оттарабанивал на уроке. Получал свою законную «пятерку», вместе с ней неперменные комплименты по поводу особо глубоких знаний, и исчезал из класса до следующего раза. Дело в том, что я превратился в штатного общественника и законных поводов улизнуть с уроков у меня было более, чем достаточно. Поначалу я стремительно поднимался к вершинам пионерской номенклатуры, потом стал комсомольским вожаком. Даже уезжая летом в пионерский лагерь, оставался эдаким маленьким функционером. Воспитатели и пионервожатые опытным педагогическим взглядом мгновенно определяли во мне номенклатуру, и уже к вечеру первого дня я непременно был «избран», а проще говоря, назначен председателем чегонибудь – отряда или дружины, что даже в те сопливые годы сулило всяческие привилегии и относительную свободу. Блядский строй всегда умел позаботиться о своих приспешниках, оставляя для них теплые местечки у кормушки и не давая в обиду.

В своей жизни я настолько ничего не добился, что уже давно могу позволить роскошь судить о себе объективно.

Так вот, к чести своей скажу, что мой карьеризм ни в коей мере не отражался на сверстниках. Я никогда не был стукачом, охотно давал списывать диктанты и изложения, прилично играл в футбол. Походив несколько лет в секцию бокса (исключительно из соображений собственной безопасности, ибо до занятий боксом меня не бил только ленивый), был не лишним в коллективной драке. Ну, а по части завернуть взрослым какуюнибудь поганку и вовсе слыл непревзойденным специалистом, поскольку если не умом, то уж, во всяком случае, смекалкой обделен не был и гадости творил исключительно обдуманно и планомерно.

*

Не знаю, как теперь, а в те годы в школах была должность завуча по воспитательной работе. В нашей школе эту должность занимала учительница физики Тамара Владимировна Гойда. Придя однажды вечером к нам домой (я тогда уже в классе девятом учился), она делилась с моими родителями:

– Я не могу понять вашего сына. Он – мой неразгаданный педагогический ребус, – высказалась она несколько вычурно и пояснила: – Ваш Игорь ведет огромную общественную работу, недавно стал комсоргом школы, капитаном команды КВН. Мы в школе создали из учеников совет справедливости. Я лично рекомендовала Игоря председателем этого совета. Както неделю назад было заседание совета. Разбирали очень сложный дисциплинарный случай. Я восхищалась Игорем, настолько точно и справедливо он все разобрал. А

через час увидела, как он на заднем дворе бьет какомуто парню не из нашей школы, извините, морду. Я не понимаю, как это может сочетаться в одном и том же ребенке. А потом – его учеба. Я просто не понимаю, как он учится. Вот по физике, он же вообще, помоему, не представляет даже элементарной сути этого предмета. А выйдет отвечать, ниже пятерки ничего поставить не могу. Мы, на педсовете, конечно, решили тянуть его на золотую медаль – он комсорг(!), как иначе? Конечно, мы на многое закрываем глаза, лишний раз к доске не вызываем, но как он все это делает – ума не приложу. Очень трудный педагогический случай.

В нашей маленькой квартирке мне и подслушивать не понадобилось этот разговор, а спровадить на улицу «очень трудный педагогический случай» им в голову не пришло. Тамару Владимировну я слушал очень внимательно. Услышав ее охи и ахи, не возгордился собой – непонятым, а лишь утвердился в мысли, что нахожусь на верном пути. И все же – поскользнулся.

*

В нашей школе был свой театр. Не драмкружок, а именно школьный театр. Руководила им бывшая актриса какого-то провинциального ТЮЗа Нина Андреевна Максимова. Днем она работала библиотечаршей, а после окончания уроков проводила занятия с юными дарованиями. Маленькая и худенькая словно мальчишкапятикласник, она, как и все бывшие травести, неудовлетворенные своим малопочтен-

ным амплуа, открыла в себе талант режиссера, с жаром и страстью применяя его в нашей школе. На школьных вечерах непременно показывали сцены из какойнибудь пьесы, иногда мы становились зрителями премьерного спектакля. Вместе с артистами, которым она и до плеча не доставала, Нина Андреевна в вечернем платье выходила в конце спектакля на поклон, трогательная в своем волнении.

В библиотеке я бывал чаще, чем в классе, так что с Ниной Андреевной виделся постоянно. Однажды, когда я, выбрав книги, уже собирался уходить, она меня остановила:

– Игорь, я давно к вам присматриваюсь. Вы знаете, вот уже много лет я мечтаю поставить пьесу о декабристах. Это замечательная драматургия, тонкая и вместе с тем очень трагическая. Но я никак не могла найти актера на роль Пушкина, а она там одна из центральных. Так вот, вы подходите идеально.

Будучи, как и все девятиклассники, нигилистом, я тем не менее оторопел до такой степени, что чуть книги из рук не выронил. Немой вопрос застыл у меня в глазах.

– Вы, вы, и не вздумайте возражать. – Нина Андреевна, с неожиданной для нее цепкостью ухватила меня за рукав и потащила в какойто закуток, где было зеркало. – Ну, посмотрите на свою прическу. Эти кудри! Это же просто пушкинская шевелюра. Немного грима, бакенбарды и вы – вылитый Александр Сергеевич.

Сегодня, глядя на свою гладкую, словно отполированную,

лысину, я и сам уже, кажется, не верю, что когда-то, в детские и школьные годы, действительно был кудряв. Кудряв до такой степени, что мою дворовую кличку «обезьяна», прочно сменило прозвище «Курчавый». Но играть Пушкина! Это уж чересчур. Однако для Нины Андреевны ее идея превратилась в поистине навязчивую. Однажды она все же уговорила меня «просто загримироваться под Пушкина» и посмотреть на себя ее глазами. И зачем я только согласился?! Знать бы, чем это все обернется, я бы не только руководительницу театра, но и библиотеку, где она работала, за три версты обходил.

Мой слабый жизненный иммунитет рухнул сначала на колени перед этим сказочным болотом под названием «Театр», а потом и вовсе в нем потонул. Я еще барахтался, предаваясь своему любимому развлечению под названием КВН, но уже ноги сами несли меня на репетиции. Я с нетерпением ждал того дивного мгновения, когда моя прыщавая юношеская физиономия превратится в лик того гения, что прославил русскую землю и чьи стихи своей мелодичностью по сей день отличают русский язык от всех языков мира, покоряя и завораживая.

Директорствовал у нас в школе Лев Акимович Розенталь, прозванный нами без особой выдумки «Царь зверей». Боялись его одинаково и ученики, и учителя. По школьным коридорам он не ходил, а проносился как метеор, в пиджаке, всегда накинутом на плечи, очки сдвинуты на лоб, в зу-

бах зажата погасшая папироса. Лев Акимович все видел, от его хозяйского взора не ускользали никакие наши проделки. Провинившегося он самолично хватал за ухо и волочил, что в лесную чащобу, в свой кабинет. Усевшись за царственный стол, молча разжигал папиросу и долго, не произнося ни слова, испепелял проказника взором. Затем тихим голосом, почти шепотом, спрашивал: «Ты зачем, мерзавец, позоришь мою школу?» И сразу, без паузы, швырял в ученика первой попавшейся под руку картонной канцелярской папкой и орал так, что стекла звенели: «Убирайся вон из школы и заberi свое личное дело!» Почемуто фраза про личное дело навела на нас особый ужас. Понятно, что никто из школьников своего личного дела не только в глаза никогда не видел, но даже не представлял, как оно выглядит, это самое «личное дело». Но, помоему, всем нам одинаково представлялось нечто загадочнозловещее. После бешеного крика проходило несколько минут томительного молчания, после чего «Царь зверей» почти что ласково вопрошал: «Ты что, негодяй, в ПТУ хочешь вылететь или сразу в детскую колонию (судя по тону большой разницы между двумя этими заведениями директор не делал)?» Завороженный и подавленный, школьник отрицательно мотал головой, получал вполне мирное напутствие не курить, не баловать и т.д., пятась, открывал спиной, или чемто пониже дверь и, счастливый, съезжал по перилам лестничного пролета.

Но театру своему директор не только благоволил, но и

гордился его успехами. Человек энергичный и деятельный, он, как я теперь понимаю, добывал нам из какихто неведомых фондов материалы для декораций, договаривался с пошивочными ателье о костюмах, одним словом, мы ни в чем не испытывали затруднений. В день премьеры я обнаружил в себе новое качество – умение волноваться. Нина Андреевна чтото говорила о мизансценах, паузах, втором плане – я ничего не слышал. До тех пор, пока в зале не загремели аплодисменты, Ну, или мне казалось в тот дивный вечер, что они гремят. И гремят исключительно в мою честь – вот уж в этом я тогда не сомневался. Роль великого поэта принесла мне не только неслыханную популярность во всей нашей округе, но и новое прозвище, приклеившееся ко мне на долгие годы. Забыв о «Курчавом», меня теперь иначе как «Пушкин» никто не называл.

*

До окончания десятого класса оставалось несколько месяцев, когда выяснилось, что наш спектакль о декабристах будет представлять Москву на всесоюзном конкурсе школьных драматических коллективов – вот так это пышно называлось. «Царь зверей» собрал нас, участников спектакля, в своем кабинете. Каждому персонально вручил билет на поезд Москва–Киев (конкурс проходил в столице Украины) и напутствие вернуться с победой. Нина Андреевна торжественно объявила, что по условиям конкурса исполнителям женской и мужской роли в спектакле, занявшем первое ме-

сто, будет предоставлено право вне конкурса поступить в театральный вуз. Мы слушали плохо, конкурс нас не волновал, нас будоражила предстоящая поездка. Одни, без родителей и без учителей. В сопровождающие нам, вместе с Ниной Андреевной, определили бывшего учителя физкультуры Ивана Матвеевича, пенсионера с вечно красной рожей выпивохи. Никого другого Лев Акимович и отпустить то не мог – на носу были выпускные экзамены.

Ехали ночью, в плацкартном вагоне, брэнчали на гитарах, выходили в тамбур курнуть, глотнуть дешевого портвейна и поцеловаться с тремя девчонками – среди «декабристов» «дам» было немного. Матвейч, так мы его сразу панибратски стали называть (мы же не в школе), смотрел на нас с отеческой добротой. Потом подозвал меня к себе и сурово молвил:

– Запомни, пацан, сызмальства. Гадость эту, что вы здесь лижете, в рот не бери. В ней одна отравка, душа от нее сворачивается. Накось вот, моего отведай, первачок, что твоя слеза.

Прикрывая полой пиджака бутылку, он ловко наполнил стакан мутноватой жидкостью и вместе с какимто огрызком протянул мне. Что такое самогон, я уже, к своему солидному возрасту, знал, но пробовать не доводилось. И отец был по этой части строг, да и самого както не тянуло. До этого дня я, признаюсь, с отвращением, исключительно чтобы не выделяться среди одноклассников, изредка ходил с ними в пивную, где заставлял себя глотать горький напиток. Баловались

мы и портвейном, но и этот напиток мне по вкусу не пришелся. И вот на тебе – полный стакан самогона. Я уж было начал на ходу придумывать какуюто отговорку, чтобы отказаться, но тут случилась, конечно же, Танька. У этой девчонки был талант появляться внезапно там, где ее вовсе не должно было быть. Об этом знала вся школа, но отделаться от Таньки было невозможно. В пьесе она играла эпизодическую роль какойто престарелой княгини, но корчила из себя столько, будто на ней по меньшей мере держится если не все отечественное искусство, то уж наш спектакль – точно. Все мгновенно углядев, она зашипела аки змея: «Пушкин, не пей, не пей, я тебе говорю, Пушкин, все Нине Андреевне расскажу». Ну, этого я точно стерпеть не мог. Чтобы женщина мне указывала. И я махом, одним глотком, широко разинув рот, проглотил эту обжигающую нутро жидкость. Произошло непонятное: я не закашлялся до слез, не выпучил глаза, даже не поморщился. Как заправский боец из фильма «Судьба человека» в исполнении Сергея Бондарчука, нюхнул сухой огрызок и, выслушав от Матвеича поощрительновосхищенное «можешь, пацан!», побрел к своему месту. Уснул я мгновенно и спал мертвецким сном, утром меня растолкали с трудом. На перроне Матвеич заботливо спросил: «Похмелишься?». Придав голосу уверенность и строгость, я ответил «Не похмеляюсь» и твердо шагнул к автобусу.

Мы возвращались в родную школу триумфаторами. Вместе с дипломом о первом месте я увозил с собой направле-

ние в театральное училище.

*

Воспринимая «направленца» как неизбежное зло, этюд на вступительном экзамене мне предложили для бездарных. Я должен был вбежать в аудиторию, где за столом сидели педагоги, и прокричать им, что в соседнем помещении пожар. В коридоре абитуриенты, каждый из которых считал себя по меньшей мере талантом, наперебой советовали мне орать погромче, выпучивать глаза и для вящей достоверности размахивать руками. Выслушав бесценные советы, я отворил дверь, ленивым шагом прошел на середину аудитории и, спокойно водрузившись на стул, спросил:

– Экзамены здесь принимают, или перейдем куда?

– А переходитьто зачем? – спросил известный всей стране актер, явно озадаченный таким нахальством.

– А в соседней аудитории – пожар, сейчас дым все глаза выест.

– И вы так спокойно об этом говорите? – попенял мне другой член приемной комиссии.

– А чего шуметь? Поди сторело уж все. Раньше шуметь надо было.

На другой день в списке принятых в училище я увидел свою фамилию. Начиналась новая жизнь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Не знаю, что это было. Летаргический сон, забытье, про-страция? Две недели прошли в какомто сплошном тумане.

Проблески сознания появлялись только к ночи, когда надо было закрывать кассу. Выяснялось, что, несмотря на весь бедлам и неразбериху, ресторан все же работал. Приходившие сюда люди что-то ели и пили и не только не швырялись в нас тарелками, но даже платили деньги. И все же, коекак выбравшись из своего сомнамбулезного состояния, я отчетливо понял, что дальше так продолжаться не может. Наше утлое суденышко, без руля и ветрил, непременно, и довольно скоро, разобьется, так что спасти его надо немедленно.

В поисках «рулевого» я отправился в ресторанчик, который был местом обитания нашей студенческой братии. Метрдотелем там работал Юра Рыбаков – специалист, известный всему ресторанному миру. Начинал он когда-то официантом и своей виртуозностью прославился без преувеличения на всю страну. Юра участвовал во всесоюзном конкурсе. Конкурс проходил на ВДНХ, и Рыбаков торжественно вручил нам, тогда еще студентам, несколько пригласительных билетов.

Огромный зал был уставлен красиво и торжественно сервированными столами. Меж столов сновали, все в чернобелом, официанты, приехавшие из разных городов и весей. Их движения были быстры и плавны, со стороны казалось, что они скользят по льду. К финалу их осталось несколько человек. Юра – один из них. Подойдя к постановочному столу, он продемонстрировал скорее даже не мастерство официанта, а поистине цирковой трюк. Один, без всякой посторонней

помощи, водрузил на свои вытянутые руки четырнадцать (!) заполненных разнообразными салатами и закусками тарелок и потом, точно так же – самостоятельно, расставил их аккуратно на другом столе, за которым сидели члены жюри. Поправил салфетку и замер в полупоклоне, ожидая реакции. Реакция последовала незамедлительно – члены жюри и все собравшиеся в зале зрители аплодировали Рыбакову стоя.

Вскоре он стал метрдотелем, както враз превратился в солидного мужчину, хотя называли его попрежнему только по имени. У него было какоето чуждое нашему слуху отчество, чтото вроде Срулевич; Юра его явно стеснялся.

Вот к этому кудеснику за советом, а точнее за помощью, я теперь и направлялся. В тот утренний час народу в ресторане было немного. Завтракали несколько явно командировочных, да за столиком возле бара «поправлял здоровье» тщедушный мужичонка, громко всхлипывая после каждого глотка. Из ранее мне знакомых официантов я увидел только Костю Сабитова – Кота, как звали мы его в студенческие годы. Кот был попрежнему худым и плоским, как стенгазета, только поседел изрядно.

В те беззаботные годы, когда это заведение наша шумная братия предпочитала студенческим классам, мы с Костей чуть ли не приятельствовали. Во всяком случае, занимали всегда столик, который он обслуживал. Поудобнее устроившись и сделав заказ, первым делом наполняли отдельный стопятидесятиграммовый фужер водкой и отставляли его к

краю стола – это был выигрыш. Под крахмальную салфетку прятали колоду карт. Костя, пробегая мимо нашего стола, останавливался, делал вид, что чего-то там поправляет, снимал карту и спешил дальше. Играли мы в немудреное «двадцать одно». Сто пятьдесят грамм водки предназначались победителю. Я не припомню, пожалуй, и одного случая, когда этот приз доставался кому-то из нас. Если мы в ресторане засиживались, то к концу нашей веселой трапезы Костя надирался так, что походка его становилась замедленной и какой-то деревянной, движения чересчур плавными, а взгляд – стеклянным, вернее, остекленевшим. Впрочем, это не отражалось на его работе и качестве обслуживания, так нам, самим уже нетрезвым, казалось.

Лишь однажды мы с Костей повздорили, когда счет оказался просто грабительским.

– Пьешь, гад, нашу водку, и нас же еще и обсчитываешь, – с обидой высказался кто-то из нас.

Костя резонно возразил, что водку он пьет исключительно выигранную в честной игре и философски заметил:

– Вы, ребята, неправильно рассуждаете. Кого же еще обманывать, если не своих? Чужие могут и пожаловаться, и по репе наступать. А свои на то и свои, чтобы делиться. Я же вам разрешаю каждую вторую бутылку с собой приносить...

Костя мне обрадовался, попенял, что пропадал так долго, предложил немедленно отметить встречу и рассказал, что Юра давно уже здесь не работает и вообще нигде не работа-

ет. «Он теперь на вольных хлебах, – пояснил официант, – Ресторанов появилось тьматьмущая, вылезают, как грибы после дождя. Вот Юрка и помогает всяким «бизьнисьменам» открывать кабаки. Хорошо поднялся на этом, хату роскошную купил. Правда, женился, сказал Костя, закоренелый холостяк и бабник, каких свет не видел, с явным осуждением.

Телефон Рыбакова он мне продиктовал тут же. Покинув ресторан, я Юре позвонил сразу и уже через пару часов мы встретились «У камина». Мэтр ресторанного дела не спеша обошел заведение, хмыкая и что-то помечая карандашиком в маленьком блокноте, с которым, как я помнил, никогда не расставался. Когда мы присели в зале, заказал чашечку кофе и после долгого молчания, просмотрев свои записи, произнес:

– Помогу. Но предупреждаю сразу – месяц, от силы полтора – не больше. Просто уже договорился с серьезными людьми, помогаю им открыть армянский ресторан. Но за это время постараюсь наладить тебе дело. Понятно, насколько смогу... Скажу сразу: первоначально найди директора и кладовщика. Без них – никуда. Я вообще удивляюсь, как ты открылся без этих людей. Все остальное в рабочем порядке. Директора ищи сам, кладовщицу могу порекомендовать, девочка хорошая, даже небольшой опыт есть, – и спросил без паузы: – Сколько платить будешь?

О зарплате мы договорились. Прощаясь и конфузливо улыбаясь, Юра спросил:

– Если можно, у меня еще есть просьба. Я же кофеман. Нельзя ли мне за счет заведения в день выпивать две чашечки кофе?

– Да что ты, Юра! Какие две чашечки, пей сколько угодно, воскликнул я, вдохновленный тем, что у меня отныне появился такой волшебник, – и, улыбаясь, добавил: – Будет тебе кофе, будет и шоколад.

То, что Юра кофеман, я знал, но кофе для него – потребность. А была у Рыбакова еще и слабость – он обожал шоколад, обожал, как ребенок, и ничего не мог с собой поделаться.

– Никогда и никому не позволяй такого, – строго заметил Рыбаков. – Это ресторан, хозяйство. А в хозяйстве все должно быть учтено. До единого куска хлеба. Сегодня ты мне кофе без ограничений позволишь, завтра у тебя официанты жрать будут от вольного. Здесь что, ресторан или благотворительная столовая? – Ну, тот же, – удовлетворенно хмыкнул он, увидев кислую физиономию незадачливого ресторатора.

*

С появлением Рыбакова я вздохнул с облегчением. Повара, официанты и все остальные, кого называют персоналом, враз почувствовали твердую руку профессионала. На третий день он предъявил мне целый список. Надо было срочно вызывать электриков – проводка никуда не годилась, купить для кухни ножи, разделочные доски, контейнеры для продуктов и кучу еще какихто вещей, о каких я и понятия не

имел.

– Да и к зиме пора готовиться, – сказал Юра со вздохом и подвел меня к батареям отопления, задекорированным узорчатой чугунной решеткой.

– Это что?

– Батареи, что же еще?

– Нет, – покачал головой Рыбаков. – Это муляж. – Он просунул руку сквозь решетку и легко отодвинул батарею от стены. Она не была приварена к трубам, а просто прислонена. Гадыстроители и тут умудрились свинью подложить.

– И вот еще что, – добавил Юра. – Боюсь, с Сан Санычем придется расставаться. Пьет. И с этим уже ничего не поделаешь.

– Да с чего ты взял? – возмутился я, подавленный лавиной обрушившихся на меня проблем.

– Увидишь, – только и ответил Рыбаков.

И накаркал. Сан Саныч заболел. Позвонил по телефону, сказал, что сердце прихватило. После третьей «болезни» его действительно пришлось уволить: Сан Саныч оказался не просто алкоголиком. Он был запойным. Юра взялся за телефон, обзвонил кучу знакомых. К вечеру появился сушист Жора. Здоровенный молодой парень с трубным голосом, голова повязана банданкой с японскими иероглифами. Без лишних слов переоделся в курткукимоно, пошел на кухню, взял в руки нож, стал разделывать рыбу. «Хоть бы руки вымыл после улицы», – лениво подумал я, наблюдая за его

ловкими манипуляциями с семгой. Но Юра был уже тут как тут. Ткнул Жору в спину, глазами кивнул на раковину и пошел себе дальше, не сомневаясь, что его молчаливое указание будет выполнено. Жора действительно повиновался беспрекословно. Так же беспрекословно слушались «академика» (так Юру прозвали в ресторане в первый же день) и все остальные, признавая за ним право приказывать.

Через пару часов услышал шум в зале. Какаято толстая баба кричала, что такие отвратные суши даже в супермаркете не продают. Не уступающий ей в габаритах мужик согласно кивал головой, но продолжал поглощать суши с невероятной быстротой, словно боялся, что отнимут. Юра конфликт уладил.

– Поговорите с Жорой, – предложил он мне, а то поставщики приехали, надо их отпустить.

– В чем дело, Жора, почему люди были недовольны? – я постарался придать своим интонациям максимальную строгость.

– Все нормально, шеф, – достаточно развязно и както даже снисходительно ответил повар. – Японская кухня для людей пока еще новая, можно даже сказать, экзотическая. Им просто хочется попробовать этой экзотики, чтобы от моды не отставать. А как правильно есть эти блюда, они и понятия не имеют, вот и портят вкус сами себе. Поэтому не получают нужных вкусовых ощущений. Вот вы, например, умеете есть японские блюда?

– Люблю, – ответил я довольно неопределенно, неосмотрительно дав своему говорливому оппоненту возможность для продолжения дискуссии, от которой тот получал явное удовольствие, к тому же уводя суть проблемы в сторону, вроде как на меня ее перекладывал.

– Любить и уметь – понятия разные, – тут же воспользовался Жора моей оплошностью.

*

По вечерам у нас теперь живая музыка. По рекомендации моих знакомых в зале поет Ляля Удальцова. Она уже исполнила несколько песен в эфире радио «Наш шансон», о ней поговаривают как о будущей звезде эстрады. Худая почти до анорексии звезда не выпускает изо рта сигарету, умудряется курить даже во время пения. Кофе пьет литрами, в отличие от Юры не спрашивая разрешения и не ограничивая себя. С аппетитом у Ляли тоже все в порядке, я даже не понимаю, как при таком аппетите можно оставаться такой изможденной. На этой почве у них постоянный конфликт с Юрой, он запрещает Ляле ходить на кухню. А вот сушист Жора самый горячий поклонник ее таланта. Когда нет заказов, сидит неподалеку от эстрады, всем своим видом показывая, что получает неземное удовольствие. Рядом с Жорой теперь неизменно находится его девушка (он называет ее невестой), голубоглазая крашенная блондинка с вечно обнаженными и влажными розовыми деснами. Девушка музыкальные пристрастия своего жениха разделяет и когда он мле-

ет, томно прислоняется к его плечу, прикрывая глаза, надо полагать, от удовольствия. Такая вполне семейная идиллия, что и говорить.

В воскресенье вечером, как мне нашептали, идиллия продолжается у Жоры дома – Ляля ходит к ним в гости. Она рассказывает официантам и поварам, не сдерживая восторгов, что дома Жора (непревзойденный мастер японской кухни, которого здесь просто не ценят и не дают развернуться соответственно его таланту) угощает ее какимито невиданными блюдами и потчует икрой летучей рыбы, пояпонски – тобико, от которой Ляля, по ее собственному выражению, просто балдеет. На самом деле эта мелкая рассыпчатая и разноцветная икра идет на обсыпку и украшения японских блюд, и она довольнотаки безвкусна. Но Ляле, натуре музыкальной, видимо, важен не столько вкус, сколько необычные название и цвет тобико. Когда выяснилось, что икру летучей рыбы певица употребляет в тех же объемах, что сигареты и кофе, «академик» провел с Жорой профилактическую работу. Самым весомым аргументом стал эдакий «отцовский» подзатыльник, не больный, но обидный, после чего Жора признал свои ошибки и внес в кассу недостающую там сумму.

*

– Приехала кладовщица, – сообщил Юра както утром. – Она немного напугана. В том заведении, где Снежана раньше работала, были какието необузданные хозяева. Склоняли ее чуть ли не к групповому сексу. В общем, она оттуда сбежала.

Поговорите с ней сами.

– Хорошо, поговорю, – согласился я. – Кстати, Юра, все хочу тебя спросить. Мы с тобой сто лет знакомы, я попрежнему к тебе на «ты», а ты мне чтото все выкаешь. Я понимаю, когда это при сотрудиниках, но с глазу на глаз...

– Даже речи быть не может, – тоном, не терпящим возражений, перебил меня Рыбаков. – Пока я получаю у вас зарплату, буду обращаться к вам только на «вы» и по имениотчеству. Так вы поговорите со Снежаной, Игорь Аркадьевич. Она на складе.

Снежане на вид лет двадцать восемь. Черноволосая и кареглазая, она меньше всего, как мне представляется, соответствует этому имени. Женщина рассказала, что опыт складской работы у нее есть, хотя призналась, что не вполне еще освоила компьютер. Достав пачку сигарет и тут же смущенно запихав ее обратно в сумочку, неуверенно произнесла:

– А сколько у вас учредителей?

– Послушайте, Снежана, я краем уха слышал от Юры о ваших, – я закашлялся, – ну, скажем так, проблемах. Так что вам совершенно не должно быть важно, сколько у нас учредителей. Мы пригласили вас работать на складе, и давайте будем исходить только из этого. Как женщина вы здесь никого не интересуете.

Утверждение получилось несколько обидным и достаточно двусмысленным и голословным. Впрочем, любое преуве-

личение – это, как известно, ложь честного человека. Так что я не стал поправляться. Да и Снежана явно не обратила внимания, что, как женщину, я ее так унижил. Она явно осталась довольна таким ответом. Я же рад, что есть теперь кому заниматься заказами продуктов, их поставкой и прочими премудростями складской работы, о которой я тоже ни малейшего понятия не имел. Можно подумать, что другие тонкости ресторанного дела мне уже стали ясны! – мелькнула у меня в тот момент довольнотаки обидная и горькая мысль. Но я не стал заниматься самобичеванием. Как уже было сказано, я достаточно ленив для этого.

*

А вот директора мне удалось найти самому, чем я чрезвычайно горжусь. Один мой давний приятель долгие годы работал в различных советских представительствах и посольствах за рубежом. Его жена, учительница английского языка, моталась вместе с ним по границам лет десять, а то и больше. Когда вернулась в Москву, работу найти так и не смогла, безработных учителей в стране к тому моменту и без нее хватало, а те, что работали, месяцами зарплату не получали – такие тогда времена были.

Так что долго уговаривать Наталью мне не пришлось. Она только с тревогой заметила, что в ресторанном деле ничего не понимает и высказала опасение, что тем самым подведет меня.

– Да я и сам ничего еще не смыслю, так что будем осваи-

вать премудрую ресторанный науку вместе, – с неоправданным оптимизмом «успокоил» я ее. – К тому же у нас там такой академик сейчас работает, что он тебя живо всем премудростям обучит.

Следующий день Юра Рыбаков, оторвавшись от своих хлопотных дел, целиком посвятил новой директрисе и Наталье Николаевна Седова, как принято изъясняться на бюрократическом наречии, приступила к своим обязанностям.

Первому от нее досталось Жоре. Еще не искушенная в делах, она, рачительная женщина, ведущая домашнее хозяйство и кормившая двух сыновей и мужа, усомнилась, что при весьма скромных оборотах нашей японской кухне требуется такое количество продуктов. Поделилась своими сомнениями с «академиком». Юра произвел коекакие расчеты, сделал неутешительный вывод: Жора ворует. На следующий день они с Натальей проводили тестирование нового сушиста.

– Вы, друзья, не слишком ли резко с Жорой обошлись? – спросил я их. – Както раз, два – и уволить.

– Игорь Аркадьевич, в ресторанах воровали и воровать будут. Пойманных воров выгоняли и выгонять будут, – наставительно и жестко произнес Рыбаков. – Других мер не существует. Перевоспитать вора не в состоянии даже тюрьма, а у нас – ресторан. И все, кто здесь работает, должны понимать – воровство безнаказанным не останется. Кстати, я видел, что Жора ходил сегодня в бухгалтерию. Не хватало еще, чтобы вы ему зарплату выплатили.

– Но он же работал...

– Он не работал, он воровал, – так же жестко перебил меня Юра. – Украденное надо возвращать. Еще неизвестно, хватит ли его зарплаты, чтобы покрыть его же недостачу.

Следующим вечером в ресторан ввалился пьяный Жора. Днем он побывал в бухгалтерии, потом у директора Натальи Николаевны, пытался что-то доказать, даже скандалил. Ничего не добившись, напился и, явившись в ресторан, устроил дебош. В пьяном угаре грозил мне каким-то карами, кричал, что знает, кому и что сообщить. Какой-то темпераментный гость уже, не выдержав этих пьяных Жориных воплей, выкрикнул со своего места: «Слушай, дарагой, ты мне кушать мешаешь!» В общем, мы коекак избавились от разбушевавшегося Жоры, применив методы, ну скажем так – далекие от дипломатических.

Пока мы разбирались с разбушевавшимся растратчиком, из ресторана ушли, не расплатившись, заказавшие обильный ужин гаишники. Или гибэдэдэшники? Хрен их разберет, так часто меняют они названия. Мы решили, что они воспользовались суматохой и попросту сбежали, но через пару дней эти же господа в красивых фуражках и белых перчатках с раструбами, как ни в чем не бывало, заявили снова. Когда официант принял у них заказ, к их столу подошел всевидящий Юра и молча положил на стол счет, пояснив, что нужно оплатить предыдущий ужин.

– Вообще-то мы здешние, пост наш рядом, – снисходитель-

но пояснил старший из них по званию – капитан. – Открылся новый ресторан, вот мы и пришли. Вы что же, с нами дружить не хотите? – в голосе капитана прозвучали явно угрожающие интонации.

– А чего мне с вами дружить? – бесстрашно парировал Юра. – У меня машины нет, я на метро езжу. – А если хотите питаться у нас постоянно, то можем предоставить вам скидку.

«Гайцы» дружно расхохотались, так же дружно поднялись и вышли из ресторана.

– И что это все значит? – спросил я у «академика».

– А то, что гаишников никто и нигде бесплатно не кормит, – ответил он. – А тут они видят, новый ресторан открылся. Вот и пришли на авось – вдруг халява прокатит. Не прокатила. Так что вы не беспокойтесь, они больше не придут. Им здесь не светит. Да не о чем говорить. У вас и без них нахлебников будет хоть отбавляй, – многозначительно закончил он и пошагал по своим нескончаемым делам.

*

Прошло полтора месяца с того дня, как Юра Рыбаков появился в «Ручейке у камина». Его новые работодатели наконец построили свой ресторан и нам пришла пора прощаться. Каждое утро «академик» проводил пятиминутки с персоналом. Отдельно с официантами, отдельно с поварами. В то утро он собрал их всех вместе. Прощание было коротким.

– Каждому из вас я хочу еще раз сказать то, что говорил

ежедневно. Запомните: в ресторане нет ни клиентов, ни посетителей. Клиенты в парикмахерской и в бане, посетители в учреждениях. В ресторане – гости. Когда о каждом человеке вы будете думать, как о своем госте и обслуживать его так, как вы бы принимали своих гостей дома, тогда здесь будет не просто заведение, а ресторан, – и Юра церемонно поклонился.

Мы остались вдвоем. Мне жалко, а скорее боязно, было с ним расставаться. Хотелось услышать еще хоть какие-то советы, ведь в суматохе дел нам так мало удавалось разговаривать наедине. Мне казалось, что чего-то самого главного я у него так и не узнал, а может, не услышал.

– Юра, давай сегодня поужинаем вместе, ты же теперь здесь больше не работаешь, так что можешь себе такую вольность позволить, – предложил я ему.

– Не могу, меня уже ждут на новом месте, – отказался он. – А вот еще чашечку кофе, чтобы вы не обижались, выпью. Третью, в порядке исключения, – он улыбнулся.

– Ну, и шоколадку на дорожку, – поддел я его.

– Ох, знаете вы мою слабость, – откликнулся Юра. – Ну что ж, присядем на дорожку...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ученые и изобретатели в большом долгу перед человечеством. Позорно расписавшись в собственном бессилии, изобретатели отказались от попыток выдумать вечный двигатель. Да и машину времени они тоже до сих пор создать

не сумели, лишив род людской столь соблазнительных перспектив и осложнив нашу жизнь. А может, наоборот. Может, жизнь наша временами течет так размеренно и спокойно именно потому, что мы не в силах заглянуть в день завтрашний. Кто знает?

Если бы я, студент престижнейшего в стране театрального училища, мог заглянуть в будущее, то увидел бы такую картину. Мы, трое, выходим из магазина, держа в руках по бутылке. На мне давно нуждающийся в утюжке костюм, не первой свежести сорочка, а галстук свился таким жгутом, что только дискредитирует свое благородное предназначение. Бритье я с утра тоже проигнорировал, так что являю собой классический вид опустившегося интеллигента. Мои собутыльники, впрочем, выглядят не лучше. Киномеханик Генка к своему внешнему виду вообще относится весьма снисходительно, утверждая, что все равно большую часть времени проводит в будке с аппаратурой, где его никто не видит. Выпускник Суриковского института Семен Ильич Гольдштейн, легко откликающийся на прозвище Сенялкаш, и вовсе вышел из клуба в синем рабочем халате, залепанном красками, которыми он талантливо рисует теперь афиши кинофильмов.

Мы, все трое, работаем в клубе – наш директор Юрий Борисович Гершин злится, когда мы говорим «клуб» и поправляет с раздражением в голосе:

– Не клуб, а Дворец культуры трансформаторного завода.

Завод выпускает какие-то редкие трансформаторы, которые покупают даже за рубежом. Юрий Борисович, если речь заходит о продаже заводских трансформаторов, язвительно уточняет: «...в развивающихся странах, и не покупают, а в основном отдают в долг». Так или иначе, но завод числится, как принято говорить в газетных передовицах и телерепортажах, «флагманом отечественной промышленности». Поэтому работягам здесь начисляют вполне приличную зарплату, сносно обеспечивают жильем – в строгом соответствии с санитарными нормами, их детишки бегают в ведомственный детский садик, а по четвергам в заводской столовой «дают» продовольственные наборы: два кило мясных костей, гречку, пару банок каких-нибудь рыбных консервов, непременно сгущенку и в довесок что-нибудь абсолютно ненужное. При заводе есть даже небольшой стадион и Дворец культуры, где, благодаря стараниям и обширным связям общительного Юрия Борисовича, всегда крутят самые новые отечественные, а иногда даже и зарубежные фильмы. Так что на недостаток зрителей жаловаться не приходится, частенько не только вечером, но и на утренние и дневные сеансы в кинозале полно народу.

Я числюсь здесь художественным руководителем театральной студии, а также, когда надо, выступаю перед различными комиссиями в роли руководителей фотостудии, кружка художественного чтения, и даже дирижера заводского хора. В штатном расписании, понятно, значатся совсем другие

фамилии, но этих людей никто и никогда не видел. Возможно, их знает Юрий Борисович, а возможно, он просто вписал в ведомость своих знакомых, а то и просто выдуманные фамилии. Не знаю, и знать не хочу, успокаивая этим незнанием свою гражданскую совесть. За мое молчаливое содействие своим махинациям директор клуба доплачивает мне раз в месяц червонец, а также расплачивается со мной моим совершенно вольным графиком посещения рабочего места. Плата, что и говорить, невысока, но дороже меня не ценят. Так что – спасибо и за это.

Наш директор словно сошел со страниц «Двенадцати стульев», где гениальные сатирики Илья Ильф и Евгений Петров изобразили «голубого воришку» Александра Яковлевича – Альхена. За глаза мы так и зовем нашего Юрия Борисовича. Крадет он из клуба все, что можно украсть. «Левые» билеты на киносеансы для Альхена – так, развлечение, просто ежедневные, живые, как он их называет, деньги на бензин и пиво.

Отец у Альхена – какойто крупный профсоюзный функционер, принципиальный коммунист. По воскресеньям, когда Альхен со своей семьей как примерный сын навещает папу, тот корит его за рюмкой хорошей водки: «Юра, не воруй. Я прошу тебя, не воруй, Юра». На что Альхен, закусывая водочку икоркой или иным деликатесом из номенклатурного распределителя, флегматично и не без юмора отвечает ставшей афоризмом фразой из фильма «Москва слезам не ве-

рит»: «Папа, не учи меня жить, лучше помоги материально».

Недавно Юрий Борисович провернул ошеломляющий гешефт. Из какихто госплановских или госнабовских фондов он получил комплект невиданной японской музыкальной аппаратуры – гитары, усилители, клавишная установка, барабаны и Бог весть что еще, от чего музыканты любого ансамбля подошли бы от счастья. Не завозя все это богатство во Дворец культуры, Альхен «толкнул» его за наличку прославленному таджикскому колхозумиллионеру, после чего немедленно купил себе новую тачку. Машины он всегда берет одной марки и одного цвета, даже госномера умудряется сохранять прежние – чтобы завистникам и любителям считать чужое добро в глаза не бросалась дорогая покупка.

Денно и ночью занятый многочисленными и хлопотными делами по улучшению собственного благосостояния, директор сквозь пальцы смотрит на наши невинные проделки. Генка давно уже научил немудреному ремеслу кинемеханика шестнадцатилетнего племянника и тот рад стараться, заменяя дядю и проводя в зал без билетов своих сверстников. Сеня рисует афиши впрок и с невиданной быстротой, благо репертуарный план известен на две недели вперед, а фильмы меняются не чаще одного раза в два дня. Так что свободного времени у нас хоть отбавляй, во всяком случае – гораздо больше, чем наличных денег. Но в этот день нам выдали зарплату, к которой Юрий Борисович от щедрот своих добавил каждому из нас по заветному червонцу.

И вот мы, выйдя из магазина со столь почитаемым нами тонизирующим напитком под названием «Пшеничная», стоим у обочины и решаем, где провести культурный досуг. Сеня уныло бубнит, что мы чересчур расточительны, приобретя на закуску кроме плавленых сырков еще и банку кабачковой икры. Он полагает, что эти деньги было бы полезнее истратить на пиво, либо взять для «лакировки» бутылку плодоягодной. Мы Сеню не слушаем. Заткнув его бурчание обидной фразой «сынпьяница – такая редкость в еврейской семье», решаем проблемы куда более важные. Поскольку мы с Генкой считаем себя людьми хотя и пьющими, но не спившимися, мы полагаем, что по полкило «белой» на брата вполне достаточно.

И вот тут раздается скрип тормозов, яркокрасная машина, сверкающая лаком, передними колесами чуть не заезжает на тротуар, а за рулем сидит роскошная брюнетка. Она опускает боковое стекло и говорит, обращаясь ко мне:

– Привет, Игорек.

– Привет, – односложно отвечаю я в тон.

– Ну, как дела?

– Нормально.

– Ну, пока.

– Пока.

И машина, газанув, мчится дальше. Ребята стоят, разинув рты, замороженные увиденным. Такая женщина! Наконец Генка пришел в себя:

– Это же та самая, народная, ну как ее, а вспомнил – Ольга Смолина, из фильма «Дом с тюльпанами», – произносит киномеханик чуть ли ни шепотом и с какимто даже придыханием.

Он все же не зря полжизни провел в кинобудке, посмотрелся фильмов побольше, чем любой другой среднестатистический гражданин или даже въедливый кинокритик.

– Угу, – подтверждаю я. – Та самая.

– А откуда ты ее?.. – чуть ли не кричит Сеня.

Я делаю классическую театральную паузу, долгую и многозначительную, и только потом, внешне равнодушно, произношу:

– Это моя жена, – и, скорчив кислую мину, добавляю еле слышно, скорее для себя, чем для них, – бывшая».

*

...Нет, хорошо все же, что машина времени существует только в воображении писателей-фантастов. Увидь я в молодости эту сцену, я бы попытался свою жизнь изменить. Вряд ли из этого вышло чтото путное, а собственную никчемность лучше воспринимать философски. Так спокойнее, и подальше от лишних переживаний–разочарований – всяких там инфарктов, инсультов, а то и чего похуже. В общем, в свои студенческие годы в будущее я заглядывать не пытался, и даже не думал о нем. Я жил, и был счастлив каждым прожитым днем.

Не зря когда-то моя школьная учительница признавалась

родителям, что я – ее неразгаданный педагогический ребус.

Ребусом я был и для своих педагогов в театральном училищевузе. На первом курсе все мои сотоварищи бредили шекспировскими образами, мечтая воплотить их на сцене и в кино. К четвертому курсу они мечтали о ролях современников, постановках социально значимых и общественно насыщенных, и чтоб непременно с подтекстом. Мне не хотелось ни того, ни другого. Да я и сам не знал, чего мне хотелось. Наверное, просто валяться на диване и читать книжки. Но каждое утро нужно было вставать, идти на занятия, изучать ненужные, как мне казалось, теоретические предметы. И если теорию искусств в нашем училище признавал как неизбежное зло даже такой лентяй, как я, то для чего нам, будущим актерам и режиссерам, нужна марксистсколенинская теория, не хотел понимать никто. Я попрежнему охотно участвовал в общественной работе, с удовольствием играл в КВН, охотно организовывал студенческие капустники, где сам и блистал, а вот на неизбежных этюдах чуть ли не засыпал.

Однажды известный, маститый режиссер, выведенный из себя моим явным равнодушием, в сердцах бросил уничижающе:

– Вам, Юдин, о будущих ролях беспокоиться незачем. Вы всегда будете востребованы. В параде физкультурников за сценой! – почти выкрикнул мне педагог.

И когда на эту реплику я лишь пожимаю плечами, демон-

стрируя полную безучастность к его сарказму, хлопает дверью так, что штукатурка от косяка отлетает кусками. Остальные педагоги были ко мне более снисходительны и благосклонны. В конце концов не всем же играть Гамлета или принципиального заводского бригадира, смело отказывающегося от незаслуженной премии.

А вот среди своих однокашников я был даже в авторитете. Благодаря многочисленным кавээновским баталиям, у меня появилась мгновенная реакция на юмор и раскованная способность к экспромту. Так что я слыл, и не без оснований, самым остроумным парнем на курсе; научившись нескольким аккордам на гитаре, не очень противно исполнял песни известных бардов и даже собственного сочинения.

Познакомившись с ребятами одной популярной радиостанции, я стал озвучивать детские сказки – моими голосами заговорили в основном всякие злодеи, типа змей горынычей и бармалеев. Я даже сочинил несколько сказок, которые неожиданно для меня самого пользовались у деток успехом. Во всяком случае, редактор детских передач утверждала, что ее внучка в восторге от моей принцессы Изольды (этот образ я эксплуатировал нещадно). Таким образом у меня всегда водились какието деньги и я беспечно тратил их на студенческих пирушках и походах в пивбар «Жигули», что в любой компании, как известно, только приветствуется. Ну кто же назовет бездарным человека, угощаясь пивом за его счет?!

Одним словом, молодая моя жизнь проходила без особых

потрясений. Если бы не случилась тут история с Ольгой.

*

Смолина заслуженно считалась нашей записной, так сказать, штатной красавицей. Ее красота была столь безупречной, что даже девчонки ей не завидовали. За ней ухлестывали все самые видные парни, а о ее романах уже ходили легенды. Тем более что на наших вечеринках она всегда появлялась в обществе нового кавалера. У меня с Оленькой были самые обычные отношения однокурсников – привет, привет, да и только. Если бы из класса вынесли стол, она бы это заметила наверняка скорее, чем мое отсутствие. Да и я о ней ночами не грезил.

Конечно, в силу возраста и гормонального развития у меня были какие-то отношения с девицами. Но когда, после очередной ночи, проведенной вне дома, мама говорила:

– Может быть, ты познакомишь нас со своей девушкой?

Я беспечно отвечал:

– Пока не с кем, ма.

Надо признать, что к своим краткосрочным избранницам я был чересчур взыскателен. Начитавшись с раннего возраста всяких «взрослых» романов, создал себе некий обобщенный образ идеала, которому вряд ли вообще кто-то мог соответствовать. К тому же мне изрядно повредила одна юношеская история.

*

Оказавшись в шестнадцатилетнем возрасте в летнем мо-

лодежном лагере, я чемто привлек внимание третьекурсницы педагогического института Раи, отбывающей там студенческую практику. Раечка тихо бесилась, что наш физрук Толя, туповатый малый с фигурой культуриста, не обращает на нее никакого внимания и, видимо, решила отомстить ему, закрутив шашни с малолеткой. Както вечером, когда мы направлялись на ужин, она шепнула мне: «Раздобудь гденибудь сигаретки и после отбоя приходи к бассейну». Не имея к своему «солидному» возрасту никакого опыта в женских интригах, я воспринял просьбу буквально. И, поскольку сам еще не курил, стрельнул у ребят несколько сигарет.

Раечка, видно, уже поджидала меня, она появилась тут же, как только я пришел к назначенному месту у бассейна. Мы устроились в густом кустарнике, и она с видимым, а может быть, наигранным наслаждением затянулась табачным дымом, томно проворковала плебейское: «Ужас как курить хотелось». Произнеся эту фразу, Раечка отшвырнула недокуренную сигарету и решительно взялась за дело. То самое дело, которое всем женщинам земли по генетическому наследству передалось от праматери Евы. На следующий день она, улучив момент, сказала мне насмешливопоощрительно: «Ну, ты зверь! – и, беззастенчиво расстегнув белую блузку, показала синяки на своей груди. – Неопытный, а ебк...й», завершила педагогпрактикантка свою тираду и вихляющей походкой навсегда удалилась из моей жизни. Продолжение «бурного романа» с малолеткой в ее планы, видимо, не вхо-

дило.

Эпизод со студенткой Раей на долгие годы изрядно испортил мое отношение к девушкам, на которых я стал смотреть с изрядной долей цинизма и пренебрежения, что они, существа интуитивночуткие, замечали мгновенно.

*

И вот случилась эта вечеринка, когда среди всеобщего шума, веселья, винножарких поцелуев сокурсников, подошла ко мне Оля.

– Пойдем на площадку, покурим, – предложила она.

– А зачем на площадку? Все здесь курят, – тут же выдвинул я защитный аргумент, не успев даже удивиться, что первая красавица сама подошла ко мне.

– Пойдем, пойдем, лентяй, – капризно надула губки Оля. – Доставь себе удовольствие поболтать с красивой девушкой наедине.

Мы вышли на лестничную площадку, закурили, и Оленька, по праву всех красивых женщин говорить и делать все, что вздумается, заявила мне без обиняков, что я ей давно уже нравлюсь. Прежде всего тем, что я, оказывается (сам удивляюсь), не такой назойливый, как все, и не лезу к ней с глупыми ухаживаниями и признаниями в вечной любви, не таскаю убогие веники, выдавая их за цветы, и не подношу на лекциях дешевый шоколад Бабаевской фабрики. И она, Оля, очень любит мои песни и вообще считает меня «человеком незаурядным, с глубоким внутренним миром и даже талант-

ливным», как дословно сформулировала свое признание первая красавица.

Не скажу, что я сразу растаял от этой неприкрытой и даже не очень умелой лести, настолько лобовой была ее атака. Прекрасно осознавая, что никак не могу быть героем романа Смолиной и что за всем этим кроется какойто подвох или розыгрыш, я все же покорно поплелся после вечера провожать ее домой. Почти всю дорогу Оля молчала, лишь изредка подавая ничего не значащие реплики (актриса все же, что ни говори), и я исполнял привычную мне роль массовиказатейника.

Но среди ночи раздался неожиданный телефонный звонок, и я услышал голос Ольги, совсем даже не сонный. Она уверяла, что провела в моем обществе прекрасный вечер и пригласила пойти вместе в «Ленком», куда знакомый актер дал ей две контрамарки. Продолжало твориться чтото такое, что было выше моего понимания.

*

Утром я на всякий случай еще раз тщательнейшим образом рассматривал себя в зеркало. Нет, ничего во мне не изменилось. Та же самая, весьма заурядная, физиономия, разве что нос мог бы быть поменьше (как мы в детстве дразнили носатых – эй, нос, на двоих рос, одному достался) да уши не такими локаторами. Фигура тоже самая обычная: не атлет, не хилак. Рост... Ну что ж, рост, не в баскетбол же мне играть. А так вполне средний мужской рост, особенно если

перестать сутулиться, расправить молодецки плечи. Ну, или в прыжке, либо, скажем, на коньках.

Вообще я давно уже перестал комплексовать по поводу своей внешности. Впервых, она меня вполне устраивала, вовторых, я разработал некую теорию, которую небезуспешно пропагандировал среди однокурсников. «Нас с детства убеждали, что в здоровом теле – здоровый дух, – вещал я. – На самом деле сила физическая не всегда соответствует сильному духу. Скорее наоборот. Часто сильные люди настолько много времени отдают своему физическому совершенству, что становятся в итоге абсолютно бездушны. История знает тысячи примеров, когда великаны становились предателями и трусами, а физически неразвитые люди совершали подвиги, возносящие их на вершину человеческого духа». Парни на мои сентенции обычно внимания не обращали, девицы же слушали с неизменным вниманием, находя в моих монологах даже нечто вольтерьянское. Выслушав, шли все же танцевать со стройными, мускулистыми и высокими однокурсниками, которые в нашем училище преобладали. Я же в такие моменты брал в руки гитару и, стараясь придать голосу как можно больше сарказма, напевал входящего в то время в моду барда Тимура Шагова:

Ценят женщины ум и культуру,
А также песни под белый рояль.
Но фактура, важнее фактура,

Чтоб здоровый и крепкий, как сталь.

Чтоб от тела струился бы эрос,

Чтобы профиль, и чтобы анфас,

Ах, девчонки, балдею – ну просто Бандерос,

Хочу его прямо сейчас.

Через пару недель, в пятницу утром, собираясь на занятия, я небрежным тоном спросил родителей:

– Как вы посмотрите, если завтра я приглашу к нам на обед одну девушку?

Мама застыла с недомытой тарелкой в руках, а отец ни с того ни с сего брякнул:

– Надо бы шампанского купить.

– Послушайте! – взмолился я. Не надо ничего особенно, Это просто моя сокурсница, мы пообедаем, и все. И не вздумайте родню созывать и смотрины устраивать. Жениться я не собираюсь.

– Очень жаль, – пробурчал отец. – Если нам не удастся, может, хотя бы жена из тебя сделала человека, отвечающего за свои поступки.

Во время обеда Оля покорила моих предков простотой и какимто совершенно искрящимся обаянием. А когда она чуть не силой заставила маму остаться после обеда за столом: «Отдохните, Римма Юрьевна, вы и так сегодня нахлопотались, я сама посуду вымою, а к чаю я чудный тортик принесла», то они были сражены окончательно.

*

Надо сказать, что к моему выбору профессии родители отнеслись поразному. Отец, как и большинство в этой стране, хлебнул из горькой чаши репрессий полной мерой. Сын расстрелянного в тридцать седьмом «врага народа», этот восьмилетний ребенок, не закончив четвертого класса, пошел работать, кормил мать и двух только что родившихся сестреночекблизняшек. В эвакуацию они во время войны не поехали, его мать сильно болела, дороги могла не вынести. Двенадцатилетним мальчишкой, вместе с другими огольцами он по ночам тушил на крышах Москвы «зажигалки», сбрасываемые с фашистских самолетов, днем работал на заводе, где протрубил потом до самой пенсии. Всю жизнь мой папа считал, что если в доме есть лук и хлеб, то голод семье не грозит. И когда я оставлял на тарелке недоеденный кусок, морщился, как от зубной боли. А о том, чтобы выбросить зачерствевший хлеб, и речи быть не могло.

Мама закончила семилетку в Ташкенте, в эвакуации. После войны вместе со своей матерью вернулась в Москву, работала на кроватиной фабрике. Познакомились мои родители, как это ни покажется странным, в районной библиотеке. Оба любили читать. Однажды, выйдя из этого «очага культуры» вместе, они уже не расставались до конца своих дней. Разлучались лишь однажды, когда отца призвали в армию.

К этому времени мне уже было три месяца и отцова отсрочка, в связи с рождением ребенка, истекла. Отец наотрез

и категорически отказался от какихлибо посылок, он только требовал от мамы, чтобы она каждый месяц присылала ему фотографии сына. Так что моих младенческих снимков, впоследствии хранящихся в семейном альбоме, за три года его армейской службы накопилась целая куча. На мамины письма рядовой Юдин отвечал исправно, но очень коротко. Видимо, хранил военную тайну. В конце письма дописывал одну строчку точек и одну строчку запятых, добавляя без знаков препинания, но не без язвительности: «Ты грамотная поставь запятые и точки куда хочешь целую тебя и сына». После армии они жить с родителями в коммуналке не захотели, да и места там не было для молодой семьи с младенцем. Сняли комнату в подмосковном поселке с ласковым названием Огоньково, потом там же купили маленький домик, где батя собственными руками постоянно что-то достраивал, строгал, пилил, штукатурил. Он вообще был мастеровым, все предпочитал делать собственными руками. Однажды даже приобрел немудрящее сапожное оборудование и на всю семью пошил обувь. И очень забавно сердился, когда видел, что его кустарные сандалии мерзкопоносного цвета пылятся в углу.

Мои театральные успехи в школе мама воспринимала с гордостью, фотографию сына в роли Пушкина неизменно носила в стареньком потертом портмоне. Отец лишь однажды побывал на школьном спектакле, больше его ни разу выманить не удалось. Мама как-то мне проговорила, что, когда родитель увидел на сцене собственного сына с под-

крашенными губами, он остался в зале до конца постановки лишь потому, что она крепко держала его за рукав. Объяснить возмущенному до глубины души мужу, что это театральная грим и «так надо», ей не удалось.

Когда же я поступил в театральное училище, он высказался вроде бы походя, но весьма категорично. Суть его высказывания сводилась к тому, что мужчина должен в жизни что-то делать непременно руками. И сегодня, когда мне все дороги открыты, я мог бы со своей золотой медалью поступить в любой нормальный институт, стать инженером и заниматься настоящим делом, а не корчить из себя невестку ко-го, да еще и с накрашенной мордой, – не удержался все же отец от укола. Своей обиды он больше никогда не высказывал и смирился с моей профессией, пожалуй, только тогда, когда увидел меня в фильме, где я, единственный раз за всю свою актерскую карьеру, исполнил одну из ведущих ролей.

*

...Появление в нашем доме Ольги родители восприняли с необыкновенным энтузиазмом. Записали ее телефон на отдельной странице в блокноте, мама стала с ней созваниваться, настойчиво приглашая в гости. Так что можно сказать без преувеличения, что нас поженили родители. Самое удивительное заключалось в том, что Ольга ничуть не возражала. Когдато мудрый царь Соломон изрек, что он, познавший в жизни многое, не понимает сути трех вещей. А не понимал Соломон природы полета орла в небе, движения змеи по

гладкой скале вверх и путь от сердца мужчины к сердцу женщины. И если этого пути не понимал мудрейший из царей, то уж куда мне, со скудным умишком, было это осознать. Мне бы спросить Ольгу напрямую: «На фига тебе, красавице, на которую уже сейчас обращают внимание режиссеры и у которой отбоя нет от поклонников, все это надо? На кой я тебе сдался?» Но, видимо, интуитивно боявшийся ответа, я этот вопрос осмелился задать лишь много лет спустя. А тогда, промучившись несколько вечеров над своими сомнениями и терзаниями, я выбрал то, что в большинстве сложных жизненных ситуаций выбирал всегда – поплыл по течению, отдавшись ветру и волнам судьбы. Известное всем инертным людям «будь что будет» казалось мне спасательным кругом.

*

Свадьба была скромной. Родители жениха и невесты, хотя и сидели рядом, друг с другом почти не общались. Мои будущие тесть и теща выбора своей красавицы-дочери явно не одобряли. Однокашники, коих было на свадьбе большинство, все как один перепились, их юмор уже переходил допустимые нормы приличия. А когда общепризнанный в училище будущий гений заорал, якобы шутя: «Кто еще не пробовал невесту?», – отец самолично вывел его из зала.

Мы с Ольгой вели себя паиньками. Под крики «горько» коротко целовались, исполнили обязательный танец жениха и невесты и тайком переглядывались, тревожась, что гости заметят, как невеста всем блюдам на столе предпочитает со-

ленные огурчики и беспрестанно бегают в туалет, прикрывая рот краем свадебной фаты. Я молча любовался своей невестой – в ту пору первых недель своей беременности она была чудо как хороша – к ее яркой красоте добавилось какое-то теплое свечение, резкие движения сделались плавными, и глаз от нее отвести было невозможно.

Своего сына, по настоянию Оли, мы назвали Светославом – она с жаром уверяла меня, чтобы имя сыночка писалось не привычно «Святослав», а именно «Светослав», через «е», восславляя свет, как она вычурно говорила. Я особо не возражал, видя, как жена вся светится от счастья.

За всеми этими хлопотами мы както незаметно получили дипломы об окончании театрального вуза и, поскольку молодая семья была избавлена от какоголибо распределения, трудоустройством занялись самостоятельно. Родители помогали нам растить сыночка, бабушки почти подружились и забавно конфликтовали теперь только по поводу того, кто будет находиться с любимым внуком, скрупулезно подсчитывая каждый проведенный со Славиком день, дабы не нарушить календарного равновесия.

*

У Оли заладилось сразу. Она и впрямь была хорошей актрисой, да еще и обладала такой незаурядной внешностью. В театре, где она теперь служила, ее заметили, на отсутствие ролей жаловаться не приходилось. А тут еще и в кино пригласили молодую актрису Смолину – фамилию при ре-

гистрации брака она оставила свою, словно понимала, что в последующем меньше хлопот будет. О ней заговорили критики, пару раз ее пригласили на телевидение и каждому, кто хоть что-то смыслил в нашем деле, было понятно, что восходит новая звезда.

Что же касается меня, то пророчество маститого режиссера начинало сбываться. Двери московских театров были закрыты передо мной наглухо, и я уехал за пару сот километров от столицы, где в небольшой театральной труппе нашлось и для меня местечко. Иным словом, нежели прозябание, я свое тогдашнее существование и назвать не могу. И хотя мне давали какие-то роли, я понимал, что режиссер, замордованный захоластным репертуаром, делает это по необходимости. Всякий свободный день я стремился в Москву. Во мне вспыхнули отцовские чувства. Я с удовольствием катал колясочку, то и дело разглядывая румяное личико своего ангелочка и забывая о времени, а потом выслушивал сварливые замечания бабушек, типа «ребенка пора кормить, а ты шляешься невесть где».

Когда Славик подросток, я стал водить его в кукольный театр и зоопарк, часами играл с ним. Потом он пошел в школу, как-то внезапно вытянулся, мы вели с ним серьезные разговоры о спорте, о книгах, вообще обо всем, что его интересовало. В эти моменты отступали в сторону все мои жизненные невзгоды и огорчения.

В семейной жизни, как известно, мужчина либо любим,

либо он – философ, то есть тот, кто умеет объяснить, что белое – это черное и наоборот. Мне досталась малопочтенная участь философа. С женой я теперь виделся редко. Она либо была занята в театре, либо и вовсе уезжала на съемки очередного фильма. Но даже когда Оля бывала дома, мы почему-то не находили общих тем для разговоров. Я все отчетливее стал понимать, что она попросту тяготится моим присутствием. А о том, чтобы вместе куданибудь пойти, и речи не могло быть.

В тот вечер, когда она постелила мне отдельно, даже я, со своими философскими взглядами, сделал совершенно очевидный практический вывод. И, понятное дело, не ошибся.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В ресторане бунт. Не такой, как русский – бессмысленный и беспощадный, но все же – натуральный бунт. Утром позвонила Наталья Николаевна. Обычно сдержанная, не склонная к экзальтации, кричит в телефонную трубку:

– Срочно приезжайте, у нас повара бунтуют!!!

Приехал. Повара – все женщины – с торжественными и в то же время суровыми лицами, вышли из кухни в зал, выстроились в линейку, кажется, даже по росту. Такая организованность и сплоченность и впрямь ничего хорошего не предвещала. Вперед вышла новый шефповар – Наташа. Она у нас недавно. Пришла после того, как сбежала с работы любвеобильная Оксана.

Оксана увлеклась администратором Валерой. История старая, как мир. Ей сорок два, он на двадцать лет младше. Страсть, как волна, накрыла обоих. Борьба с внезапным чувством, или желанием, было не вмоготу. Они уединились в маленькой каморке на кухне, заменявшей сотрудникам ресторана раздевалку. Сначала слышались звуки поцелуев, напоминавшие лошадиное чавканье. Потом звуки приняли более эротический характер. Остальные повара, посудомойщицы и прочий кухонный люд, замерев от любопытства, слушали волнующий порноаудиоспектакль в исполнении Оксаны и Валеры. Так сказать, пьеса на двоих. В этот момент ввалился вечно поддатый разнорабочий дядя Леша. Он где-то оставил отвертку, он ее постоянно где-то забывал. Стал заглядывать во все углы, открыл дверь раздевалки, увидел... Ну, в общем, что увидел, то и увидел. Сказал задумчиво: «Ага, значит, здесь отвертки нет», и пошел прочь. Через мгновение выскочила Оксана, поправляя на ходу одежду, побежала к выходу. Больше мы ее не видели.

Валера утешился скоро, стал ухаживать за другой поварихой. В ее планы, видимо, не входило уединение с любвеобильным самцом в раздевалке, она огрела его половником по голове. Администратор лишь поморщился. Половник пострадал значительно больше – ручка погнулась. Валера подумал и сказал, что в таких условиях работать невыносимо.

Так мы лишились сразу двух сотрудников. Дали объявление в газету: ресторан такойто приглашает на работу опыт-

ного повара и администратора зала. По объявлению пришла Наташа. Долгие годы она работала в правительственном зале столичного аэропорта. Кормила Брежнева, Косыгина и вообще всех членов Политбюро. Косыгину, рассказывала, особенно нравились ее куриные котлетки, Суслов предпочитал сырники, непримиримый коммунист Пельше, честь и совесть КПСС, всегда заказывал рыбу, ну и так далее. У Наташи было условие. Она привела с собой младшую сестренку – собственную копию, только помоложе и уменьшенную. Хотела сделать из сестренки профессионального повара. Наш ресторан ее устраивал в первую очередь как тренажерный зал для неумелой сестры. Сказала, что на первых порах Олеся будет работать помощницей и приглядываться. Платить ей, как ученице, надо немного. Мы условия приняли, нам было не до капризов, да и лишние руки на нашей убогой кухне были совсем не лишними. И вот теперь Наташа, как шефповар, возглавила бунт.

*

Как уже было сказано, Наташа вышла вперед и произнесла речь. Она была абсолютно спокойна, короткие фразы произносила уверенно, но без угроз, просто ставила нас в известность:

– Игорь Аркадьевич, Наталья Николаевна. С Овиком работать невозможно. Он – мангальщик. Его дело угли разжигать, мясо жарить. Так почему вечно лезет в наши дела? Сует нос в каждую кастрюлю. Учит нас, как надо борщ варить, как

салат готовить. Обзывает дурами и другими словами. Муж меня два раз бил. Но никогда не ругается матом. Мы не потерпим. Наше условие. Или уходит Овик, или уходим мы все. Работать с ним с этого момента не будем.

Они во все глаза смотрели на меня, нужно было принимать решение. Я высказался следующим образом:

– Нет, так дело не пойдет. Наташа, ты взрослый человек, опытный повар и прекрасно понимаешь, что посреди рабочей смены никто не имеет права оставлять рабочее место и делать такие заявления. Я ценю тебя как повара, выслушал твое мнение. А теперь хочу разобраться, в том числе и Овика послушать. Это будет справедливо. Сейчас вы все пойдете работать. Вечером встречаемся снова. Я объявлю свое решение. Так будет справедливо?

– Так будет справедливо, – признала Наташа и повела свою команду к кастрюлям и сковородкам.

Овик чувствовал себя в ресторане незаменимым и давал почувствовать это всем окружающим. Он попрежнему ходил в своем длиннополом светлом клетчатом пиджаке, только становясь к мангалу, снисходил до поварской куртки, да и то не всегда. Преображался, лишь когда чувствовал, что пришел «настоящий» гость. Таких людей он определял на подсознательном уровне, но никогда не ошибался. Для этих случаев у него была припасена белая куртка и высоченный поварской колпак. Приготовив шашлык, стейк или рыбу, он величавым жестом отстранял официанта, сам выходил в зал

и подносил шедевр кулинарного искусства. При своем чуть ли не карликовом росте выглядел в такие минуты едва ли не величаво. За редким исключением, гости его благодарили тут же. Еще даже не распробовав блюдо, лезли в карман, извлекали купюры. Были неизменно щедры. Без тени улыбки Овик принимал деньги с достоинством, удаляясь, произносил:

– Приходите еще, для вас всегда буду готовить лично.

Во всех иных случаях мангальщик, видимо, не считал нужным стараться: то недожарит, то пересолит. На замечания отвечал небрежно и односложно: «А, пускай».

Вызвав его в директорский «кабинет» – малюсенькое помещение, где с трудом умещались стол, компьютер и телефон, мы стали выяснять причину конфликта. Овик возбужденно, стал размахивать руками, помогая жестиком своей гневной речи. По его глубокому убеждению выходило, что на кухне у нас работают исключительно безрукие бл...ди, которые готовить не умеют вовсе. И если бы не он, Овик, то наш ресторан уже давно бы пришлось закрыть. Поэтому он делает им замечания и вообще учит, как надо готовить. Резюмируя свою гневную тираду, высказал предложение: всех поваров уволить сегодня же. На кухне останется он один, все будет готовить собственноручно, ну, может быть, приведет помощника, есть на примете «хаареший малчик». Понятное дело, что зарплату всех изгнанных поваров следовало также передать Овику. Закончил своей

излюбленной фразой по поводу того, что, коли мы примем его предложение, то нас в скором будущем ожидает несметное богатство, так как толпы желающих будут осаждать «Ручеек у камина», ну и так далее.

Стоит ли говорить, что вечером мы остались без мангалщика?

*

Свято место пусто не бывает. По рекомендации знакомых, пришел Паша, молодой стройный человек с живыми и смысленными черными глазами. Одет в костюмтройку, строгий однотонный галстук повязан изящным узлом. На повара походил как балерина на сантехника. Свое имя произносил с ударением на последнем слоге, но Пашой его никто не называл, и новичок удовольствовался обращением «Пашка». На мой вопрос, умеет ли он обращаться с мангалом, мариновать мясо, готовить на углях рыбу и птицу, Паша лишь кивнул головой, давая понять, что тема исчерпана. Выбора у меня не было. На следующий день Пашка явился на работу пораньше, в неизменном костюметройке и белой сорочке, с безукоризненно вывязанном галстуком. Позвал когото из официантов. Под его чутким руководством они коекак разожгли угли в мангале. Новичок рук не марал. Первые два гостя, заказавшие шашлык, ушли, не дождавшись заказа. Приготовленное новичком блюдо досталось другим, пришедшим значительно позже. Они тоже ушли, гневно заявив, что таким мясом не кормят даже собак.

Паша явился пред мои очи с повинной. Объяснил, что приехал из Ташкента и ему очень нужна работа. Дома жарил шашлык для друзей, думал, что и здесь справится. Поспешно заявил, что он много лет работал официантом, метрдотелем, даже обслуживал правительственные банкеты и зарубежные делегации. И если мы его оставим, то обязуется найти мангальщика в ближайшие деньдва. Слово он сдержал, вздохнув с облегчением, занялся привычным делом – стал официантом, потом администратором зала, лучше него гостей никто обслужить не мог. При этом работал без усталости, всегда с неизменной улыбкой. Постоянные гости требовали, чтобы их обслуживал только Паша, теперь уже незаменимый в нашем ресторане Паша.

*

Коекак разобравшись с кухней и оставив ее снова на попечение Натальи Николаевны, я увлекся обустройством залов. Их у нас было три – европейский, японский и так называемая стекляшка, недавно построенная веранда с огромными окнами. Своего домашнего гнездышка мне вить не довелось, всю нерастраченную энергию с мощью и неизбежностью лавины обрушил на собственное заведение. Надо признать, что в очереди, где раздавали художественные способности, я был последним. Еще в школьные годы скрупулезно подписывал свои рисунки: «дом», «лошадь», «машина», дабы окружающим легче было разобраться в этих невнятных каракулях. Моим главным консультантом по изменению

и совершенствованию ресторанный интерьер стал другом детства Вова Зимин.

Когда то мы вместе ходили в один детский сад, потом учились в одной школе. Нас сдружила общая страсть к книгам, хотя Вова читал значительно больше. Я вообще в своей жизни не встречал человека более начитанного, чем он. Ему прочили блестящее будущее, но он слишком долго искал себя, постоянно отвлекаясь на всякие пустяки – обожал веселые дружеские пирушки, бильярд, карты. К тому же в молодости много времени занимали барышни. Высокий, с яркой внешностью и обходительными манерами ловеласа, он пользовался у большинства представительниц прекрасного пола неизменным успехом. Был полигамен, худеньких, стройных и юных сменяли полные дамы среднего возраста. Во вина мама, Людмила Петровна, обожавшая сына до беспамьятства, его увлечение, помоему, даже поощряла. Во всяком случае, именно по ее инициативе в Вовиной комнате, вызванный из ЖЭКа слесарь, установил задвижку с внутренней стороны. Строгому мужу Людмила Петровна объяснила так: чтобы мальчик во время свиданий с дамами не нервничал, что ему могут помешать. Потом родители построили Во ве кооперативную квартиру. Понабивав изрядно шишек на жизненных ухабах и устав от женского внимания, Во ва женился на невзрачной женщине, после чего немедленно залег на продавленном диване. Причем буквально. После долгого и тщательного обдумывания своей дальнейшей жизни

заделался антикваром. Надо сказать, в этом непростом деле, требующем особой эрудиции, он преуспел.

Его почитали серьезным экспертом, ценили данные им консультации. Они хорошо оплачивались. Особенно ценились его экспертизы, понаучному – атрибуции, старинных картин и икон. Попрежнему не выпускал из рук книг, кажется, стал читать еще больше. С дивана он теперь поднимался лишь по суровой необходимости, говорил, что завидует на свете только одному живому существу – змее, так как она ходит тоже лежа.

– Не плыви по течению, не плыви против течения, плыви, куда тебе нужно, – беспрестанно повторяет Вова.

*

По совету друга детства я стал мотаться по разным вернисажам, покупать милые побрякушки, тащил в ресторан какieto патефоны, прялки, искусственные деревья, льняные занавески. В японском зале появились деревянные аисты, бамбуковые ширмы с иероглифами. Наталья Николаевна, как директор, контролировала наши финансы, выдавала мне деньги на эти покупки крайне неохотно, ворчливо бурча, что надо бы алкоголя и бакалеи впрок закупить, праздник де скоро, да и моющие средства на исходе. Находила и прочие причины, чтобы ограничить мою безудержную расточительность.

Тогда я стал тратить собственные деньги. Питался я теперь в ресторане, на вредные привычки уходило немного, так

что покупки совершал легко и бездумно.

Однажды Вова снизошел с любимого дивана и побывал в нашем заведении. Своей респектабельной внешностью произвел фурор среди официантов. Паша, склонившись в почтительном поклоне перед важным гостем, не сказал, а скорее доверительно прошептал поведал:

– Придется немного подождать. Замаринуем для вас парное мясо и пельмешек налепим. Не думаю, что такому гостю можем подать блюда из заготовок.

Вова благосклонно кивнул. Уходя, удовлетворенный, протянул официанту чаевые. Вышколенный Паша ответил, что с друга своего шефа денег брать не имеет права и не возьмет ни за что. Все понимающий мудрый Вова засунул ему купюру в кармашек форменной жилетки и со значением пожал руку. Паша проводил его до машины.

На следующий день Вова, кряхтя и постанывая от натуги, еще раз покинул свой диван и отправился в багетную мастерскую, заявив жене, что совершает этот подвиг только ради старого друга. В багетной мастерской он заказал четыре огромных зеркала венского стекла, самолично, долго и придирчиво, выбирал для них рамы, о чем мне потом и поведал. Через неделю Вовин подарок в машине со специальными креплениями, предназначенными для перевозки зеркал, привезли в ресторан. Они очень украсили зал.

*

Апофеозом и гордостью моей дизайнерской деятельно-

сти стали манекены. В наш ресторан частенько заходил известный всей Москве художник Борис Белов. Талантливый сценограф, он оформлял декорациями концерты всех звезд эстрады, со многими из них дружил. Бесподобно рассказывал анекдоты, слыл весельчаком и душой любой компании. Без Бори не обходилось ни одно великосветское собрание. Откуда у меня появилась идея украсить зал манекенами, и сам точно не знаю. Но както за ужином я спросил Боря, не найдется ли на его складах реквизита парочки ненужных бэушных манекенов. Боря обещал посмотреть, через несколько дней позвонил и попросил когонибудь прислать с машиной. Привезли два новеньких, в упаковках, манекена – мужской и женский. Яркая этикетка свидетельствовала, что произведены эти прекрасные куклы не гденибудь, а в Италии. Я обомлел, позвонил Белову, робко поинтересовался, сколько я за эту красоту должен. «Говно на дружбу не меняю», – важно заявил Борис и громко расхохотался, довольный своим ответом.

Мы экспериментировали долго. Сначала обрядили манекены в расшитый сарафан и косоворотку с шароварами, у ног куклы женщины поставили прялку, манекенмужчина якобы заводил старинный патефон. Больше всех композиция нравилась мне самому. Остальные иронично хмыкали, но начальству перечить по такому несущественному поводу не смели. Установили эту живописную группу в вестибюле. Они мешали официантам, о них спотыкались гости. Потом,

на лето, их одолжили в соседний ресторан узбекской кухни, где они красовались у входа в роскошных восточных нарядах. Вернувшись в дом родной, Клава и Петя (так мы их называли между собой) поменяли имидж. На Клаву надели вечернее платье, его принесла из дому Наталья Николаевна. Купили ей совершенно роскошный, платинового цвета, парик. Петю я обрядил в свой некогда парадный костюм, без толку пылившийся в шкафу, повязал ему самый лучший галстук, для пущей достоверности нацепил на нос очки в тонкой интеллигентной оправе. Притащили в зал маленький круглый столик. Поставили бутылку шампанского, вазу с искусственными фруктами. Клаву усадили в плетеное креслице. Петя почтительно стоял рядом, держа в неподвижной руке пластмассовую розу. Разместили композицию в уголке возле камина, где царил полумрак. Многие гости с ними здоровались, желали приятного аппетита. Поняв свою ошибку, смеялись и с удовольствием фотографировались рядом. Одним словом, манекены у нас прижились.

*

...Несколько лет спустя в зале проводился большой праздничный банкет. Петю с Клавой уволокли в подсобку. Нерадивый работник бросил их на пол. На следующий день после банкета случился в ресторане небольшой пожар, наделавший большой шум. В вытяжке, которую давно не чистили, скопился и вспыхнул осевший на фильтрах жир. Ктото из поваров черпнул из крана воды и пламя без труда загасил.

Но дым повалил густой и черный. Жильцы соседнего дома позвонили «01». Приехала, ревя сиреной, пожарная машина. Надев противогаз, один из пожарных ринулся на разведку. В подсобке споткнулся о манекены. Выскочил, как ошпаренный, на улицу. Достал рацию и забубнил: «Первый, первый, я шестой. Как слышишь? У нас два двухсотых», – что, как известно, означает трупы. Через несколько минут возле ресторана стояли с пяток пожарных машин, почемуто не две, а три «скорых помощи». Когда ошибка обнаружилась, пожарные от досады и боязни получить нагоняй от начальства сначала гнусно матерились, а потом принялись строчить беспощадный акт, грозящий ресторану закрытием.

Любопытные, собравшиеся вокруг, обсуждали подробности трагической смерти влюбленной пары, которая на свою беду зашли пообедать «в этот вертеп». «Решив вопрос» старым российским методом, я получил от пожарных отпущение грехов и благосклонное заключение о ложном вызове. После их отъезда мы обнаружили на складе несколько пустых полок. Надо полагать, что полки с бутылками они опустошили, дабы не подвергать ресторан дополнительному риску воспламенения от огнеопасного крепкого алкоголя.

*

Пришел солидный пятидесятилетний мужчина. Поинтересовался, не нужны ли нам повара. Оказался поваром высшего разряда, работал в самых престижных ресторанах Москвы, последние годы – в «Княжеской охоте», на Рублев-

ке. Я полюбопытствовал у Сан Саныча (пугающее сходство, мне только второго алкоголика не хватало!), что его привело в наше более чем скромное заведение.

– Поменял квартиру, живу в трех минутах пешего хода отсюда. Устал от этих дорог, вечных пробок. Просто мечтаю работать возле дома, – с проникновенной и вызывающей доверие откровенностью признался он, и предложил испытать его в деле.

Заинтригованный, я пошел на кухню, посмотреть, как работает мастер. Сан Саныч извлек из солидного портфеля белоснежные куртку и колпак, несколько ножей и принялся священнодействовать. Его манипуляции скорее напоминали номер иллюзиониста. Ножи сверкали, продукты мелькали в воздухе. Он успевал одновременно нарезать овощи, разделывать мясо, готовить какойто неведомый авторский соус и еще много чего другого. Его отточенные движения были быстры и неуловимы. Болгарский перец он легко превращал в живописную розу, зелень с помидором и морковкой преобразались в цветущую поляну, а булькающий в кастрюльке соус источал неземной аромат. Мое восхищение охладила директор. Наталья Николаевна шепнула мне на ухо: «А вы представляете, какую зарплату запросит этот кудесник?» Но кудесник, утирая с распаренного лица пот, легко согласился на нашу обычную поварскую ставку, чем насторожил меня еще больше.

В первый же день работы Сан Саныч поразил всех. Слу-

чился небольшой, но очень ответственный банкет. Нас предупредили, что надо постараться и сделать все возможное во избежание недовольства именитых гостей, еще лучше – невозможное. Сан Саныч выслушал пожелание и сказал, что ему надо сходить в магазин. Взяв под отчет деньги, вернулся через полчаса и принес... три буханки обычного хлеба. Скрупулезно, до единой копейки, вернул сдачу. Попросил его не отвлекать. Вооружившись ножом и обычной столовой ложкой, долго стоял в задумчивости, потом принялся за дело. В итоге вынес в зал изготовленную из хлеба фигурку медведя. В вытянутых вперед лапах разместил по икорнице с красной и черной икрой. Поставил это произведение поварского искусства на стол. Достал телефон и сфотографировал собственное произведение, пояснив, что сделал такое чудо впервые, экспромтом, и хочет сохранить в памяти. Мы были поражены. Гости – в восторге. Сан Саныч с достоинством выслушивал комплименты.

Не проработав и месяца, попросил расчет. Честно сообщил, что начинается запой, длиться будет недели три. Потом, возможно, вернется. Выразил нам свою благодарность. Месяца через два заглянул. Сказал, что готов на компромиссный вариант: если понадобится нам для проведения ответственных банкетов, может выполнить любой сложности заказ. Разумеется, за соответствующую оплату. Пару раз мы его действительно приглашали. Потом он перестал отвечать на телефонные звонки.

Для себя я твердо решил: если еще раз явится к нам устраиваться на работу повар по имени Сан Саныч, отказывать решительно и сразу.

*

Раз в месяц, в ночь на каждое первое число, директор, кладовщик, повара снимают остатки. Считают продукты, алкоголь, чтото еще, что для меня до сих пор тайна за семью печатями.

После очередного снятия остатков застал Наталью Николаевну в чрезвычайном унынии. Сначала у нас оказалось десять тонн (!) излишков огурцов. Ошибку нашли довольно легко – Снежана не в том месте поставила в компьютере запятую. Остальные итоги были куда плачевнее этой курьезной ошибки. Не хватало изрядного количества сыра, сливочного масла и «слабосоленой семужки», как ласково было обозначено это блюдо в меню. Кроме того невесть куда исчезло такое количество хлеба, которым можно было накормить население небольшого микрорайона. К вечеру, после нескольких задушевных бесед, мне нашептали: Валька гуляет. Валька была нашей новой поварихой. Во время отпуска Наташи она временно замещала шефповара.

Маленькая, сухонькая, неопределенного возраста – ей можно было дать от тридцати до шестидесяти, она была очень проворной. Попросила ввести в меню два новых блюда – царскую уху и уже означенную слабосоленую семужку. И то и другое готовила действительно превосходно. К нам, на-

пример, приходил теперь постоянно живущий рядом мужчина, который заказывал исключительно только эти два блюда, причем повторяя их многократно. К семье он непременно просил подать белое охлажденное вино, под уху требовал ледяной водочки.

...Начав работать, новая повариха первым делом отправилась знакомиться с сотрудниками. Протягивала свою сухонькую ладошку и повторяла всем – и молодым, и тем, кто постарше: «Валька». Так ее и стали называть все, кроме директора. По утрам, приходя в ресторан, Валька являлась в ее кабинет, открывала сумочку и показывала бутылку водки, приобретенную в магазине. «Покупаю на свои, из заведения – нини», – поясняла она.

– Валентина, а без этого никак нельзя? – интересовалась интеллигентная Наталья Николаевна.

– Без этого, Николаевна, нельзя никак, – сурово отвечала повар. – Попробуй без этого постой весь день у плиты, – и, считая дискуссию законченной, отправлялась на кухню.

Позвали Вальку, спросили, куда деваются масло, сыр, семга, хлеб.

– Ну, не ворую же я продукты и не ем сама, – высокомерно заявила она.

– Так куда же они исчезают?

И тут Валька расплакалась. Вытирая кулачками глаза, она сквозь непритворные слезы, сморкание и всхлипывания, воскликнула:

– Да мне, едрена матрена, детишек жалко. Не могу смотреть, как детишки голодают!

Мы были ошеломлены этим признанием. Мое богатое воображение рисовало собравшуюся у служебного входа толпу голодных оборванных детей, которых Валька кормит с рук. Но все оказалось проще, прозаичнее и уж совсем не так трогательно.

Два раза в день мы кормили наших сотрудников горячими обедами и ужинами, простыми, но сытными, не без основания полагая, что в ресторане голодным никто не останется. Ситуация в эпизоде, блестяще сыгранном Людмилой Гурченко в фильме «Вокзал для двоих», и в нашем ресторане работала безотказно. Брезгливо пренебрегая объедками («мы ж не свиньи»), официанты считали, что несъеденное, а если повезет, то и невыпитое, является их законной добычей. Разнообразя свое меню, официанты из зала европейской кухни предпочитали японские блюда, «японцы», наоборот, отдавали предпочтение «европейке».

Как выяснилось, Валькино сердце разрывалось на части, глядя, как «дети» (они же все мне как дети! – восклицала она) жрут эти макароны, гречку, сосиски, куриные окорочка. Вот она их и подкармливала. От души. Да еще и после смены каждого снабжала заботливо завернутым свертком с бутербродами. Вот такая матькормилица. За чужой, понятно, счет. Ну, а раз чужой, значит, не в счет.

...В 1948 году, когда был создан Израиль, первый премьер-министр нового государства Бен-Гурион выступал в ООН. Рассказав о политических, экономических и прочих глобальных целях своей страны, этот небольшого роста, с несоразмерно огромной лысой головой человек, неожиданно поразил всех присутствующих. Он заявил, что мечтает, как в его стране будут воры и проститутки, казнокрады, мошенники, ну и прочая нечисть. Свою мысль Бен-Гурион пояснил тем, что криминал присущ и даже неизбежен для любого развитого государства. Надо, конечно, с этим, бороться, но деваться от этого некуда. И уж коли Израиль теперь стал суверенным государством, то и там все должно быть как у всех.

Если экстраполировать мысль Бен-Гуриона на наш ресторан, то мы достигли такого уровня развития, когда у нас все было, как в любом развитом государстве. Читай вышеперечисленное израильским премьером.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

У Довлатова в «Зоне» есть ссылка на Набокова: «Случайность – логика фортуны». Набокова я читал давно, высказывания этого либо не помню, либо пропустил по юношескому недомыслию. Но Довлатову верю, даже если он эту фразу придумал сам. Тем более что в ее фатальной справедливости мне и самому приходилось не раз убеждаться.

Во время очередного приезда в Москву я маялся от безделья. Славик хворал, меня к нему ревнивая теща не подпу-

стила. Ольга была где-то в Крыму, на съемках нового фильма. Сделав пару телефонных звонков, договорился с одним знакомым оператором «Мосфильма» о встрече в ресторане Дома кино. Не успели мы занять свободный столик, послышался задорный голос:

– Игореха, сколько лет, сколько зим! Шагай к нам.

В шумной компании гулял мой давний сокурсник, который после двух семестров в нашем училище сбежал во ВГИК, закончил режиссерский факультет, и его фамилия теперь то и дело мелькала в титрах. Мы в те годы встречались довольно часто, он даже был моим свидетелем в ЗАГСе на регистрации с Ольгой.

Как выяснилось, Александр Шумский, для друзей по-прежнему просто Алик, обмывал свою новую работу. Картина, которую он снял уже в качестве режиссера-постановщика, получила первую категорию. Так что было чему радоваться.

За несколько лет, что мы не виделись, Алик изменился разительно. Из некогда молчаливого и порой даже угрюмого студента он превратился в шумного и говорливого вальяжного мэтра. Как ни странно, его это ничуть не портило. Шумский освободил для меня место рядом с собой, принялся расспрашивать о работе, о семейной жизни. С восторгом отозвался об Ольге, поинтересовавшись, как я переношу жизнь с кинозвездой. Подошел официант, предложил заказывать горячее. Я взял из его рук меню и извлек из кармана очки.

– Эгей, старичок, это что же, «мартышка к старости слаба глазами стала», – со смехом хлопнул меня по плечу Шумский.

– Да уж, брат, – задрезжал я старческим тенорком. – Руки уже не те, глаза уже не те, – и мы от души расхохотались удачно припомненной фразе из старого театрального анекдота.

– Погодика, погоди, – вдруг, враз став серьезным, сказал Алик. – Не снимай свои окуляры. Повернись так, встань, пройдишь, присядь. А теперьними очки, покажи, как ты их держишь. Ого, как ты щуришься, точно, как надо.

– Кому надо, кому? – не понимая, что происходит, спросил я его.

– Мне надо, старик, мне. Но давай об этом – завтра. Сегодня мы веселимся. А у меня принцип: «ерш» из водки с работой на пользу не идет.

На следующее утро, маясь головной болью, я собирался в свой Мухосранск. Выгреб из кармана деньги, ключи, футляр с очками. Из футляра торчал краешек какойто бумажки. Это оказался ресторанный счет. Недоумевая, как он ко мне попал, я уже было хотел выбросить ненужный листок, как вдруг заметил на обороте написанный карандашом номер телефона, под которым было начертано «А. Шумский». Позвонить, что ли? Но, глянув на часы, заторопился на вокзал, решив, что позвоню в другой раз.

Едва переступил порог служебного входа в театр, наша

неизменно сердитая вахтерша, состарившаяся на ролях «кушать подано» несостоявшаяся актриса, сообщила, что ее уже «прямотаки истерзал своими звонками до мигрэни» некто чрезвычайно нахальный Шумский и велел, чтобы я перезвонил ему немедленно. Прямо с вахты набрал записанный телефон. Шумский попенял мне, хотя и не очень сердито, за то, что я ему не позвонил, как договаривались, и не терпящим возражений тоном велел немедленно возвращаться в Москву.

– Ты мне нужен не позже завтрашнего утра, – заявил Алик. – Конечно, лучше бы сегодня вечером, но завтра утром – крайний срок. Если приедешь завтра, то подруливай сразу к пятой проходной «Мосфильма», пропуск тебе будет заказан. И учти, старик, нас ждут великие дела, – интригуяюще произнес он и повесил трубку.

*

Чтото невнятное наврав «главнюку» – главному режиссеру, я снова помчался на вокзал. А утром уже входил в один из павильонов знаменитой киностудии «Мосфильм», где декораторы и художники способны воссоздать неотличимую от действительной картину любой эпохи. Где страсти, предусмотренные сценарием, неотличимы от трагедий, драм, комедий и фарса, происходящих в среде актеров, режиссеров и прочего киношного люда. Без чего немислимо создание ни одной кинокартины.

Увидев, как я пробираюсь через свалку неустановленных

декораций, Шумский прокричал в мегафон: «Перерыв пятнадцать минут» и поманил меня в сторону.

– Времени нет ни грамма, – без предисловий начал он. – Коротко, история такая. Через месяц запускаемся. Рабочее название фильма «Граница на замке». Фильм, как понимаешь, о пограничниках. Натуру будем снимать на советско-афганской заставе. Уже есть договоренность с погранцами. Сценарий одобрен и в Госкино, и в Главном управлении погранвойск. Мне нужен актер на роль замполита. Это – ты. Я когда читал сценарий, то все думал, кого же внешне этот тип напоминает. А тебя увидел и понял – ну вылитый Игореха Юдин. По замыслу автора сценария, замполит чуть подслеповат. Носит очки, но страшно этого стесняется – он же офицер. А вообще он ужасно принципиальный мужик и, между нами говоря, скотина порядочная, стукач, карьерист и службист. Но – партия превыше всего и порочить звание советского политрука нельзя. Понял, да? Так что он у нас герой положительный. Сегодня у тебя пробы. Имей в виду, от желающих на эту роль у меня отбоя нет, кинопробы уже несколько актеров прошли. Но мне нужен ты, и никто другой. А значит, снимать я буду тебя, и пусть мне попробует ктонибудь возразить! – с апломбом завершил он тираду. Как будто против моей кандидатуры возражала вся коллегия Госкино СССР во главе с министром.

Через неделю, оформив отпуск в театре и получив в строгом учреждении пропуск на въезд в погранзону, я вылетел в

Узбекистан. Небольшой городок, о котором еще по школьным урокам географии я знал, что это самая южная точка СССР, встретил меня невиданной жарой, отсутствием воды в офицерской гостинице и прокисшим кефиром в ближайшем кафе. В штабе погранотряда мне представили коренастого капитана погранвойск в выцветшей до белесого цвета гимнастерке – начальника заставы, где мне предстояло «изучать материал и вживаться в образ», как пышно выразился подполковник из политотдела. Капитан Куликов оказался парнем простецким. Предложил называть его «просто Коля» и, как только мы сели в «уазик», достал флягу, пояснил, что пограничники называют медицинский спирт «шило», и протянул драгоценный сосуд мне. Сам же деловито стал открывать бутылкой об бутылку чешское пиво – на закуску. Видно, неплохо живут на границе, если такой, даже по московским понятиям, дефицит у них под рукой.

– Слушай, я последний раз в самолете ел, сейчас воткну в свой организм твое «шило» и подохну прямо в машине, – начал я ныть.

– Елкипалки, – огорчился Коля. – Как же я об этом не подумал. Ладно, на заставе подхарчишься. Мы в честь гостя торжественный обед приготовили. А пока, на вот, возьми, сойдет для начала, – и капитан протянул мне неправдоподобно огромного размера розовобокий гранат, гордость садоводов здешнего края.

Застава, где предстояло снимать нашу нетленку, была

образцовопоказательной. Сюда привозили высокое начальство, важных гостей, здесь побывали самые известные артисты Союза. Их фотографии красовались на стенде рядом с фотографиями отличников боевой и политической подготовки. А в какихто сотнях метров от заставы уже была граница. Точнее, не сама граница, а контрольноследовая полоса – КСП – распаханная полоска земли, обнесенная колючей проволокой. В соответствии с техническим прогрессом КСП была оборудована несметным количеством электронных датчиков и множеством других мудреных приборов. Так что теперь не только шпион и диверсант, но даже зайчик или лисичка незаметно перейти нашу советскую границу не могли. Но переходили, твари лесные. И не только мелкота всякая, ломился в дружественный нам теперь Афганистан и обратно на советскую территорию профессиональный нарушитель границы – кабан. И тогда рвалась колючая проволока, срабатывали датчики и на заставе протяжно и тревожно выла сирена, а в динамиках истошно бился голос дежурного: «Застава, в ружье!» Иногда за ночь тревога звучала по нескольку раз. Издерганные бессонной ночью, матерились пограничники, злобно лаяли собаки, и при всем при этом вокруг царило какоето деловое спокойствие, даже сосредоточенность.

– Коля, – спросил я начальника заставы, – а эта самая электроника не умеет нарушителязверя от шпионачеловека отличать?

– Нет, этого она не различает, – со вздохом сожаления от-

ветил капитан. – Так что всякий раз – вперед, с полной боевой выкладкой.

*

Несколько раз Куликов и меня брал с собой, когда выезжали по тревоге. Я, конечно, надеялся, что мне повезет и я увижу настоящее задержание какого-нибудь злостного диверсанта – погоню, стрельбу и прочую экзотику. Но все было рутинно. Обнаруживали место порыва проволоки, восстанавливали поврежденные датчики, определяли, что оставленные на распаханном песке следы принадлежат не человеку, а зверю, и возвращались обратно на заставу, досыпать недоспавшее. Самым ярким впечатлением, которое у меня осталось от этих бросков на границу, был удар по шее, который я получил от командира сторожевого катера.

Однажды на рассвете после долгих уговоров он взял меня с собой на катер, патрулирующий АмуДарью. Собственно, именно по главному фарватеру этой азиатской водной артерии юридически и проходила Государственная граница между СССР и ДРА – Демократической Республикой Афганистан. Возбужденный тем, что участвую в столь важной операции, я схватил лежащий рядом автомат, поднялся во весь рост и нацелился в невидимого врага. И в ту же минуту, получив короткий, но сногсшибающий удар по шее, рухнул на дно катера.

– Не сердчай, – буднично, словно случайно задел меня на улице, проворчал военный морякофицер. – Тут, на берегу, в

камышях, излюбленное место снайперов. Душман увидит – и хана тебе, а если их там несколько, то и по катеру обстрел начнут... Ты уж, будь другом, не высовывайся. Мы ж тебя без разрешения взяли, – и он с укоризной взглянул на Куликова, видно поддался его уговорам «захватить артиста».

А вообще мне здесь все нравилось. Нравилось смотреть, как пограничники отрабатывают приемы рукопашного боя, как дрессируют собак, как офицер, отправляя очередной наряд, строгим и всегда торжественным голосом приказывает: «На охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик – заступить!» Вот только с моим прототипом – замполитом заставы – у меня отношения не складывались. Мой тезка, старший лейтенант Игорь Зарубин, казалось, раз и навсегда, надел на себя маску образцового офицера. Мне иногда представлялось, что он даже спит в мундире офицерапограничника.

Все мои попытки сократить между нами дистанцию, установить, как говорится, неформальные отношения, ни к чему не привели. Он не курил, не пил и даже не выпивал, на домашние ужины к командиру являлся явно по принуждению. За столом в основном молчал, если что и произносил, то незначительное, незапоминающееся. Военный устав был, похоже, его Библией, а любимым выражением – «не положено». Эта фраза так часто звучала из уст замполита, что превратилась в прозвище старлея. Солдаты его недолго любили. Даже сторожевые псы, когда Зарубин проходил мимо волье-

ров, остервенело бросались на металлическую сетку и лаяли с особой яростью.

Капитан Куликов был полной противоположностью своего замполита. Коренастый и плотный, Коля обожал анекдоты, из телевизионных передач предпочитал юмористические и в часы отдыха превыше всего ценил веселую компанию и отменный стол. Со столом было проще – его жена Люся была превосходной хозяйкой и баловала Коленьку, в котором души не чаяла, всякими курниками, варениками, голубцами и прочими кулинарными изысками. Когда он ночью убежал из дому по тревоге, Люся уже спать не ложилась до возвращения мужа. А вот с веселыми компаниями дело обстояло сложнее. Вопервых, служба у него была напряженной, и тревога звучала в любое время суток, а во вторых, гости сюда приезжали не так уж и часто – не то место погранзастава, куда двери открыты для любого желающего.

*

И все же моя жена сюда всетаки проникла. Они ввалились, помню, перед вечерней поверкой, вместе с режиссером Аликом Шумским и в сопровождении начальника политотдела погранотряда. Шумные, веселые, видно, в штабе их уже успели угостить на славу. И если появлению режиссера я не особо удивился, то появление Ольги заставило меня попросту остолбенеть. Так и стоял я с открытым от удивления ртом, пока Шумский не хлопнул меня по плечу:

– Старик, можешь нас даже ущипнуть, дабы удостовериться-

ся, что мы – не привидения. А твоя благоверная пробует-ся в нашем фильме на роль жены командира. Хотя я не понимаю, на хрена ей нужен этот эпизод с однойединственной фразой, – последние слова он прошептал мне на ухо так, чтобы Ольга не слышала.

После ужина мы с Ольгой остались одни. Гостеприимные и деликатные хозяева выделили творческой семье отдельное помещение – «Ленинскую комнату», затащив туда две солдатские койки. Усевшись под плакатами, призывающими к скорейшему построению коммунизма и бдительности при охране границ СССР, мы закурили. Я для чего-то открыл оказавшуюся здесь бутылку шампанского, хотя пить не собирался, да и Ольга, помоему, тоже. Молчание длилось недолго.

– Игорь, я прекрасно расслышала, что шепнул тебе на ухо Шумский, – как всегда, без всяких прелюдий начала Ольга. – Мне на самом деле и даром не сдался ни ваш фильм, ни этот убогий эпизод с женойидиоткой, которая пытается запихнуть мужу в карман галифе бутерброды. Я когда пробы смотрела, чуть не уписалась со смеху, такое было впечатление, что она ему на дорожку яйца почесать решила. – Ольга была в своем репертуаре, выражений не выбирала. – Я придумала всю эту историю, чтобы увидеть тебя, иначе на эту гребаную границу попасть не было никакой возможности, а ждать твоего возвращения мне некогда, время поджигает.

– Чтото случилось? – с тревогой спросил я ее.

– Еще не случилось, но случится обязательно. Слушай ме-

ня внимательно и, пожалуйста, не перебивай. В этой стране оставаться нельзя. Здесь будущего нет ни у меня, ни у нашего сына (я чисто механически отметил, что меня она в своих рассуждениях не упомянула). Короче. Надо отсюда валить. Я уже все разузнала. Ты – наполовину еврей. Твоя мама – еврейка, а у евреев национальность определяется именно по матери. Ты получишь вызов, сейчас это нетрудно, и мы уедем в Израиль. Советские эмигранты едут либо через Вену, либо через Рим. Там можно запросить американскую визу. Нам не откажут. В крайнем случае, дашь интервью в местной газете, выступишь на радио, расскажешь, как затирают в СССР талантливого артистаеврея.

– А на кой тебе сдалась та Америка, что ты там забыла?

– У тебя что, в этой жаре совсем мозги расплавились? – возмутилась жена. – В Америке – Голливуд! Ты понимаешь – Голливуд! Я сейчас занимаюсь с репетитором английским языком, по новой системе. Гарантия – через три месяца заговорю словно родилась в Штатах. И я не сомневаюсь, что меня там ждет успех, – она горделиво вздернула подбородок.

– Оля, ну послушай! – взмолился я. – Какой из меня еврей, я даже еврейского языка не знаю, у нас дома, кроме «ту-хес», никаких еврейских слов я и не слышал. И потом – ты все время говоришь о себе. А я, что я там буду делать, ты подумала? Мне и здесьто эта роль случайно, только благодаря Шумскому, досталась. Что же будет со мной?

– Ну, както, я думаю, все образуется, – уклончиво отве-

тила она, отводя свой взгляд, и уже более решительно добавила: – В конце концов про Америку не зря говорят, что это страна больших возможностей. Не пропадешь и ты. Ладно, давай спать. Э нет, дорогой муженек, – отстранилась она, заметив, как я потянулся к ней. – Заниматься любовью под присмотром членов Политбюро в полном составе – это уже не просто распущенность, а политическое кощунство. Все же мы пока являемся советскими гражданами и должны чтить моральный кодекс строителя коммунизма. Так что – каждый в свою койку. Да, спокойной ночи я тебе не желаю. Подумай как следует над моими словами. Завтра я улетаю.

Я подчинился. Не Ольге – своему желанию. Она, видимо, решила, что не самый подходящий момент раздражать отказом мужчину, в содействии которого нуждаешься. Утром, припудриваясь и морща носик, Оля заявила:

– Жизнь в казарме действует на тебя губительно, ты нарушил акт о ненападении.

– Пакт? – переспросил я, решив, что ослышался.

– Не пакт, а акт, – усмехнулась женщина. – В том смысле, что нападение было, а акта не было. Думай, Юдин, думай. Если ты хочешь меня сохранить, то я жду от тебя решительности. – В этой фразе было столько театрально наигранного и оттого – фальшивого! Но разве об этом я тогда думал?..

*

В какую тряпку женщина способна превратить мужчину, может объяснить только другой мужчина. Утром, за завтра-

ком, едва глянув на мою хмурую физиономию, Шумский объяснил мне без обиняков:

– Послушай, Игорек. Ваш брак со Смолиной был ничем иным, как ее капризом. Ведь ты, если не считать твоей клинической лени, состоишь из сплошных добродетелей. Впрочем, даже твоя лень – добродетель, потому что делать гадости тебе тоже лень. Поэтому ты спокоен, как египетская пирамида. Ольке надоели вся эта кутерьма и суета с ее бесконечными нервными ухажерами. Она ведь понимала, что ее ждет блестящее будущее, а чтобы «великой актрисе» не отвлекаться на бытовые мелочи, ей нужен был надежный тыл. Да оставь ты этот кефир, лечи подобное подобным, – и Алик придвинул мне бутылку холодного пива. – Уехала – и черт с ней. А приезжала зачем? Склоняла тебя драпать из Союза?

– А ты откуда...

– Тоже мне, бином Ньютона, – перебил меня режиссер. – Знаешь, как сейчас мужиковевреев называют – паровоз. В том смысле, что еврейский паровоз едет и русский вагончик за собой везет. Думаешь, я не понял, зачем она так упорно к тебе рвалась? Выброси все это из головы. Я же тебе говорил, нас ждут великие дела. Пока ты здесь в роль вживался, в Москве произошли события, о которых ты и не ведаешь. Мы еще даже не запустились, а репортаж о съемках уже прошел в программе «Время» по Центральному телевидению. Лично Сергей Георгиевич распорядился (Сергей Георгиевич Лапин был председателем Гостелерадио СССР и о его антагонизме

к киношникам ходили легенды). Так что кончай переживать. Ты еще своей Оленьке нос утрешь. Ну что, пошли создавать высокое искусство, – нарочито пафосно заключил он и тут же заботливо спросил: – Или еще пивка хлебнешь?

*

Работа неожиданно увлекла меня настолько, что я забыл обо всем на свете. Когда съемки по какой-либо причине срывались, я психовал, впадал в депрессию, на площадке снова оживал; игнорируя истерики автора сценария, придумывал целые монологи, сцены, реплики. Тем более что режиссер, и сам не очень довольный сценарием, явно поощрял мое творчество. С сыном в тот период я виделся редко, в Москве бывал наездами, встреч с Ольгой теперь избегал сам, и радовался, что она меня не ищет. Одним словом, все было настолько хорошо, что по теории относительности долго продолжаться не могло.

И гром грянул. Наша картина уже была смонтирована и готова к показу худсовету студии, когда мне позвонил Шумский и каким-то деревянным, неживым голосом потребовал, чтобы я немедленно приехал к нему домой. Сидя на диване, он раскачивался, как еврей во время молитвы, и что-то бурчал себе под нос. Всегда опрятный и даже щеголеватый, был Шумский небрит, в какой-то застиранной ковбойке и старых тренировочных штанах с пузырями на коленях. На столе стояла початая бутылка коньяка. Мое появление вывело его из транса. Обхватив голову руками, он не сказал, а скорее про-

стонал:

– Все пропало. Твоего любимого Куликова выгнали из погранвойск, разжаловали и исключили из партии. В Госкино уже все известно. Мне сказали, что фильм с таким прототипом на экраны выпускать нельзя.

Сраженный этим известием, я рухнул на диван рядом с Аликом, не представляя, как могло такое случиться. Николай, примерный служака, лучший командир лучшей погранзаставы – и разжалован, выгнан, исключен. Немного успокоившись, Шумский рассказал, что на заставе была какая-то драка, Куликов избил солдата, кидался на него с ножом. В общем – чудовищная история.

– Я не верю, что Коля мог себе такое позволить. Надо лететь в штаб погранотряда и все выяснить на месте, – брякнул я первое, что мне пришло в голову.

Шумский уставился на меня уже осмысленным трезвым взглядом, потом внезапно расхохотался, расцеловал в обе щеки:

– Какой же ты молодец. Умница! Как я сам до этого не додумался? Конечно, надо лететь и на месте все выяснить. Ты и полетишь, тебя же там теперь каждая собака знает. Конечно, командировку никто не даст. Но у меня есть деньги...

*

Вечерним рейсом я вылетел в Узбекистан, поздней ночью был на месте, устроился в уже знакомом офицерском общежитии – коробка московских конфет избавила меня от

лишних формальностей. Утром, за завтраком, подсел за стол к знакомому пограничнику. Он узнал меня сразу и тут же поведал мне печальную историю, что произошла на заставе Куликова. Случилось следующее. На заставу пришло пополнение. В основном ребята из Таджикистана. Вечером они устроили драку, дневальный сообщил командиру. Когда Николай ворвался в казарму и попытался разнять дерущихся, один из них бросился на него с ножом. Капитан нож выбил, заломил озверевшему солдату руки, связал его ремнем и отволок в каптерку, где и запер до утра. Бдительный замполит Зарубин, презрев субординацию, отправил рапорт не в штаб отряда, а сразу в Главное политуправление погранвойск СССР. Он «сигнализировал», что капитан Куликов избил новобранца, угрожал ему ножом, а потом проявил особую жестокость, заперев связанного солдата в неотопливаемом помещении. О том, что избитый капитаном Куликовым бандит во время драки поранил ножом несколько сослуживцев, в рапорте не было сказано ни слова. Расправа над капитаном Куликовым, так же как и повышение в должности и в звании старшего лейтенанта Зарубина, последовали незамедлительно. Встретаться со мной Игорь Зарубин, теперь уже капитан, категорически отказался, о чем мне поведал дневальный. Я не настаивал.

В штабе погранотряда всю эту историю мне нехотя, но подтвердили. Здесь знали Николая как отличного офицера. Я спросил, почему они не заступились за своего офицера.

– Плетью обуха не перешибешь, – обреченно высказался подполковник из штаба.

– Если они отдали своего человека на растерзание, значит мы должны сами добиваться справедливости, – решительно заявил Шумский, когда я, вернувшись, поведал ему эту историю.

Дальше – рутинно и неинтересно. Режиссер Александр Шумский, сменив любимые джинсы и замшевую курточку с бесчисленными блестящими «молниями», облачился в свой лучший костюм с лауреатской медалью на лацкане и отправился по инстанциям. Звонил какимто знакомым генералам и даже побывал в ЦК партии. Через полгода капитана Куликова восстановили в звании и должности, вернули партбилет. Что стало с Зарубиным – не знаю. Кажется, его опять повысили – дерьмо, как известно, не тонет.

На премьере фильма в Доме кино Коля сидел рядом со мной. На его парадном мундире орденов и медалей было побольше, чем у иных штабных генералов. А мне ведь ни словом не обмолвился о своих подвигах, скромник.

*

Набоковское (или довлатовское) «случайность – логика фортуны» сработало еще раз. В главном управлении погранвойск фильм отметили премией, а спустя несколько месяцев Шумский пригласил меня и исполнителя главной роли в ресторан Дома кино.

– Завтра будет указ, – поднял он бокал, наполненный

шампанским. – Нам троим присвоено звание заслуженного артиста Республики. – И, не дожидаясь, пока мы придем в себя от ошеломляющей новости, осушил бокал до дна, довольный произведенным эффектом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

У нас обчистили кассу. Произошло это ближе к обеденному времени, денег было еще немного. За несколько дней до этого пришел на работу новый официант. Интеллигентного вида молодой человек, аспирант, изучает редкие диалекты арабского языка. Свободно владеет английским и французским. Но денег на жизнь катастрофически не хватает. К тому же есть невеста – дело молодое. Поэтому решил в свободное время подрабатывать официантом.

Азиз, как мы считали, для нас просто находка. Паша, в обмен на обещание позаниматься с ним английским, преподал новичку несколько уроков, показал, как надо сервировать стол и, кажется, посвятил еще в некоторые тонкости своего непростого искусства добывания денег. С гостями Азиз общается легко и непринужденно, умеет рассказать про предлагаемое блюдо так аппетитно, что после его рассказа и жареные гвозди деликатесом покажутся. Целую неделю не могли на него нарадоваться.

В пятницу Азиз зашел на кухню, попросил у молодого повара Славика плейер и пятьдесят рублей на полчаса. Объяснил, что должен в метро встретить товарища, который привезет для него деньги, переданные родителями. Плей-

ер нужен, чтобы не скучно было ждать товарища, пятьдесят рублей – спуститься в метро. История выглядела правдоподобно. Почему и не выручить товарища по работе. На выходе из ресторана «товарищ по работе» открыл кассу, что было несложно, забрал наличность – и был таков.

*

В уголовном праве есть такое предостережение: нельзя провоцировать преступление. Но это в теории. Мы в ресторане то и дело создаем соблазны для персонала. Официанты имеют доступ к кассе, повара – к продуктам, кладовщица рассчитывается с поставщиками и какие у них складываются шашни, только им и известно. Даже разнорабочий дядя Леша и тот умудрился оскоромиться. По нескольку раз на дню он, гремя стремянкой, заявляется в зал, меняет лампочки, шумит, имитируя кипучую деятельность. На замечания администратора, что в зале, мол, люди обедают, отвечает снисходительно: «Ничо, они мне не мешают». На вопрос, отчего же лампочки перегорают так быстро, поясняет с неистребимым житомирским акцентом: «ховно китайское, вот и хоят».

Наталья Николаевна произвела нехитрый эксперимент. Приехала в ресторан до начала рабочего дня, села в зале, разложила для отвода глаз бумаги. Дядя Леша, стоя на стремянке, возился все с теми же пресловутыми лампочками. Потом спустился вниз, попросил у директора денег, исчез на часок, вернулся порозовевший, повеселевший. Мурлыча

под нос «Червону руту», вкрутил лампочки. Ближе к вечеру настроение у него испортилось, он снова пошел за деньгами. Услышал от директора неприятное для себя, к тому же денег так и не получил. Прихватил купленную на ресторанные деньги электродрель. Больше мы его не видели.

*

К концу месяца обнаружили долговые счета. Задолжал наш постоянный гость Русланчик. Впрочем, этим именем он позволял себя называть только девицам, неизменно его окружавшим. От официантов требовал почтительного обращения «князь». Обслуживал «князя» неизменно официант Дима. На мои замечания по поводу долгов ответил флегматично и не совсем по существу:

– Он же князь, к тому же постоянно к нам ходит. Куда он денется – отдаст.

Угрозу вычесть долг из зарплаты Дима выслушал спокойно. В обед «князь» явился снова. Его сопровождали две визгливые размалеванные девицы в таких коротких юбках, что отсутствие этой детали туалета было бы незамеченным. Дима бросился навстречу с улыбкой, усадил гостей за лучший столик, подал меню, отошел в сторонку. Через минуту в зале послышался пронзительный свист – это «князь» подзывал официанта. Еще через несколько минут, сгибаясь под тяжестью подноса, Дима расставлял тарелки, бутылки. Потом взял на мангале блюдо с нежными, хорошо прожаренными золотистого цвета ребрышками ягненка, поставил его

прямо перед Русланчиком. Урча, как голодный пес, этот явно не аристократического происхождения субъект накинулся на баранину. Жир стекал у него по подбородку, он утер его краем скатерти. Обглоданные ребра ягненка кидал себе под ноги, прямо на пол. Засаленной рукой обхватил сидящую рядом девушку. Та поморщилась, но не отстранилась.

Меня корежило от этой сцены, но я стоически решил досмотреть до финала мерзкую постановку. Потом меня позвали к телефону. Когда я вернулся, Дима любовно рассматривал тысячную купюру, полученную «на чай». Счет «князь» опять не оплатил, пообещал – завтра. Утром явился один, хмурый, с черной щетиной на небритом подбородке, потребовал сто пятьдесят водки и бутылку нарзана. Я запретил его обслуживать. Через минуту раздался возмущенный крик:

– Какой еще шеф, я сам – шеф. Тащи водку, а то разнесу ваш сарай вдребезги!

Направляясь к его столу, я понимал, что мне не следует вмешиваться в эту историю – зачем, спрашивается, я плачу зарплату всем этим администраторам, директору? Но злость – плохой советчик, охваченный этим чувством, я был не способен совершать разумные поступки.

Сдерживая себя от ярости, положил перед кавказцем его неоплаченные счета, пояснив скрипучим голосом:

– У вас накопились долги, оплатите сначала эти счета, потом мы вас обслужим.

«Князь», казалось, остолбенел.

– Ты с кем разговариваешь?! – заорал он. – Я богатый человек, я чаевые меньше тысячи не даю твоим халдеям. Тащи водку!

Как ни странно, этот крик меня успокоил. Так визжать может только неуверенный в себе человек.

– Ну раз ты такой богатый, оплатить счет для тебя не проблема... – возразил я ему.

– Ах, так? – взвизгнул он и схватился за телефон.

Через несколько минут у нашего входа взвизгнул тормозами огромный черный джипяра – этакий дом на колесах. В зал ввалился здоровенный детина – видимо, для устрашения прибыло подкрепление.

– Эй ты, – явно обращаясь ко мне, заорал кавказец. – Иди сюда.

И когда я подошел, продолжил с угрозой:

– Мне недавно предложили купить этот ресторан. Я отказался, на хер он мне нужен. Теперь нарочно куплю. А тебя не выгоню, ты здесь швейцаром будешь работать.

– Тебе же хуже, – ответил ему хладнокровно. – Если я здесь буду швейцаром, то и на порог тебя не пушу. Плати по счетам, иначе вызовем милицию. И вообще, не надо пустых разговоров.

Говорил я спокойно, голоса не повышал, но именно эта, мало действующая на других разгулявшихся гостей угроза на сей раз сработала отрезвляюще. Буян расплатился, водку все же снова заказал и выпил и, не оставляя никаких чаевых,

хлопнул дверью. На этот раз официант его не провожал.

Через несколько минут Дима стоял возле кассира и что-то канючил. Да, у нас теперь есть кассир, решили, что так надежнее будет. Ольга, дородная матрона бальзаковского возраста, явно благоволила молодым официантам парням, но на сей раз с Димкой была чрезвычайно строга. А когда он отошел, заметила с ухмылкой:

– У Димочки сегодня траур, князь чаевых не оставил, нечего в автоматах просаживать.

Всем нашим было хорошо известно, что каждый заработанный рубль Дима проигрывает на игровых автоматах в соседнем ресторане. Никто не слышал, чтобы ему хоть раз улыбнулась удача, но он с маниакальностью неизлечимого человека продолжал играть. Работать он умел, обслуживал превосходно, чаевыми его не обделяли, так что страсть игрока была постоянно подпитана.

*

– Завтра утром еду на базар, так что буду ближе к обеду, – объявила мне Наталья Николаевна. – Надо бы нашего Стасика проверить. А то он утверждает, что цены на рынке постоянно растут, а я вчера в супермаркете возле дома рыбу и зелень купила дешевле, чем он с рынка привозит. Так что я договорилась с мужем, он отвезет меня на своей машине, и я сама закуп сделаю.

Вернулась Наталья мрачнее тучи. Цены оказались не просто ниже, чем те, которые показывал нам экспедитор Стас,

а ниже многократно.

Когда в самом начале моей ресторанной деятельности премудрый «академик» Юра Рыбаков наставлял меня: «Если экспедитор ворует у тебя на продуктах десять процентов – это нормальный экспедитор, поскольку честных в природе не существует по определению. Но вот если он берет больше десяти процентов, ищи другого, а этого гони сразу. Каждый лишний день его работы – ежедневные убытки». Как и во всем ином, что касалось ресторанов, он оказался абсолютно прав.

Вечером с экспедитором состоялся тяжкий разговор. Для начала мы с Натальей просто положили перед ним накладные, выписанные продавцами. Стас глянул мельком, воззрился на директора, нахально спросил:

– Ну и что? – меня он, вроде, не замечал.

– Как, что? – возмутилась она. – Ты же нас просто обкрадываешь. Такое впечатление, что ты не обычные продукты покупаешь, а сплошные деликатесы. Зелень по тысяче рублей за килограмм – виданное ли дело! Да к тому же расходы на бензин у тебя растут от месяца к месяцу. Пьешь ты этот бензин, что ли?

Стас демонстративно отвернулся от директора, спросил хмуро меня:

– Вы тоже так считаете?

– Что же тут считать, факты говорят сами за себя, – и, кляня себя за мягкотелость, я, признаться, симпатизировал

этому человеку, добавил: – Короче, так. Или ты даешь нам твердое слово, что будешь покупать продукты по реальным ценам, или мы расстаемся.

– Значит, расстаемся. – ничуть не колеблясь, заявил Стас. – Посудите сами. У меня жена, ребенок, матери в Молдавию надо денег отправить, за квартиру заплатить. Где на все набрать? Ладно, как говорится, спасибо за все. Поищу себе работу, где платить будут больше. Мне кому ключи от машины отдать?..

*

Пришла беда – отворяй ворота, думалось мне после очередного ЧП. Но я ошибся. Никаких ЧП у нас не происходило, а было просто планомерное воровство, где каждый тащит, что удастся, в зависимости от близости к материальным благам. На сей раз «протекло» на складе. Снежана внезапно улетела на Украину, где заболела ее дочь, за которой присматривала бабушка. Наталья Николаевна вынуждена была ее подменять. Через пару дней приехал поставщик, разгрузил упаковки с водой, зеленым горошком, майонезом... Спросил Наталью Николаевну, как, мол, рассчитываться будем.

– Деньгами, как же еще? – ответила она рассеянно, занятая подсчетами коробок и упаковок с продуктами.

– А, ну понятно. А то ведь Снежаночка уехала и никаких указаний не оставила. А мы ей либо деньгами «откат» оставляли, либо продуктами, в зависимости от ее пожеланий. Так

что, как скажете, деньгами так деньгами, – и он протянул опешившей директрисе несколько купюр.

*

Еще во времена Сан Саныча первого кто-то привел к нам в ресторан восемнадцатилетнего оборванца. Маленькому и тщедушному, ему и четырнадцать лет можно было дать с трудом. Славик поступил на обучение к Сан Санычу. Чистил картошку, перебирал и мыл овощи, выполнял ту рутинную работу, которой чурались повара, но без которой на кухне было не обойтись. Получал соответствующую своей квалификации, вернее отсутствию таковой, мизерную оплату, которой был на первых порах чрезвычайно доволен. Физиономия его округлилась, он приоделся, выглядел молодцом.

Потом забастовал, заявил Сан Санычу, что вообще хотел бы стать космонавтом, а тут – грязная картошка да моркошка. Наставник засопел сердито, вытащил брючный ремень и поотцовски выбил из Славика космическую дурь. Урок пошел впрок, к тому же Сан Саныч и сам изменил тактику, стал делиться со Славиком секретами своего мастерства. Когда Сан Саныч окончательно «заболел» и ушел от нас, его ученик по безвыходности занял место повара. Кстати сказать, справлялся совсем неплохо.

Он очень изменился. Приобрел степенные манеры, в голове появились уверенные и даже повелительные нотки, вроде и ростом стал повыше. От старших по возрасту поваров терпел обращение «Славик», от официантов требовал, что-

бы его называли «Вячеслав». Они уступали, но произносили его полное имя всегда с какимито издевательскими интонациями. Как им это удавалось, даже я, бывший актер, не мог взять в толк. На день рождения я подарил ему свою кожаную куртку. Он ею очень гордился, с сожалением снял только с наступлением летней жары. Потом Славик влюбился.

Надо сказать, что ресторанные романы – особая часть жизни большинства тех, кто здесь работает. И если длинный телесериал «СантаБарбара» в итоге все же закончился, то ресторанные «мыльные оперы» не заканчиваются никогда.

Избранницей Славика стала официантка Олеся. Точная копия куклы Барби, она и глупа была, как кукла. Гости ее не жаловали, обслуживала она лениво, на просьбы чтонибудь посоветовать, отвечала односложно:

– Смотрите меню, там все написано.

Даже на комплименты и обидные замечания не улыбалась и не сердилась, проявляя тупое равнодушие.

Роман Славика с Олесей приобрел особую интригующую остроту, потому что у влюбленного был соперник. Молодой повар Витя, прошедший когда-то обучение и стажировку в известнейшем московском ресторане «Пушкин», тоже оказывал «Барби» знаки внимания. Оба влюбленных прокладывали путь к сердцу избранницы через желудок. Работая одну смену в европейском зале, а другую – в японском, Олеся равномерно дарила благосклонность обоим молодым людям.

Весь ресторан внимательно следил за развитием событий.

Пользуясь, как говорится, служебным положением, повара старались изо всех сил, демонстрируя чудеса кулинарного искусства. Олеся перестала есть за общим столом с персоналом. Да и зачем? Славик тащил специально приготовленные замысловатые горячие ролы, которые она обожала и поглощала в несоответствующем ее комплекции количестве. Витя, великолепно готовящий яблочные и вишневые штрудели, песочные пирожные, угощал любимую десертом. Понятно, что все это делалось тайком от администрации, пока история не получила печальное завершение.

Влюбленные и ослепленные своим чувством рыцари, решили выяснить отношения между собой. Ночью, после смены, они сначала вели «толковище», почти нашли общий язык и какойто невнятный компромисс. Решили это дело обмыть. Сначала тащили из японского зала доступное для Славика японское пиво и сливовое вино, потом, разгоряченные и потерявшие всякие ориентиры, умудрились открыть замок склада и перешли к более крепким напиткам. Сохраняя остатки порядочности, сбегали в магазин и купили немудрящую закуску – сырки, чипсы. «И все хорошее в себе доистребили», как пел гениальный и незабвенный Владимир Семенич Высоцкий. Позабыв о примирении, каждый схватил на своей кухне по ножу. К счастью, в ход свой профессиональный инструментарий не пустили. Вцепились друг другу в глотки, разбили носы, зачемто выломали дверь в жен-

ском туалете. Ристалище проходило в вестибюле. За собой они оставили перепачканные кровью кресла и диван, на полу – пустые бутылки и обрывки от упаковок, одним словом, неопровержимые следы современной дуэли.

Каялись оба истово, в сторону Олеськи клялись, помоему, неискренне, больше не глядеть. Через месяц Славик хмуро выразил желание поговорить со мной тетатет. Заявил, что уходит, потому что ему в другом ресторане предложили зарплату в четыре раза больше. Горделиво, но получилось довольно смешно, вздернул подбородок, сказал, что ценит добро и, будучи честным человеком, о своем уходе предупреждает заранее.

Я пытался его отговорить. Убеждал, что человек и специалист он еще совсем молодой, зарплата, которую ему сулят, скорее всего, просто замануха и его наверняка обманут. Все было тщетно.

Через полгода одна из сердобольных поварих попросила меня поговорить со Славиком, сам он ко мне подойти постеснялся. Передо мной предстал тот самый паренек, которого я два года назад увидел впервые – оборванный, грязный, с затравленным взглядом. Пророчил я ему, как выяснилось, истину. Его обманули. Проработав три месяца, он не только не получил ни копейки, но был изгнан в толчки, так как пытался «права качать». Перебивался случайными заработками, ночевал у знакомых, летом перебрался на садовую скамейку в парке, замерзая с наступлением осени, явился к

нам. Я сжалился над бедолагой, взял его на работу.

Потрясенный моим благородством, Славик расплакался, обещал трудиться не покладая рук. Слово свое он поначалу держал. Потом вернулась из отпуска Олеся. Их роман вспыхнул с новой силой.

Когда он подарил ей колечко и зимние сапожки, я понял – жди беды. Так и случилось. Славик вытащил из ресторана восемь килограммов продуктов, все дорогостоящие, и продал их в одном из ресторанов неподалеку. Уличенный в этом, скрылся. Больше я его никогда не видел.

*

Наталья Николаевна пригласила меня к себе домой, на пельмени.

– Хоть домашненького поешь, – добавила она, хотя все реже и реже обращалась ко мне на «ты».

Горькими оказались те пельмени. Когда мы насытились и собирались с ее мужем выйти на балкон покурить, она решительно объявила супругу:

– Побудь в другой комнате, нам с Игорем надо поговорить.

Видимо, заранее предупрежденный, он безропотно удалился.

– Я так больше не могу! – и Наташа расплакалась. – Это не кабак, как ты говоришь, а какойто бардак. Повара и официанты пьют, воруют продукты, обманывают посетителей. По ночам, особенно после банкетов, целые оргии устраивают.

Недавно, мне рассказали, девчонки голые на столах плясали, а мальчишки поливали их шампанским. А после тянули жребий, кто с кем спать ляжет. Чтобы, значит, все у них посправедливому было. Кассир вместе с администраторами наловчились отменять счета и попросту кладут деньги в карман. Бармены таскают из магазина «левую» безакцизную водку, разбавляют коньяк. Это уже не шутки, если попадутся проверяющим, штрафом не отделаемся. Ты заметил, как часто я меняю барменов. Да что толку, одного уволишь, на смену ему точно такой же приходит. Складывается впечатление, что друг другу передают эту эстафету. Даже посудомойщицы и те тащат домой посуду, ложки, вилки, стиральный порошок, моющие средства и вафельные полотенца... Я не могу за всем этим уследить. У меня ни рук, ни глаз не хватает. То, что вижу, стараюсь исправить, даже тебе не всегда говорю – стыдно. Но я не справляюсь. Мне надо уходить. Ты считаешь, что я контролирую все, что у нас происходит. А они обводят меня, как девчонку.

– Послушай, Игорь. Я твердо все решила. Мне нужно уходить, – решительно повторила она после долгой паузы. – Не возражай, это в твоих интересах. Тебе нужен опытный директор. Такой, который знает ресторанный бизнес, экономику, умеет контролировать технологический процесс. Спасибо тебе, конечно, ты и меня, и всю нашу семью выручил, когда взял меня на работу. Но я хочу остаться порядочным человеком и именно поэтому должна уйти, – твердо заключила

эта женщина, достойная всякого уважения.

Возвращаясь от Натальи, я вспомнил, как в конце первого месяца своей работы она сдавала отчет в бухгалтерии. Главбух, пожилая женщина, всю жизнь проработавшая в общепите, проверив директора, восхитилась:

– Поздравляю, Наталья Николаевна. У вас недостача – пять рублей. Такого даже я не припомню. Это, считайте, в плюсе.

Наталья нахмурилась, сказала, что быть такого не может. Потребовала от бухгалтера все перепроверить. Та наотрез отказывалась искать злосчастные пять рублей, на которые нынче и спичек не купишь. Директор настаивала. Перепроверка документов заняла больше двух часов. Пять рублей нашлись.

Ну где я еще найду такую?..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сначала разрушили Берлинскую стену. Потом, что казалось невероятным, приказала долго жить направляющая и мобилизующая все силы и помыслы населения шестой части земной тверди – КПСС. Какието хулиганы, впрочем, теперь уже точно известно, какие именно, заперли в черноморском Форосе законно назначенного президента СССР, поотключали ему все телефоны, в итоге под конвоем привезли в столицу и заставили отречься от коммунистического и государственного престола. Безвольный демагог, мечтатель и фантазер, подобно книжному персонажу Васисуалию Лоханки-

ну, наш бывший кормчий воспринял отречение от должности и сопутствующих ей льгот и привилегий стоически и философски – значит, так надо.

Дальше события закрутились быстрее, чем разноцветные камешки в детской трубочкекалейдоскопе. На несколько часов власть захватил ГКЧП, после чего самозванцев определили в «уютные» камеры «Матросской тишины». Временщик – председатель КГБ Бакатин подарил американскому послу документацию о сверхсекретной системе подслушивания в здании посольства США в Москве. Складывалось такое впечатление, что Бакатина из МВД в КГБ перевели с однойединственной целью: раскрыть секрет некогда могущественной организации, которая десятилетия держала в страхе чуть не полмира. Американский дипломат от такого небывалого в истории спецслужб подарка ошалел, но принял, не забыв при этом заметить, что подарок советской стороны его государство ни к чему не обязывает.

Чем дальше, тем стремительнее развивались события. В декабре девяносто первого семеро мужиков пробрались тайно в непролазную Беловежскую пушу. Медведи в зимней берлоге, как известно, впадают в спячку. Эти же разгулялись вселенски. Под перцовочку либо горилку, охраняемые особым спецподразделением (каждому бойцу преломить кости человеческие, что сухариком хрустнуть), эти семеро простым росчерком пера уничтожили огромное государство.

С самого детства я слышал, что наш Союз Советских

Республик – есть нерушимое братство. Семеро «медведей», представляющих всего три союзные республики, положили с прибором на двенадцать остальных братьев и сестер. Не проводя референдума, поскольку мнение такого быдла, которым им представлялся народ, их не интересовало, ни оповестив ни одну из международных организаций, включая ООН, эта «великолепная семерка» вторглась в судьбы, жизнь, само существование сотен миллионов людей. Совесть их при этом оставалась кристально чистой, поскольку так и не получила применения. Потом много еще чего случилось.

По Москве, как автобусы, передвигались танки, обстреливали Белый дом и телевизионный центр в Останкино, лилась кровь, гибли люди. А политики, взобравшись на баррикады, кричали в микрофоны, мегафоны и просто самодельные рупоры – каждый свое.

В итоге всех перекричал самый габаритный, колоритный и зычный из них, преодолевший нелегкий номенклатурный путь от Уральского хребта до белокаменной. Взобравшись на политический олимп, он отряхнул со своих ног коммунистический прах, демонстративно вышвырнул партбилет и принялся за возделывание демократии, решительно выкорчевывая мешавшие ему «сорняки».

*

Борис Николаевич был фигурой эксцентричной. Возглавив партийцев Москвы, он однажды ранним утром, правда, все же прихватив телохранителей, отправился на отдален-

ный захолустный рынок. Да не рынок даже в полном понимании слова, а так – три торговки, две морковки. Взгромоздившись на какоето возвышение, громовым голосом провозгласил: «Товарищи! Я – первый секретарь Московского городского комитета коммунистической партии Советского Союза Борис Николаевич Ельцин!» Был погожий воскресный день. Домохозяек и любителей утреннего пива на рынке было достаточно. Они собрались послушать импозантного, с благородной сединой, мужчину.

– Ну что, товарищи, – обратился к толпе оратор. – Как цены, не жмут?

Поскольку мы, люди простые, искренне полагаем, что дешевыми могут быть только бесплатные продукты (конечно, лучше если б за них еще и приплачивали), то толпа, мгновенно признав в заклятом коммунисте барина, дружно изображая возмущение, загудела:

– Жмут, родненький, как же им не жать, батюшка. Не напасешься на мироедов. Надо бы их к ногтю.

Борис Николаевич, окруженный доброхотами, немедленно отправился прижимать к ногтю означенных мироедов.

В хлебной палатке, сверкая металлическими зубами, первого коммуниста Москвы, вытянувшись по стойке «смирно», приветствовал пожилой мужик с черной перчаткой, натянутой на протез руки.

Промыкавшись два года по госпиталям, израненный солдатпехотинец вернулся в родную Москву. Власти выделили

ему на рынке площадку, на которой он соорудил дощатую палатку, где фронтовик стал продавать по карточкам хлеб, крупы, сахар. Так он и стал одновременно заведующим, продавцом и даже грузчиком этой торговой точки. Ослепительная улыбка бывшему фронтовику не помогла. Ельцин набросился на него с упреками за ограниченный ассортимент, обвинив, что тотде самолично наносит непосредственный урон здоровью горожан. И даже обвинил в саботаже. Толпа сочувствовала молча – ветеранафронтовика в районе хорошо знали и уважали за добрый нрав да еще за то, что благодаря его стараниям хлеб в палатку привозили каждый день дважды и даже вечером можно было купить свежую теплую булку.

Посчитав свою миссию перед народом на этот день выполненной, Борис Николаевич убылис. На следующий день собрал большое совещание – тогда это называлось неповоротливым, как телега, словом «совхозпартактив», без репетиций и не выговоришь. Так вот, на этом самом активе Ельцин с партийной прямоотой и принципиальностью заклеимил того самого инвалидафронтовика из хлебной палатки на крохотном рынке. Выходило, что во всех недостатках и преступлениях, что творились в отечественной торговле, только этот рыночный «упырь» и виноват. Ни Министерство торговли, ни прочие государственные и партийные организации упомянуты в качестве виновных на том совещании не были.

Когда Борис Николаевич вынужден был оставить свой высокий партийный пост, его стали преследовать какието неве-

роятные истории. То он падал с моста в реку, где любой иной расшибся бы непременно, то на него покушались какие-то злоумышленники. Народ, понятное дело, всегда за страдальцев, Ельцину сочувствовали. К тому моменту, когда он взбирался на баррикады, потом разогнал верховный совет, он уже приобрел популярность, массы были на его стороне. Изменив конституцию, гимн и флаг, новый рулевой повел страну по рельсам, которые прокладывал сам.

Называя свою паству им же изобретенным неологизмом «россияне» (это слово он всегда произносил с душевным подъемом), президент с невиданным энтузиазмом разорял страну.

При этом призвал подключиться к этому интересному процессу любого желающего. Не очень задумываясь над словами и последствиями своего призыва, произнес буквально следующее: «Вы возьмите ту долю власти, которую сумеете проглотить». Это где же, интересно, он видывал таких скромников, что от горячего пирога отламывают лишь скромный кусочек, оставляя самые сочные и сытные куски сотоварищам? Не у себя ли в КПСС? Аппетит, как известно, приходит во время еды, особенно, когда еда – на дармовщинку. Так что власть проголодавшиеся наши сограждане глотают по сей день, да все никак не наглощаются.

Ближайшее окружение самого Бориса Николаевича, где члены семьи имели далеко не последний голос и не самый плохой аппетит, в этом «папе» старательно помогали. Когда-

то про комсомольских функционеров ходила байка, дескать, от обычных людей их отличает то, что они работают как дети, а пьют как взрослые. Разом отрезвев и повзрослев, бывшие лидеры коммунистического союза молодежи, теперь составляли чуть ли не основу нового класса нуворишей. Они скупали заводы и целые отрасли промышленности, открывали банки, выкорчевывали лесные массивы, чтобы построить на их месте элитные виллы и коттеджи, фешенебельные гостиницы и места увеселений. А у простых людей отняли все, что наживалось годами. Кучка разбойников безнаказанно повергла в нищету огромную страну.

На улицах появились зарубежные лимузины с дочерна затонированными стеклами, среди них преобладали джипы. Из окон автомобилей, так же как и на улицах, постреливали. Сводки новостей напоминали краткие изложения гангстерских боевиков. Перемежались они ежеминутной назойливой рекламой, из которой мы узнавали, чем одни женские прокладки выгодно отличаются от других и как вести себя представительницам прекрасного пола, чтобы в белых брючках безбоязненно ходить в критические дни. Реклама сообщала, какое именно зарубежное снадобье избавит от грибка ногтей и излечит геморрой, что сникерс и бутылка кокаколы прибавят энергии, а марокканские мандарины вкупе с особо прочными презервативами привнесут мир и покой в семейную жизнь.

Изменилась и мода. Мужчины щеголяли в малиновых

пиджаках, парни помоложе предпочитали кожаные куртки, преимущественно черного цвета, а также расцветки павлиньего хвоста спортивные костюмы, в которых могли с одинаковым успехом валяться с девчонкой на лужайке и пойти в Большой театр, если, конечно, столь дикая мысль пришла бы им в голову.

В обиход вошли непонятные и неведь откуда взявшиеся словечки, целые фразы. Народился, сразу взрослым, а потом пьющим, курящим и матерящим всех и каждого, целый социальный класс – новые русские. Их опасались, ненавидели и уважали – одновременно, что получило свое отражение в многочисленных анекдотах. Старый еврей подходит к новому русскому и говорит: «Папа, дай денег». Или вот еще шедевр народного творчества: «К священнику приходит новый русский и говорит, что у него умер брат. Настаивает, чтобы во время отпевания батюшка назвал покойного святым. Батюшка отнекивается – никак невозможно, кощунство это. Новый русский сует ему пачку денег – «котлету» и грозит: либо святым назовешь, либо на ремни порежем. Идет служба. Священник произносит: «Братья и сестры. Мы провожаем в последний путь такогото. Покойный был страшным человеком, насилывал, грабил, убивал, руки его были не по локоть, по плечи в крови. Но он был святым, по сравнению с тем упырем, что стоит сейчас за моей спиной».

В магазинах изменились не только товары, но и ценники. Теперь после каждой цифры стояло лаконичное, но много-

значительное «У.Е.» Эти самые «У.Е.» уе...али всю страну, превратив наши рублишки в никчемную труху.

В России шел бесконечный перфоманс под названием «соидание страны». Под наши патетические кантаты Запад с удовольствием приветствовал это шоу. В преддверии объединения Европы лучшего подарка трудно было и желать. Американские режиссеры скромно пожинали плоды своего разрушительного сценария.

*

Я не люблю вспоминать те годы. Кому охота признаваться, что ты превратился в ничтожество. Свою лепту в мое падение внесла и Ольга.

После триумфальной премьеры «Границы», внезапного и неожиданного присвоения звания заслуженного артиста, наша группа еще какое-то время грелась в лучах славы. Ездили с творческими отчетами по союзным республикам, выступали перед зрителями. Бурные события, происходящие в стране, оттеснили кино даже не на второй план, а на задворки. О театре и говорить не приходится.

В тот день, когда я узнал, что наш драмтеатр не в состоянии больше выплачивать актерам зарплату, мне позвонила жена. Как всегда увидеться со мной ей нужно было безотлагательно. Сидя в вонючем вагоне поезда, я пытался представить, какую очередную каверзу приготовила мне моя отнюдь не благоверная. С того дня, когда она прикатила на погранзаставу, чтобы убедить меня эмигрировать, больше разговоров

на эту тему не было. До меня доходили смутные слухи о ее романе с одним очень известным и уже весьма преклонного возраста режиссером. Правда, поговаривали, что его больше интересуют молодые смазливые актеры, нежели хорошенькие актрисы, так что я не знал, чему верить.

Мы встретились в какомто новомодном кафе неподалеку от Белорусского вокзала. Ольга выглядела, как всегда, ослепительно. На нее обращали внимание, узнавали. Несколько человек подошли с просьбой дать автограф. Она расписывалась с обаятельной улыбкой. Все это длилось довольно долго.

– Почему нельзя было встретиться дома? – спросил я с раздражением, когда наконец закончился этот парад поклонников. Ольга ответила, что у Славика сегодня одноклассники, они вместе готовятся к какомуто экзамену.

– Портвейна для подготовки достаточно закупили?

– Пошляк и циник, – остро отреагировала Ольга, после чего немедленно заявила, что так дальше жить нельзя.

После этого последовали стандартные тексты, где прева-лировали не естественные для нормальных людей слова, типа «мужлан», «ты меня не понимаешь», «я тонкая натура, а ты не замечаешь этого». Я вслушивался плохо. Меня не покидало ощущение, что она играет какуюто роль со скверно прописанными монологами. Выступать в этой пьесе в роли статиста, подающего реплики, мне претило. Но и долго отмалчиваться я тоже не мог. Мне надоело выслушивать подробности и утомительные детали моего эгоистического ха-

рактера, равнодушия и толстокожести, я невежливо перебил ее, не дослушав очередного обвинения в свой адрес:

– Надо полагать, ты уже все решила за нас обоих. Так что зачитывай протокол общего собрания нашей семьи. Я тебе доверяю.

– Надеюсь, чтото благородного в тебе осталось, и ты не станешь настаивать на размене квартиры. По крайней мере – пока, – это самое «пока» прозвучало из ее уст весьма многозначительно, хотя и с некоторыми сомнениями в интонации. – Светослав уже большой, он сам решит, видеться ли ему с отцом, а если видеться, то как часто. Что же касается алиментов, то я полагаюсь на твою порядочность или ее подобие.

– Не волнуйся, лишнего я с тебя не возьму, – в этой шутке у меня, с сегодняшнего дня безработного, горечи было больше, чем юмора.

Но Ольге было не до нюансов. Всем своим видом демонстрируя оскорбленную добродетель, она оставила меня в одиночестве, полагая свою миссию завершённой. Не знаю, что испытывают брошенные женами мужчины, я в этот момент думал не о своей будущей жизни и даже не о предстоящем разводе, а о том, сколько у меня останется денег после оплаты счета в этом гнусном кафе, где цены наверняка космические.

Не зная точно, куда направиться, я брел по любимому городу и не узнавал его. На улице Горького по тротуарам прой-

ти было невозможно. Их заполонили торговцы. Они сидели на раскладных туристических стульчиках, на кирпичках, просто на асфальте, подстелив газетку. Здесь продавалось все – наимоднейшие одежда и обувь, подержанные, а то и откровенно изношенные вещи, продукты и бытовая техника. Повсюду шныряли юркие людишки и доверительно шептали в ухо: «Чем интересуетесь?»

Думаю, если бы я сказал, что интересуюсь переносным атомным реактором, мне бы его тотчас нашли. Скорее всего, это был бы поломанный пылесос или швейная машинка, но меня бы уверяли до хрипоты, что именно это и есть всамделишный реактор, глядя мне в глаза таким открытым взглядом, на какой не способен даже кристально честный человек.

Но сейчас меня интересовала моя жизнь, а здесь такой товар не котировался. Впрочем, если я все же задал бы подобный вопрос, мне наверняка, за хорошую оплату, дали пару дельных незаменимых советов.

К вечеру я все же напился. До собственного изумления. То есть изумлялся, как мне удалось на оставшуюся в карманах мелочь нализаться до такой степени. Я как бы наблюдаю со стороны за фантасмагоричным спектаклем, где в главной роли – я сам.

Акт первый. Детская площадка, визгливые мамы требуют, чтобы пьяная скотина убирался отсюда немедленно.

Акт второй. Пивная, пиво водянистое и безвкусное, какойто добросердечный мужик доликает в мою кружку «чер-

нила» – жуткого цвета плодоваягодное вино. На авансцену – «карета подана» – выезжает чудный автомобиль, где в кузове, по нелепой прихоти создателей, зарешеченное окошко. Незнакомые мужчины, среди них даже одна дама, ведут непринужденную беседу, высказывая соображения по поводу маршрута, которым нас везут.

Дивная мизансцена, просто авторская находка. Я стою в одних трусах перед мильтонами и довольно молодой дамой в белом медицинском халате. Не вынимая изо рта дымящейся сигареты, она требует, чтобы я изобразил «позу Ромберга», то есть вытянул вперед руки, а потом поочередно пальцами дотронулся до кончика носа. Доктор мне нравится. Произношу цинично:

– Стоит ли отвлекаться на пустяки, – и, многозначительно оттягиваю резинку трусов, – до решающего шага нам осталось так немного.

Слова мои довольно разборчивы, потому что под колени меня бьют дубинкой и я падаю на дощатый пол, вдыхая аромат мочи.

Акт третий. Меня запирают в камеру (здесь это называется палатой), где еще два десятка таких же, как и я, пьянчуг, храпят, травят анекдоты, опорожняются прямо в углу.

Финал спектакля. Не забыв пнуть под то самое место, где спина теряет свое благородное название, меня вышвыривают из этого гостеприимного заведения. Безработному, без гроша в кармане, мне не место даже в вытрезвителе. Свою пор-

цию унижений я уже получил, а взять с меня решительно нечего.

*

Я жил, стараясь ни о чем не думать. И поступки совершал бессмысленные. Во всяком случае, по прошествии времени, я и сам не мог объяснить, для чего я, допустим, вернулся в город, где служил в театре. Какое-то время за мной сохранялась комната в актерском общежитии. Даже не столько сохранялась, сколько некому было меня оттуда вытурить.

Потом общагу продали, как продавали в то время все. Я еще с недельку пробирался, как стемнеет, туда тайком и ночевал, постелив на пол старые афиши. Но както утром меня разбудил рычащий звук экскаватора и первый удар чугунной болванки о стену сотряс ветхое здание. Выскочив в окно, я смотрел, как рушится приют моих былых надежд. Наверное, надо сказать, что на глаза мне навернулась скупая мужская слеза. Но слезы не было. И вообще никаких эмоций не испытывал. Так у стоматолога, после укола, не ощущаешь застывшую от анестезии десну. В городе, который я так и не полюбил, делать больше было нечего.

*

Вернувшись в Москву, докучал приятелям, даже малознакомым людям, под благовидными предлогами, а то и без них, оставаясь ночевать. Конечно, я бы мог прийти в отчий дом, но в маленьком, покосившимся от времени и окончательно одряхлевшем нашем домишке, теперь – семеро по лав-

кам. Вместе с родителями жила моя замужняя сестра с сыном-школьником и двумя орущими младенцами-близняшками. Ели и спали, что называется, на головах друг у друга. Они бы, конечно, потеснились, без слов приняли блудного, в полном смысле этого слова, сына, но нелепая гордость мешала мне. Сначала я навещал их изредка, врал вдохновенно, что у меня все в порядке. Потом понял, что в обман скоро верить перестанут – мой жалкий вид раскрыл бы эту ложь без всяких слов. Сочинив, что уезжаю в экспедицию на съемки нового фильма, я покинул родительский дом до лучших, как я надеялся, времен.

Вот тут и выяснилось, что для бездомных в Москве мест хоть отбавляй. Недостроенные, полуразрушенные дома были прекрасны для приюта. От бомжей меня отличало только то, что я не шарил по помойкам и мусорным ящикам, не побирушничал на вокзалах и рынках, а каждый день находил хоть какую-нибудь работу. Перебирал овощи в магазине, с бригадой шабашников рыл ямы для посадки деревьев, летом так и вовсе устроился на «блатную» работенку билетера при аттракционах в парке «Сокольники». Жульничал я нахально и безбоязненно. Половину желающих развлечься на аттракционах пропускал без билетов, деньги без зазрения совести оставлял себе. Купил сменное белье, коекакую еще достаточно крепкую одежонку, ботинки для будущей зимы, которые, дабы не сперли товарищи по несчастью, тут же и напялил. Снова пристрастился к общественным баням. По-

нятно, что не в Сандуны ходил, выбирал, что попроще. Да и не направлялся теперь вальяжной походкой в парную, а спешил в душ. Без всякой брезгливости (какие нежности при нашей бедности?) пользовался брошенными обмылками, а если находил оставленный кемто шампунь, испытывал удовольствие, как некогда от хорошего парфюма.

Возвращаясь поздним вечером в очередную ночлежку, валился спать сразу. Сны мне не снились. И вообще, это был уже не я, а некая тень, призрак, подобие того человека, который увлекался философией Иммануила Канта, блистал остроумием на конкурсе капитанов КВН, достойно и скромно поправлял галстукбабочку на торжественной церемонии по поводу присвоения звания заслуженного артиста.

Не забывал о киностудии, одно время ходил туда регулярно, как на работу. Безработные коллеги ходили стадами. На предложение сняться в массовке откликались немедленно. Один раз знакомый режиссер, пробегая мимо, хлопнул меня по плечу и, изобразив баранье бляенье, видимо, означавшее смех, на ходу бросил:

– Ну, тебя, Юдин, звать не смею, грех использовать в массовке талант заслуженного.

Я все же не терял надежды. В небольшом кафе, их теперь на студии было множество, поставили телевизор. Брал чашку кофе и сидел часами, благо пожилая буфетчица меня почемуто не прогоняла. Часами смотрел новые сериалы, поражаясь увиденному. Чудовищные съемки, невнятные, лишен-

ные всякой логической связи тексты. Убогие декорации. О сюжетах и говорить не приходится – все как один криминальные, стрельба, кровь, предательство. Если смотреть не с начала, трудно понять, где менты, где бандиты. Женские роли усиливали отвращение. У ментов жены либо подруги были такими стервозными, что их следовало сажать в тюрьму только за характер. «Накладок» столько, что я только диву давался. Герой выезжал из дому в сером костюме с однотонным галстуком, а в офис приезжал в совершенно иной одежде. Подполковники носили майорские погоны. Двадцатилетние сыкушки играли почтенных матрон и – наоборот. В конце концов мне и это занятие надоело. С грезами о возвращении в мир кино пришлось расстаться.

*

Только через три года я выгнал себя из этого сомнамбулического состояния. Зайдя во Дворец культуры трансформаторного завода (билеты здесь были не в пример дешевле, чем в современных кинотеатрах), где шел новый фильм с участием Ольги в главной роли, познакомился с миловидной и молодящейся буфетчицей Ниночкой. После окончания сеанса пошел провожать, ощущая на локте ее цепкую лапку, явно державшую меня с намерением не отпускать. Через несколько дней был принят на работу руководителем театральной студии. Директора distinguished ДК Юрия Борисовича Гершина, как человека не чуждого искусству, прельстило мое звание и непосредственная причастность к волшебному и

дивному миру кино. В подробности своей жизни за минувшие несколько лет у меня хватило ума его не посвящать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Российского лидера британцы наградили престижной медалью – за развитие малого и среднего бизнеса. Я сначала подумал, что они ошиблись, не того лидера наградили. Потом услышал комментарий – наградили авансом, в расчете, что теперьто в России малый бизнес зацветет пышным цветом. Вручали медаль с пышными почестями. Здоровенная такая золотая бляха на собачьей, хотя и тоже золотой, цепи. Лидер улыбался, делал бровки «домиком», признавал, что награда попала по назначению, так и должно быть. Красиво, и в общем правильно, говорил о том, что еще ни в одной стране не удавалось поднять экономику без развития малого и среднего бизнеса. И мы тоже не исключение, все у нас будет, как у всех. Малому бизнесу теперь – зеленую столбовую дорогу, а кто посягнет, тому – укорот. Лидер любит сильные выражения.

Эту речь транслировали все телеканалы, видно, такое было распоряжение. Телевизор висел в нашем ресторанном зале прямо над тем столом, где мне вот уже несколько часов «выкручивали руки» и «промывали мозги» очередные проверяющие. Кивнул на экран и говорю им:

– Может, хватит. Всетаки главный сказал.

Инквизиторы дружно рассмеялись, пахло от них водкой (тото, проверяя бар, они подозрительно надолго там за-

держались, видно, в качестве напитков сомневались, вот и продегустировали), сказали, что слова к протоколу не пришьешь, вот когда будет соответствующая инструкция, тогда посмотрим.

– А инструкции, дорогой Игорь Аркадьевич, так составлены, дай Бог здоровья нашим начальникам, что мы без куска хлеба никогда не останемся. Нус, продолжим наши игры. Так где вы, говорите, у вас хранятся люминесцентные лампы? Ах, вы не знаете. Да не надо электрика звать, я, если хотите, сам вам могу показать, вы их в пожарном шкафу держите. Как и в любом другом заведении, они просто никуда больше не помещаются, – сказал явно старший из них, улыбочивый такой балагур.

– Стоп, ребята, я все понял. Не надо никаких санкций, обойдемся без лишних формальностей, – я многозначительно полез в карман.

– Э, нет, совсем без санкций нельзя. О родном государстве мы тоже забывать не имеем права. Минимальный штраф, малюсенький такой, почти незаметный, мы вам всетаки оформим. Самый минимальный, чтобы вас не ущемлять.

Маясь от общества этих пираний, главному из них задал мучавший меня вопрос.

– А вот, к примеру, раздобудем мы эти ваши инструкции, изучим их и все сделаем, как положено, и что тогда?

Собеседник сначала рассмеялся, потом стал серьезным и сказал строго:

– Невозможно. Но уж раз вы заговорили на эту тему, поясню. Исключительно для того, чтобы вы больше этим вопросом себе голову не забивали и лишними иллюзиями не отягощали свою душу. Возьмем, к примеру, те же самые лампы дневного света. Их положено хранить в специальном контейнере. Предприятий, которые эти контейнеры изготавливают на всю Москву – два. Стоят они немерено, очередь за ними на пару лет. Допустим, вам некуда деньги девать, вы нашли ходы и вам эти контейнеры сделали вне очереди. Ну, и на здоровье. Тогда мы просто подсчитаем количество ваших столов и стульев, потом пересчитаем обычные электрические лампочки. И как дважды два докажем, что либо у вас лампочек на количество посадочных мест не хватает, либо их излишек. Если не хватает, значит, вы умышленно портите зрение ваших посетителей, если же излишек – сжигаете кислород и опятьтаки наносите вред здоровью граждан. В итоге что? Правильно – опять штраф.

– Но ведь это!.. – я чуть не захлебнулся от возмущения.

– Стоп, не надо поспешных выводов, и тем более не надо произносить вслух то, что вы думаете, иначе нам впоследствии трудно будет находить общий язык.

Как излагает, подлец. Видно, их там не только инструкциям учат, но еще и психологию преподают.

*

Вообщето мне уже давно пора было уgomониться. В этих бюрократических «боях без правил» я не выиграл ни одного

раунда. И, похоже, не выиграю. Любой ресторан становится немедленной добычей для различного рода проверяющих.

С одним из них мы както крепко попили водки. Он оказался ярым поклонником Мельпомены, мое актерское прошлое расположило его ко мне. Взятку он, конечно, взял, но был со мной откровенен, нашел, так сказать, родственную душу. Поднимая рюмку, всякий раз заплетающимся языком приговаривал:

– Нам не надо девятьсот, налейте два по двести и пятьсот.

Так вот, он велел принести ему калькулятор, туманный взгляд снова стал осмысленным, голос трезвым:

– Гляди, артист. У нас в стране проверять предприятия общественного питания имеют право двадцать девять организаций. Умножаем на четыре – это районная управа, округ, город и федералы. Поскольку по одному мы ходить не имеем права, реже вдвоем, чаще втроем, то умножаем еще на три. Получается 348. В году 365 дней, по выходным не приходим, запрещено. В итоге проверяющих больше, чем рабочих дней в году. Усек? А ты – один. Справишься? Да никогда, даже не мечтай! Поэтому веди себя, как в том женском анекдоте: расслабься и получай удовольствие.

– Ну да, неземное удовольствие, отдавать вам заработанное...

– А посидеть, поговорить, вот так, как сейчас, душевно пообщаться...

Он и впрямь, видно, полагал, что пьянствовать с ним до-

ставляет мне неземное удовольствие. Но устрашающую цифру «348» я крепко запомнил. Да нам и не давали забывать. Приходили, проверяли, обирали как липку. Самые скромные (не по характеру, по должности) удовлетворялись бесплатным обедом и выпивкой, те, кто покруче, напротив – за стол никогда не садились. Зачем им наши напитки? Они попьют во время проверки кровушки, понаматывают нервы твои на кулак, возьмут соответствующий рангу конверт и – до следующего раза.

...Один только единственный раз обошлось без подношений. За несколько дней до новогодних праздников вечером в ресторан ввалилась целая группа людей в милицейских бушлатах. У нас как раз накрывались столы под банкет, Новый год собиралась отмечать крупная фирма, человек шестьдесят. Менты, оставляя на только что надраенном полу грязные лужи растаявшего снега, ринулись напрямиком на кухню, у поваров отняли паспорта, вывели их на улицу, запихали в микроавтобус, потребовали на переговоры начальство. И тут я психанул. Бросив на ходу администратору: «Скажите, что ищите меня, потяните время», – запрыгнул в машину и помчался к их районному начальству. С полковником к тому времени я уже был хотя и шапочно, но знаком. Начальник меня выслушал хмуро, пробурчал себе под нос чтото вроде «развели самодеятельность», попросил обождать в приемной. Через стенку я слышал отрывки разговора, властный голос полковника. Потом пытался всучить ему коробку с но-

вогодним подарком. Он остановил меня властным жестом, строго сказал:

– Не меряйте всех одним мерилом, у нас тоже порядочные люди работают.

Когда я вернулся в ресторан, повара на кухне продолжали жарить и шкварить, резать салаты.

*

Но этот случай потому мне и запомнился, что был чуть ли не единственным. А однажды, когда я в самом начале своей ресторанной деятельности проявил «непонимание», нас попросту закрыли. Вот так спокойно, даже без злорадства и без лишних слов.

Эти трое, вопреки обыкновению, заявили в субботу. Я, было, начал бормотать, что по выходным не положено, но меня остановили властногрозным: «Поссориться желаете?». Не проявляя никаких эмоций, выслушали объяснения, что сегодня, в выходной, офис закрыт, уставные документы показать не можем, и вообще, по субботам же проверки не проводятся, вот мы и не готовы. Видно, подивились моему тупому непониманию всего здесь происходящего. Долго пили кофе, заглядывая мне в глаза буравящими взглядами, говорили, что я произвожу впечатление умного человека, а их понять не хочу.

Меня же заклинило. С прямолинейным упрямством повторял, как заведенный: приходите в понедельник. В конце концов им это все надоело. Пошли на кухню, опечатали хо-

лодильники, потом на электрошлите вырубил и тоже опечатали рубильник. На просьбу разрешить хотя бы вынести из холодильников продукты, лишь усмехнулись. В понедельник по их требованию отвезли документы. В строгом учреждении, где пропуска выписывают, тщательно сверяя паспортные данные, нас продержали часа четыре. В коридоре. Потом позвали в кабинет. Один из давешних проверяющих, наголо обритый, в кожаном костюме, сказал, что сейчас ему некогда, он уезжает на срочную проверку. Когда освободится, посмотрит наши документы. С напутствием «звоните» протянул бумажку со своим телефоном. На наши звонки он не отвечал. Ресторан был закрыт... сорок дней. Люди слонялись без дела, каждое утро приходили узнать, нет ли каких новостей. Новостей не было.

Через сорок дней явились совсем другие люди, сказали что пришли по поручению того самого, в кожаном костюме. С места в карьер заявил, что готов «решать вопрос». Они для виду покрутились еще немного, потом один из них многозначительно прошептал мне на ухо:

– Завтра приеду к вам один, до начала рабочего дня.

Приехал, долго вздыхал, качал головой, чесал затылок с таким остервенением, словно давно не мылся. Часа два, явно с ненавистью двигая авторучкой, заполнял какието бланки – чтобы нас прихлопнуть, его коллегам понадобилось значительно меньше времени. Протянутый мной конверт не открывал, только пощупал, определяя плотность. Протя-

нул мне на прощание крепкую ладонь единоборца, произнес определенно с двойным смыслом:

– Можете работать, впредь не нарушайте.

Своим вниманием нас не обделяли, те самые триста сорок восемь работали без устали. Както раз, дело было в обед, сидела за столиком неподалеку от барной стойки довольно странная компания из трех человек, двое мужчин и дама. Дама пила водку, один из мужиков – пиво, третий ограничился минералкой. Они уже как бы уходили, когда тот, непьющий, подошел к бармену и попросил продать ему бутылку водки. Пояснил, что сильно торопятся и в магазин заезжать некогда. Протянул деньги, бармен направился в кассу – оплатить. Мужик остановил его нетерпеливым жестом.

– Ты что, не понял, мы торопимся, давай водку, а деньги в кассу потом отнесешь.

Взял бутылку. Потом достал красные «корочки», громко и даже торжественно объявил:

– Всем оставаться на местах!

Интересно, кого он имел в виду.

В этот момент я был в зале. Поинтересовался: а что, собственно, произошло? Бармен взял ту самую сумму, что обозначена в меню, где криминал?

В ответ услышал:

– В соответствии с вашей лицензией вы имеете право на реализацию алкогольных напитков с распитием на месте. Закрытую бутылку вы даже на стол ставить не имеете права, не

то что на вынос продавать. Тянет на уголовное дело.

– Но вы же сами его спровоцировали! – чуть не заорал я от возмущения.

– Совершенно неверная трактовка. Будучи представителем контролирующей организации, я устроил вашему сотруднику проверку, он ее не прошел, – и провокатор кивнул на своих спутников, – вот и понятия могут подтвердить.

Вздыхнул так, словно все происходящее было неприятно ему самому.

– Пока что опечатаем кассу, – прозрачно намекая, добавил: – Потом посмотрим.

В оттенках этих интонаций я уже разбираться научился, отреагировал сразу:

– А сейчас нельзя?

– Сейчас нельзя. Вот провожу своих спутников, позвоню вам, встретимся.

Встретились. Он достал из кармана телефон. Написал несколько цифр, показал мне, написанное стер. Взглянул вопрошающе. Что оставалось делать? Я кивнул.

*

Этим проверкам не было числа. Иногда в день бывало по несколько проверок. Ну точно как у Высоцкого: «В дом приходишь все равно как в кабаk, а приглядишься: каждый третий – враг». В стране выходили всякие обнадеживающие приказы, указы, постановления, устанавливались регламенты для контролирующих пиявок. Ничего не менялось. Хотя

нет, суммы поменялись, стали больше – теперь накидывали еще и за риск, на инфляцию, на грядущие и уже наступившие кризисы. Ничего странного, жизньто дорожала.

*

Проверки будоражили, мешали работать, выбивали из колеи. И все же мы работали. Более того. Я осознанно понял, что мне все это нравится. Нравится мой, снова осмысленный, день, нравится спешить в свой кабаk. Мне по душе этот людской гул в зале, который, словно волна морская, не раздражает, а успокаивает. Нравится нескончаемая суeta на кухне. Все реже и реже вспоминаю я свою прошлую жизнь – новая поглотила меня целиком и полностью, не оставляя времени ни на воспоминания, ни на самокопание, чем раньше увлекался, порой – безмерно.

Все вечера проводил теперь в ресторане. Устраивался за угловым столиком, внимательно наблюдая, что происходит вокруг. Я, как мне кажется, уже начинал понимать, что ресторан – это не супы и салаты, не повара и официанты, даже не просто экономика или бизнес. Это нечто гораздо большее. Такая, если хотите, микромодель нашего бытия.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мы жили по соседству. Они были младше меня, кто лет на пять, а кто и побольше. С высоты своего «солидного» возраста я на них внимания почти не обращал. В детстве, ранней юности эта разница в возрасте кажется гигантской. Хотя жизненные приобретения и утраты возраст впоследствии

нивелируют. К сожалению. Или всетаки к счастью?

Наше Огоньково было типичным подмосковным поселком того времени, но для нас, мальчишек, лучшим местом на земле. Поселок рос, потом стал центром Огоньковского района Москвы. Росли и мы. Однажды, уже возвращаясь домой после занятий в театральном училище, я увидел стайку както враз вытянувшихся подростков, в которых не без труда узнал бывшую соседскую мелюзгу.

– Здорово, Пушкин! – выкрикнул ктото из них ломающимся баском.

– Ну что, решаете, чей бы сад потрясти? – я остановился возле них, вглядываясь и пытаюсь определить, кто есть кто.

– Да какой там сад, – отмахнулся Витька Аверьянов. – Вон Сереня сегодня училке циркулем в глаз запустил, вот и дуем, что теперь будет. Наверное, из школы попрут.

– Попал? – с ужасом спросил я соседского Сережку Михеева, живо воображая картину вонзившегося в глаз металлического жала.

– Бог миловал, – повзрослому ответил Сережа.

Пацаны охотно поведали мне эту историю, все же я был постарше, они хотели услышать совет «умудренного жизнью» соседа, к тому же – артиста. Произошло следующее. За какуюто Сережкину провинность учительницаматематичка вызвала в школу мать хулигана. Дело было весной, шла подготовка к Первомаю, матери, работавшей в исполкоме, было не до проделок сына – так он, во всяком случае, решил, и

ничего о вызове в школу дома не сказал.

Веру Григорьевну в районе знал каждый, пользовалась она неизменным уважением. Не раз я слышал от взрослых степенное:

– Вера женщина строгая, но справедливая. Если обратишься, всегда выслушает, поможет...

Михеев пришел в школу без матери. На уроке при всем классе училка начала ерничать по поводу занятости Веры Григорьевны. Тон ее показался сыну оскорбительным. Долго не раздумывая, он запустил в математичку циркулем. Металлическим жалом железка вонзилась в доску, исписанную формулами. Училка, как принято говорить в таких случаях, потеряла лицо: визжала дурным голосом, употребляя слова отнюдь не педагогического воздействия. Серега ее не дослушал, сгреб свои тетрадки и книжки, походкой триумфатора покинул класс. И вот теперь должна была наступить неизбежная расправа.

С того дня, встречая подростков на улице, я стал останавливаться, подолгу с ними разговаривал. Они были мне интересны, это совсем новое поколение, так не похожее на нас. Воспитанные пионерской организацией и комсомолом, школьными и родительскими догмами, мы были в своих взглядах зашорены и достаточно ограничены, мыслили теми штампами, что пестрели на лозунгах и транспарантах, а что самое нелепое – верили им. Анекдоты рассказывали шепотом, Павлика Морозова почитали героем, пострадавшим за

правду, принципиальность и идею всеобщей коллективизации. А в этих юнцах, хотя немногие годы нас отделяли друг от друга, была какая-то самостоятельность мыслей и рассуждений, привлекательная раскованность. Чтото тянуло меня к ним. Хотя, поглядеть со стороны, обычные парни. Они, конечно, не были паймальчиками и зубрилками, в школе занимались так, чтобы родителей пореже огорчать. Гоняли по крышам голубей, летом срывались с шатровыми цыганами, у костра слушали их песни и хвастливые бредни, учились у ромал в карты играть, хотя картами так и не увлеклись. Озоровали, дрались, многие серьезно увлекались спортом – предпочитали борьбу, либо бокс, изучали каратэ и другие восточные единоборства, входящие тогда в моду. При этом не забывали про книги, могли нетнет блеснуть такой цитатой, что даже меня приводили в изумление.

Было, конечно, и между нами много общего. Школьные традиции оставались сильны. У каждого, как когда-то и у нас, было прозвище. Чаще всего – производное от фамилии. Сережку Михеева звали Михеем, Витьку Аверьянова – Аверьян. Исключение составлял разве что Женька Люстриков, но с его прозвищем связана целая история.

*

Какойто пацан, года на два постарше, гроза местных окраин, всякий раз встречая Женьку, окликал: «Эй, Люсик, по-ди сюда». Женька рос парнем самолюбивым, занялся спортом, окреп. Девчачья, и от того унижительная, кличка «Лю-

сик» его коробила, он опасался, что прозвище приклеится. Услышав очередной оклик «Люсик», подошел к обидчику, молча остановился, потом, точно также молча, нокаутировал его. Ктото из стоящих рядом ребят поднял руку Люстрикова вверх, как на ринге, произнес уважительно, почти как у Джека Лондона: «Свинцовый кулак». Мальчишкам сравнение понравилось. Женьку стали сначала звать Свинцовый кулак, потом просто Свинцовый, но както эти прозвища не особо прижились, чаще всего называли просто Жэка.

*

В Огоньково я бывал все реже и реже – учеба, женитьба, репетиции, съемки. Своих юных соседей почти не видел, когда встречались, здоровался на ходу, вечно времени не хватало. На ходу узнавал, что Сергей, после той истории с циркулем, перевелся в вечернюю школу, довольно успешно ее закончил. И он, и Виктор стали мастерами спорта. Они рассказывали о том, что было важно для них – ктото купил мотоцикл, ктото за сборную страны выступает, когото уже в армию призвали. . . Признаюсь, погруженный в свои проблемы, я слушал их в полуха. У меня то роль не шла, то Ольга взглянула косо, так что их заботы казались мне незначительными. Хотя невниманием своим старался их не обижать.

*

Годы спустя по Москве поползли сначала невнятные, потом все более настойчивые слухи. Что де объявилась в Златоглавой какаято то ли банда, то ли группировка – стреми-

тельно входящее в новый лексикон понятие. Называли их «огоньковские», говорили об особой дерзости, о том, что никому спуска не дают. Даже анекдот рассказывали, что, мол, поймал мужик золотую рыбку, а вместо трех желаний попросил об одном – избавить его от огоньковских. А рыбка сердито молвит: «Нашел чего просить. Я сама под ними хожу». Слухи эти меня особо не интересовали, говорят и говорят. Правда, недоумевал, откуда в нашем патриархальном поселке взяться таким грозным разбойникам. И уж никак я эти слухи не ассоциировал со своими юными соседями.

Както чуть не влип я в историю. Дело было в пивбаре «Жигули». Один из моих собутыльников отправился за очередной порцией пива, полез без очереди, повздорил с компанией крепких парней. Их было человек восемь, нас, взятых в тесное кольцо, – трое. Уже не трезвый, а потому смелый и безрассудный, я вспомнил юношеские уроки бокса, ту единственную победу, которую одержал на студенческом турнире. Принял боксерскую стойку. Раздвинул ноги на ширину плеч.левой рукой, как учили, прикрыл подбородок, правую резко выбросил вперед, целясь в самого рослого.

Раздался звон разбитой посуды, мерзкий треск сломанного стола. Поскольку мой кулак рассек лишь воздух, к моим боксерским успехам все это вряд ли можно было отнести. Швейцар отчаянно засвистел в свисток, кто-то из моих приятелей истошно закричал: «Ноги!» – и мы, как сайгаки, выломались из бара. Впереди нашей, с хрипом дышавшей

троицы, чьи легкие уже были забиты никотином, легко, по-спортивному, мчались еще трое рослых парней. Все вместе мы вскочили в отходящий от остановки троллейбус, и только там, на задней площадке, я наконец, отдышавшись, узнал своих бывших соседей – Серегу, Витька и Жэку. Это они так лихо расправились с нашими обидчиками, хотя, если говорить по совести, обидеть нас так никто и не успел. Вышли через несколько остановок, присели на скамейку в какомто скверике. Я церемонно, в знак благодарности, пожал всем руки.

– Не будь тебя, в жизни бы не впряглись в эту историю, – осуждающе сказал Виктор. – Нельзя нам, особенно Женьке.

– Почему особенно Женьке? – переспросил машинально.

– Да срок у него, условный, – явно неохотно пробурчал Сергей.

*

Весной, незадолго до окончания школы, Женька пошел на свадьбу. Гуляли, как принято, с размахом. Посреди вечера подошла к нему соседка, лет под тридцать молодая бабенка, пьяненькая, размалеванная, с размазанной по лицу тушью для ресниц. Пригласила паренька на танец, прижалась всем жарким телом, пачкая помадой, зашептала в ухо:

– Ох, Женечка, какой ты стал большой и сильный...

Затащила Женьку в какуюто то ли комнату, то ли чулан – он в темноте так и не разобрал. Пыхтя, как паровоз, молча полезла к нему в штаны. Ворвался разъяренный муж, влепил

неверной оглушительную оплеуху, когда она, как куль, рухнула, наподдал еще ногой. Схватил Женьку за шиворот и поволок на улицу. Ошеломленный, тот не сопротивлялся. Легко увернулся от первого удара, уклонился от второго. Когда роконосец схватил дрын, «Свинцовый кулак» ударил сам. У мужика подломились колени, падая, он грохнулся затылком о камень, очнулся только в больнице. На больничной койке провалялся месяца два, выписался с задумчивым взглядом, на вопросы отвечал невпопад, некстати ухмылялся. Упомянув жену, постоянно высказывал готовность вступить в половую связь с ее матерью, употребляя при этом самое распространенное в России оскорбление.

Семнадцатилетнего Женьку судили. Адвокат блистал, его речи были гневными и обличительными. Он говорил о нравах, морали, уповал на то, что его несовершеннолетнего подзащитного хотели совратить и вынудили обороняться, защищая собственные честь и достоинство. Люстрикову дали пять лет. Сжалились над парнем, уточнив – условно. Предупредили, чтобы вел себя тише воды.

Если бы Женьку задержали после драки в пивбаре, его условный срок грозил превратиться в реальный. Ради солидарности и выручки бывшего соседа он рисковал свободой. Я стал изливать ему свою особую благодарность, путаясь в причастных и деепричастных оборотах – меня переполняли хмельные эмоции, хотя к тому времени, кажется, уже начал трезветь.

Внезапно меня осенило. Пораженный догадкой, замолк на полуслове, спросил неуверенно:

– Так эти, огоньковские, это не вы ли? А я все думал, думал...

– А ты бы поменьше думал, артист, – перебил меня Серега. – А то вон у тебя от мыслей на голове уже волос почти не осталось. Тебе теперь не Пушкина играть, скоро роль Ленина предлагать будут, – он весьма выразительно кивнул на мою уже вполне заметную проплешину на голове.

Шутка получилась обидной, но смешной. Мы все беззаботно рассмеялись. Обменялись номерами телефонов и дружески расстались.

*

Перед премьерой «Границы» я позвонил им, встретил у входа в Дом кино, вручил билеты. Они были явно польщены, преподнесли мне огромную корзину цветов, держали себя с солидным достоинством. Сергей на банкете произнес за меня тост. Очень трогательный. Виктор тоже сказал несколько проникновенных слов. Женя согласно кивал, весь вечер называл по имениотчеству. Время от времени мы встречались. Ребята стали приглашать меня на свои вечеринки, неизменно просили взять с собой гитару. Я не отказывался, пел для них с удовольствием. Мне было интересно в их компании, и сами они были мне интересны.

Бурные, правильнее сказать – бешеные девяностые наложили и на них свой отпечаток. Даже сленг теперь был иным,

некоторые слова, не понимая их значения, я просил пояснить, старался запомнить, и сам потом со вкусом повторял, полагая, что иду в ногу со временем. Хотя шли, даже мчались – они, а я лишь брел, не поспевая за стремительными событиями страны, в которой царили невообразимые хаос и раздрай, неподвластные сознанию простого человека. Но как раз они то, бывшие мальчишки, а теперь молодые, но уже вполне повзрослевшие, прекрасно, как я видел, ориентировались в этой новой жизни. Потому что приоритеты расставляли сами.

*

Рассказывая при встречах о себе, они без всякого бахвальства говорили о своем бизнесе, открытых ими магазинах. А однажды буквально ошеломили меня известием о том, что приобрели (это стало называться мерзким словом «приватизация», от которого так и несет похабщиной) в собственность высотную гостиницу на престижном проспекте, носящем имя вождя мировой революции – к счастью для народов так и не осуществленной. Нынешние олигархи, ограбившие страну, могли такие гостиницы покупать каждый месяц, но тогда я смотрел на ребят, как на пришельцев с далеких планет – настолько фантастически это звучало. Видя мое изумление, мне солидно и обстоятельно объяснили, что гостиничный бизнес во все времена и во всем мире считается самым перспективным и приносящим хорошие дивиденды – они так и сказали, эти молодые бизнесмены, ничуть при этом

не рисуясь.

Много лет спустя я както задумался. Почему именно они, ребята из Огоньково, стали притчей во языцех? Почему именно их стали называть «самой опасной российской группировкой»? И думаю, нашел всетаки ответ. Ведь я неплохо их знал, слухам не верил, а верил своим глазам.

При тоталитарной системе все мы ходили строем и никто не высовывался – опасно было. Свобода, как известно, развращает. Почувяв безвластие и анархию, которую пытались выдать за демократию, каждый пошел в свою сторону, считая, что вот онто и есть самый умный, самый сильный, самый достойный или, как теперь говорят, самый крутой. А когда рядом оказывался кто-то еще круче, читай – успешнее, это вызывало зависть, частенько перемешанную с яростью. Новое общество развитого бандитизма сформировалось так же легко и естественно, как у новорожденного, после первого крика, возникает естественная потребность дышать.

Именно в те годы появилось выражение «жить по понятиям». Вроде, ничего плохого. Хотя смотря какие понятия. У моих друзей понятия были четкие. Они сформулировали их фразой: «Чужого не возьмем, свое не отдадим». Они были молоды, честолюбивы, частично сохранили юношескую наивность, верили в свои силы. Они никому ничего не отдавали, не боясь ни натиска, ни должностей; никогда не предавали и не сдавали своих, какие бы посулы ни обещали им за это. Их независимость и сплоченность когото просто раз-

дражала, а у иных вызывала ненависть, стремление покарать непокорных, сделать такими, как все. Но огоньковские упрямо общим правилам не подчинялись, «в стойло» не шли, шею под чужое ярмо не подставляли. Ребята они были дружные, все, как один, спортивные, страх им был неведом. Одним словом, постоять за себя могли.

*

Поначалу все эти сосновские, волчанские, лебединские и более мелкие хищники просто поразились такой независимости безвестного молодняка. Но уже тогда в их руках были огромные капиталы и они теперь жаждали не просто богатства, этого им казалось мало, они жаждали власти. И в первую очередь – власти над людьми. Покупая на корню окружение «гаранта конституции», который либо теннисной ракеткой размахивал, либо маялся с похмелья, эти «акулы» подкупали прессу, милицию, всех, кого можно было купить. А купить в этой нищей бесправной стране, какой тогда была Россия, можно было почти всех и все. Продажность власти сначала стала необходимым источником сытного существования, возможностью вырваться из нищеты, потом превращалась в образ жизни. Глумливо и кощунственно продажные называли свое вероломство – бизнес, неизменно добавляя, словно их это могло оправдать в собственных глазах: «Ничего личного, только бизнес». Хотя вряд ли. Ни в каком оправдании они, развращенные деньгами и безнаказанностью, не нуждались.

Охочие до сенсаций – сенсации, чем невероятнее, тем лучше, оплачивались дороже – журналисты раздували изо всех сил кадило своих страшилок. И если в стране совершались какие-то громкие преступления, то их немедленно приписывали «огоньковским». Милицейские сообразили быстро, да им, судя по всему, и настойчиво подсказали, что очень удобно сделать непокорных крайними. В стране, где убивали и грабили прямо на улицах, где люди по вечерам стали бояться выглянуть из дому, так славно было найти виноватых, наказать примерно, да так, чтобы все узнали – мы нашли источник зла. И заточили в узилище. Вот их и заточили.

*

Сергей Михеев, Виктор Аверьянов, еще несколько их друзей и партнеров по бизнесу оказались в «Бутырке», знаменитой и одной из самых старых российских тюрем, в подвале которой еще Емелька Пугачева Екатерина II велела на цепь посадить. Газеты и телевидение в «праведном гневе» взахлеб рассказывали о «злодействах» огоньковских, хвалили доблестную милицию, выражали надежду, что вот теперь-то с преступностью будет покончено раз и навсегда. Этот миф на долгие годы стал прочным и незыблемым, как народный эпос. Верят же до сих пор на Руси и с упоением детям рассказывают про коверсамолет, БабуЯгу, Змея Горыныча; с любовью повествуют про Иванушку-дурачка, приписывая ему всякие добродетели, до которых ни один дурак бы не додумался. Народ вообще в любую гадость и мерзость верит

куда охотнее, чем во что-то доброе. Так уж этот народ устроен. Ведь написали в годы сталинских репрессий пять миллионов доносов. Их что, Сталин на Берия писал, или Калинин на Ежова? Их написал народ, те самые пять миллионов простых и прекрасных советских людей, что свято верили: мы не доносим, а своевременно сигнализируем, не «стучим», а совершаем добро на благо родной страны, что только так и надо, что так – хорошо...

В «Бутырке» ребятам не понравилось. Со времен императрицы Екатерины в ней мало что поменялось. Те же сырые стены, смрад, вонь, теснота. Воры, мошенники, преступники всех мастей, а среди них – безвинно здесь оказавшиеся, все перемешались в камерах, переполненных до такого предела, вернее, беспредела, что ночью, спящие на нарах десятками люди, на другой бок могли перевернуться только все вместе, по команде. Стычки среди этого разношерстного люда были неизбежны. После нескольких «наездов» даже самые отпетые обитатели «Бутырки» поняли, что с огоньковскими лучше не связываться. Они сумели постоять за себя и здесь.

Отвлекали от всей окружающей гадости книги. Читали запоем, все, что могла предложить тюремная библиотека – от корки до корки, словно возвращая себя к жизни вне этих опостылевших стен и решеток.

На допросы вызывали редко, допрашивали лениво, торопиться было некуда. Преступлений в Москве ежедневно совершалось столько, что ни следствие, ни суды не в состоянии

были их разгрести. Так прошло почти два года, два томительных года той самой бесценной и прекрасной жизни, когда молодых, энергичных парней, полных планов, идей, проектов, не объясняя причин, оторвали от друзей, родителей, любимых.

Точно так же, ничего не объясняя и, разумеется, не извинившись, их вывели за ворота тюрьмы. Прокуратура закрыла «дело» – «за отсутствием преступления». Даже не отсутствием состава, а отсутствием самого преступления. Иными словами, так и не нашлось ни одного преступления, которое церберы хотя и примеривали усердно, так и не смогли на них напялить. Враз замолчали продажные писаки. А о чем, собственно, теперь говорить? Раз не огоньковские, значит – никто.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Эта женщина приходит к нам по крайней мере раз в неделю, всегда в компании трехчетырех молодых мужчин. На вид ей – хорошо за сорок. Пышнотелая, в неизменно открытых платьях, вызывающе ярко покрашенная. Со своими спутниками ведет себя развязно, но властно. Командует этими неизменно покорными мальчишками, как хочет. Счет оплачивает всегда сама. В конце вечера обязательно преподносит «сюрприз». Когда она визжит истошно и противно: «Безобразия! Вызовите директора!», мы воспринимаем ее клич как звонок в театре, возвещающий о начале спектакля. Подходит администратор. «Хозяйка», так прозвали эту мадам наши

официанты, протягивает тарелку. На дне непременно находится кусочек стекла, маленький шурупчик, либо еще какой иной посторонний предмет. Некоторое время наша «дорогая гостья» наигранно возмущается (актриса она никудышняя), потом успокаивается.

– Ладно, на этот раз я вас прощаю, но вы мне должны предоставить скидку, в порядке компенсации.

Администратор терпеливо объясняет, что ей, как постоянной гостье, скидка уже предоставлена.

– Ах, да, – вспоминает «хозяйка». – Ну, хорошо, тогда мне, от заведения, полагается угощение – бокал хорошего вина.

При этом она жеманно поводит плечиком, размером с подушку, и кокетливо, как ей кажется, улыбается. В итоге соглашается на бокал кофе латте. Приносим, чтобы не связываться. Ее фокусы нам давно уже известны и порядком надоели, но приходит она постоянно, заказывает обильно, счета всегда немалые, так что терпим.

Но однажды она, что называется, нарвалась на нашего нового директора. Он преспокойно выслушал ее крики и претензии, потом так же спокойно заявил:

– Все, что вы нам демонстрируете в вашей тарелке, вы приносите с собой. Так что не надо скандалов. Ведите себя достойно, вы в приличном заведении. Еще один такой инцидент, и мы перестанем вас сюда пускать. Это не все. О ваших проделках сообщим в вышестоящую организацию. Оно вам

надо?

Больше инцидентов с «хозяйкой» не возникало. Я спросил у директора:

– Леша, а ты что, знаешь, где она работает?

– Понятия не имею, – пожал он плечами.

*

Даже наш маленький ресторан частенько напоминает большой вулкан. Просто удивляюсь, насколько часто здесь происходят всякие «извержения».

...Снова разбушевались «кабернешки» – так у нас прозвали этих двух молодых женщин. У них всегда волосы выкрашены в один и тот же цвет, если брюнетки, то обе, вместе, становятся шатенками, блондинками, огненнорыжими... Приходят постоянно, привычек не меняют, заказывают пару легких салатов, порцию стейка из рыбы – на двоих. Вино «каберне» пьют в таком количестве, будто желают проверить запасы нашего склада. Вечер предпочитают проводить вдвоем. Им и вдвоем, судя по всему, не скучно – бесконечно о чемто беседуют, преимущественно мирно, хотя иногда явно спорят. Правда, без ссор. Изрядно покраснев, виното пьют красное, поют в караоке, надо сказать, неплохо поют.

Под конец, когда каберне, по нашим подсчетам, уже должно выливаться у них из ушей, одна из подружек читает в микрофон стихи. Собственного сочинения, о чем торжественно объявляет в микрофон. Гости недовольны. Стихи заунывные, читает она их с отвратительным надрывом. Гости сти-

хов не хотят, они хотят петь. Говорят поэтессе всякие гадо-сти, стараются вырвать у нее микрофон. Фиг им – микрофон к ее цепкой руке словно прирос. К тому же немедленно вмешивается подруга, стоит горой, для пущего устрашения противников поэзии частенько вооружается вилкой. Так что за ними глаз да глаз нужен. Возникают неизбежные конфликты. Коекак выпроваживаем «кабернешек» домой, советуем приходить в те дни, когда караоке не работает – в принципе, у нас к ним относятся с симпатией.

Однажды, уже на пороге, «кабернешка» поэтесса наткнулась на меня. Долго ловила фокус, наконец навела резкость. Интимно дыша на меня винными парами, предложила компромисс: если я готов слушать ее стихи до утра, то она, так и быть, забудет все обиды, которые наносят ей здесь «эти хамские люди». Подруга улыбалась, явно одобряя такое предложение. Положила мне на плечо руку и произнесла: «А мы будем танцевать». Я понимал, что рискую потерять постоянных гостей, но все же под какимто благовидным предлогом отказался. Впрочем, через день они пришли снова. Снова лилось каберне, пели в караоке и читали стихи.

*

Накануне 8 марта был у нас, как обычно, аншлаг, все столы заняты, яблоку упасть некуда. Официанты с ног сбились. Администраторы, кладовщица – все подносы (на профессиональном сленге «поднос» называется не иначе как «разнос») взяли, вышли в зал. У меня сердце радовалось – как слав-

но гуляют. Сглазилтаки! К концу вечера разразился скандал. Компания – два парня, три девушки, на столе цветы, шампанское – потребовали скидку. И не просто скидку, а не менее пятидесяти процентов. На каком основании? Да просто им так захотелось. Молодой человек, весь вечер он явно был в центре внимания своей компании, так и заявил:

– Не дадите пятьдесят процентов скидки – закрою вас.

Кстати сказать, «закрывают» нас постоянно. Как кому что не по нраву, сразу грозят закрыть. Видимо, считают, что нет ничего проще. Закаленные всевозможными контролерами, мы реагируем на такие угрозы вяло. Вот и на этот раз администратор Денис отреагировал спокойно:

– Закрывают. Только сначала счет оплатите.

Закрывальщик вышел в вестибюль, достал из кармана телефон, принялся комуто звонить. Шел первый час ночи. После фразы, что звонит он из ресторана, в его трубке сразу же звучали короткие гудки отбоя. Хмель делал свое дело. Парень, пошатываясь, вернулся в зал, чуть не промахнувшись, плюхнулся на стул. При этом опрокинул бокал с вином на соседку. Не извинился – попросту не заметил. Отодвинул папку с распечатанным счетом, заявил, что раз скидку не даем, он вовсе платить отказывается.

Денис нажал «тревожную кнопку», через пять минут явился милицейский наряд. Потребовал документы. Четверо из компании предъявили паспорта, у буяна паспорта при себе не оказалось, он достал из кармана служебное удосто-

верение. «Менеджер по продажам фирмы «Седьмое небо», прочитал милицейский лейтенант. В это время к нам заглянул из соседнего ресторана «Улугбек» мой товарищ и коллега – Володя Панков.

– Минуточку, – попросил милиционера. Взял пьяненького гостя под локоток, отвел в сторонку.

– Значит вы в «Седьмом небе» работаете, – произнес удовлетворенно, спросил ласково. – А если Виктор Николаевич узнает о ваших художествах, как вы думаете, понравится ему это?

Мне никогда до этого не приходилось видеть, как человек стремительно, ну просто на глазах, трезвеет. Да и было отчего. Бывший генерал КГБ Виктор Николаевич Тимофеев возглавлял в «Седьмом небе» службу безопасности, а также курировал кадры. О его строгости и драконовских порядках по Москве ходили легенды. Счет мгновенно был оплачен, официанты получили сверхщедрые чаевые, компания поспешно удалилась.

Понапрасну вызванный наряд попил горячего чайку и тоже уехал. Через полчаса один из той самой компании, наименее пьяный, вернулся в ресторан. Отозвал администратора, пытался всучить ему деньги (не поручусь, что ему это не удалось), сказал просительно:

– Вас, кажется, Денис зовут. Так вот, Денис, нельзя ли все-таки ничего не сообщать на нашу фирму? Ну, выпил товарищ лишку, с кем не бывает. Праздник все же...

*

Наши изобретательные гости то и дело откидывают такие «коленца», что мы только диву даемся. Но всех перешеголяли «детишки». К слову сказать, детишки – вообще тема особая. Впервые мы столкнулись с ними, когда проводили школьный выпускной вечер. Сначала нам полгода мотали нервы и пили кровь члены родительского комитета. С давних времен моей школьной юности в этой общественной организации ничего не изменилось. В родительский комитет попрежнему входили необъятных габаритов тетки, громогласные, нахальные и беспардонные. Мы и сами не заметили, как они выколотили из нас целый ряд скидок и различных уступок. Наконец наступил день «икс». Сто десять выпускников, двадцать взрослых – родители и учителя разместились в двух залах. Взрослые тайком доставали из позвякивающих сумок бутылки, пытались замаскировать их шторами. «Детишкам» на эти ухищрения было наплевать. Девушки первым делом отправились в туалет, изпод юбок своих роскошных выпускных платьев (одна из официанток рассказала подробности) извлекли такое количество спиртного, что взрослый стол выглядел по сравнению с «детским» просто пуританским. У входа в ресторан дежурил усиленный наряд милиции. Но гуляли без эксцессов, все закончилось вполне мирно и внешне благопристойно. Каково же было наше удивление, когда уборщицы вымели из туалетов и самых неожиданных мест не только несметное количество пустых

бутылок, но и использованные презервативы, отдельные детали женского интимного туалета и массу иных свидетельств того, что выпускной вечер для некоторых стал воротами во взрослую жизнь. Если я, конечно, не идеализирую ситуацию.

...И вот наши постоянные гости, весьма солидная супружеская пара, вознамерились отпраздновать восемнадцатилетие своей дочеристудентки. Настенька к их решению отнеслась благосклонно. Но поставила условие – предков в ресторане быть не должно. Восемнадцать – возраст совершеннолетия, желаю, дескать, праздновать без вашего надзора. Сожалея и одновременно гордясь, – выросла дочка – любящие и современно мыслящие родители согласились. Обсудили меня. Согласились, что столь торжественная дата требует соответствующего подхода. По фотографиям в каталоге выбрали неземной красоты торт. Перешли к спиртным напиткам. Папа с мамой, словно ветряные мельницы, враз замахали руками:

– Что вы, что вы! Вы просто не знаете наших детей. Настенькины сокурсники часто к нам приходят. Ставим им бутылку легкого сухого вина, так поверите, половина остается невыпитой. Вот, кстати, ваш клюквенный морс, совершенно чудесно вы его готовите, вот он подойдет. Побольше, побольше поставьте, уверяем, будет основным напитком. Да ихто и будет всего шесть человек...

Наварили, в соответствии с пожеланиями, ведро морса. Украсили стол попраздничному. Поставили, на свой страх

и риск, бутылку сухого вина и бутылку полусладкого шампанского, так, на всякий случай. Пришли «детишки». Юнец, прикативший на феррарикабриолете, отозвал в сторону администратора.

– Послушай, дед, я ваши дела хаваю, – обратился он с уважением. – Поэтому, чтобы не было никому накладно, договоримся так: половина бухла нашего, половина – вашего, – успокоил, – бабки у нас есть. – И протянул звякнувшую стеклом сумку, в которой оказалось четыре бутылки водки «Белуга».

За стол уселось, как и предрекали родители, шестеро молодых людей. Выпили. Выпили еще, без промедления выпили по третьей. Закусили. Лениво потанцевали. Юнцы, наверное, учились в медицинском – во время танца не столько отдавались плавным движениям, сколько пальпировали своих партнерш. Вернулись к столу, еще выпили, обнялись. Почему все вместе зашли в один туалет, проверив сначала, какой именно свободен. В общем, вели себя спокойно, даже довольно тихо. Сидели недолго, бережно поддерживая друг друга, вышли из ресторана, когда сумерки еще не сгустились. Тот самый, на «феррари», задержался, придирчиво и внимательно оглядел стол. Выяснил, что выпили все до капли, а вот еды навалом, к торту просто не притронулись.

– Отнеси этот корм в машину, – велел парень официанту. Тот поволок коробку и оказался свидетелем...

Опущу подробности. Именинница, облокотившись, на

кабриолет, стала размахивать ажурными трусиками, призывая отметить свое совершеннолетие «повзрослому». Ктото из девчонок пискнул, что еще светло, люди, мол, ходят, да и официанты из нашего и соседнего ресторана собрались поглазеть. Но Настю это только раззадорило. Первый партнер ей не понравился, с обидными оскорблениями она его отогнала, потом партнеры менялись. Позабавив публику, детишки уехали. Перед входом в ресторан валялись ажурные трусики юбелярши.

Утром пришли мама с папой. Благодарили, говорили, что Настенька очень довольна, мило посидели.

Грязь, конечно. А может, просто – кабак...

*

...Когда «Ручеек у камина» едва открылся, многомудрый мой друг детства Вова Зимин предупредил:

– Трудно тебе будет. Во всем мире ресторанный бизнес – дело семейное, а у тебя и роднито толком нет. С кем работать будешь? Я бы помог, но не могу же переехать к тебе в кабак вместе со своим диваном.

Я тогда пропустил его слова мимо ушей. Потом вспоминал не раз, сожалея, что нет рядом близкого человека.

Теперь есть. После ухода Натальи Николаевны я вспомнил про своего родственника Алексея. Он младший брат мужа моей сестры. Как это называется, шурин, деверь, или как еще – не знаю, хрен их разберет, эти древние словечки. Да это и не важно. Лешка – моя находка, мой спасательный круг.

Знаю я его с детства.

Однажды, я еще был студентом театрального училища, мы халтурили на новогодних елках. Для нас новогодние праздники – настоящий, как мы говаривали, сенокос. Забывали так, что потом надолго хватало. Поскольку ни ростом, ни статью я не вышел, мне досталась роль Бармалея, тоже неплохо востребованный на новогодних спектаклях персонаж. В клубе, то ли Госплана, то ли Госснаба, для детей сотрудников была елка. Подарки для детишек наших шишек приготовили особые. Поговаривали, правда шепотком, что даже на Кремлевской елке – попроще. Мне, как артисту, выделили один билет с корешком «Подарок». Сестра уговорила взять на праздник Лешку, он тогда в первый класс пошел. После спектакля артисты разгримировались, и в «красном уголке», приспособленном под гримерку, славно отметили Новый год. До того славно, что про малыша я забыл.

Вышли из клуба. «Снегурочка» достала из сумки бутылку: «Мальчишки, я вам посошковую захватила». Под восторженные восклицания пустили бутылку по кругу. Это меня и спасло. Пока мы продолжали бесшабашное веселье, из клуба выскочила вахтерша.

– Бусурмане, кто мальчика забыл?! – заорала она как оглашенная.

Отреагировали все, кроме меня – в тот момент как раз бутылка была в моих руках. Устроили переключку, выясни-

лось, что никакого мальчика с нами не было. Тут «Снегурочка» и говорит:

– А помоему, с тобой, Бармалей, какойто мальчик был, он еще с узелком на ботинке мучился, я его потому и запомнила, хорошенький такой.

Мгновенно все вспомнив, холодея от ужаса, я ринулся в клуб. На вахте сидел Алеша. Спокойный, невозмутимый, читал «Мурзилку».

– Что ж ты молчал? – задал ему идиотский вопрос, схватил за руку, и мы помчались домой. Родственники встретили меня ледяным молчанием, хлопотали над Алешей, снимали с него шубку, развязывали пресловутые узелки на шнурках.

Я неоднократно пытался сгладить свою оплошность – мне правда было стыдно. Изъявлял желание отвести Алешеньку в зоопарк, цирк, ТЮЗ. Все мои чистые помыслы вызывали у родни лишь саркастическую усмешку: больше мне его не доверяли.

*

От сестры я время от времени узнавал новости из жизни этого спокойного мальчика. Он с золотой медалью окончил школу, поступил в «Менделеевку». Не проучился и первого семестра, чтото случилось у него с сердцем. В состоянии клинической смерти паренька привезли в «Склиф». Вшили кардиостимулятор. Из «Менделеевки» студента Алексея Беляева отчислили, выяснилось, что в химическом вузе не могут учиться люди с сердечными заболеваниями. Леша вос-

принял известие с присущим ему стоическим спокойствием, на следующий год поступил в Плехановский. Получил красный диплом. Работал референтом по экономическим вопросам в крупной фирме. Развивая бизнес, хозяйка фирмы, жена известного артиста эстрады, открыла ресторан. Леша стал директором. Параллельно занимался на высших курсах, где обучался ресторанному делу. Одним словом, стал профессионалом в этой области.

Оставшись без директора, я вспомнил о нем. Мы давно не виделись. Из нескладного юноши он превратился в художавого молодого мужчину, когда стал задавать мне вопросы по поводу моего ресторана, мне показалось, что говорит на иностранном языке – я почти ничего не понимал. На мое предложение поработать вместе ответил вежливым отказом. Я напомнил ему о родственных связях, о том, что семья превыше всего. При этом, кажется, покраснел, родственником я был, для него, по крайней мере, весьма относительным. И тут он неожиданно согласился.

– Тебя действительно выручать надо, – сделал он совершенно справедливый вывод. – Как я понимаю, бардак у тебя там немислимый. Только условие – работаю не больше года. Ты не подумай, что я бахвалюсь, но у меня теперь несколько иные масштабы, чем твое, ну, скажем так, скромное заведение.

*

С собой Алексей привел двух поваров и кладовщицу. Че-

рез месяц полностью поменял меню. Я был в ужасе – у нас появились блюда с заоблачными, как мне казалось, ценами. «Что он творит?» – со страхом думал я, но дав обещание не вмешиваться в его действия, молчал. Как ни странно, именно эти дорожные блюда стали пользоваться наибольшим спросом. Теперь во время бизнесланча у нас был аншлаги, пришлось приглашать на работу новых официантов.

Меня в свое время поучали. Первый год работы любого ресторана – не показатель, люди идут на новизну. Вот если ресторан продержится второй год, тогда он будет работать долго. Так произошло и у нас. Первый год был приличным, потом мы все глубже и глубже погружались в трясины безденежья. Чему я своим незнанием и неумением, как теперь понимаю, в немалой степени способствовал. Если бы не Алексей, потонули бы – точно.

Утром зашел позавтракать. До открытия ресторана было еще минут пять. Вижу странную, точнее – необычную картину. Уборщица не шаркает шваброй – полы уже вымыты до блеска, заглянул на кухню – работа идет полным ходом, столы в залах сервированы, официанты тоже на месте. У входа Алексей Анатольевич (называют его только по имениотчеству. Директор!) сурово, но спокойно, не повышая голоса, отчитывает опоздавшую официантку, вечную прогульщицу и лентяйку:

– Мариночка, солнышко, иди домой, сегодня смену пропустишь, а другой раз явишься вовремя.

– Пробки, Алексей Анатольевич, – поет Марина.

– Врешь ты все, Мариночка, какие пробки, ты живешь за углом отсюда. Так что пробки у тебя в голове.

Один раз и я попал в «прогульщики». Поехал на киностудию, проторчал там весь день. Когда появился, Алексей хму-ро заметил:

– Куда ты исчез, ты же – шеф, тебя должны видеть каждый день. Видеть и бояться.

– Ну, уж прямо и бояться...

– Именно. Или ты рассчитываешь на сознательность. – произнес наставительно. – Сознательных в ресторане нет, и быть не может. Можно наладить добросовестную работу, но не более. И потом, прошу тебя, дядя (когда мы одни, он теперь так ко мне обращается), перестань есть так быстро, как будто за твоей тарелкой свора голодных собак наблюдает. Вовторых, это вредно, в третьих, некрасиво.

– А что вопервых?

– А вопервых, ты в своем ресторане не ешь, ты – дегустируешь.

– Виски и коньяк – тоже? – ухмыльнулся я.

– Всенепременно. Или ты считаешь наших барменов святыми? Они работают аккуратно только тогда, когда находятся под контролем. Попробуй отвернись...

К его советам я прислушался. Но все отчетливее понимал, что играю роль свадебного генерала. Алексей тщательно мне подыгрывал. Не упускал возможности, когда рядом находил-

ся ктонибудь из персонала, по любому пустяку спрашивать:
– А как вы считаете, Игорь Аркадьевич?

Кардинальные решения принимал самостоятельно, умудрялся даже с проверяющими находить общий язык. Да я и не вмешивался. Дело парень знает, результаты говорят сами за себя, чего ж тут вмешиваться. Я только со страхом, думал, что же будет, даже не столько со мной, сколько с рестораном, когда он уйдет. И гнал от себя эту мысль, словно страус, от опасности прячущий голову в песок.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В программе вечерних новостей услышал: «В Европе арестован Сергей Михеев, известный как Михей». Что опять могло случиться?

Сергея я видел недели за две до этого. Встретились мы в Доме кино на юбилее у режиссера Алика Шумского. Александр был великолепен. Обвешанный лауреатскими медалями и прочими наградами, выглядел ну просто неотразимым. С Сергеем и Виктором мы оказались за одним столом – видно, позаботился предусмотрительный юбиляр, памятуя о нашей дружбе.

Сергея был бодр, энергичен, много шутил, сыпал анекдотами. Как обычно, находился в центре внимания. Рассказал мне, когда он, Виктор и я остались втроем, что завтра улетает в Европу, подписывать какойто многомиллионный, чуть ли не межконтинентальный контракт.

– Грандиозное дело, – с жаром рассказывал Михеев. –

Участвуют страны Европы, Центральной Азии, Украина, короче, дело масштабное, ну, и прибыльное конечно.

– Не помешают?

Он посмотрел на меня испытующим взглядом, ответил без тени улыбки:

– Могут. Я тут многим поперек горла...

И вот теперь это сообщение в «Новостях». Позвонил Аверьянову:

– Витя, что там с Серегой случилось?

– Да я и сам пока не много знаю, разговаривал сегодня с тамошним адвокатом, лопочет чтото невнятное. А здешний адвокат бегаёт по посольствам, пытается шенгенскую визу оформить, но пока почемуто не получается, – и внезапно предложил, – приезжай, помозгуем вместе, как говорится, одна голова – хорошо, а две – лучше.

Приехал. История ареста Сергея, рассказанная Виктором, выглядела дико и нелепо. Какаято заштатная европейская газетенка опубликовала статью, где назвала Михеева «крестным отцом» русской мафии. Написали, что он торгует оружием, наркотиками, алмазами и даже «живым товаром». Резюмируя собственные бредни, объявили Михея главным криминальным злодеем современности. Короче, полный «джентльменский набор». Сергея задержали прямо в аэропорту, как только он прилетел в Европу. Через сутки следователь вынес постановление, что Михеев арестован на основании статьи, опубликованной в газете. Бред, да и

только.

– Раз они так верят газетам, значит, нужно опубликовать другую статью, рассказать, что никакой он не мафиозо, а бизнесмен, ничего общего не имеющий с криминалом.

– О, дело говоришь, – воодушевился Виктор и тут же задумчиво произнес, – вот только кто такую статью напишет?

– Да мало ли, разве это проблема?

– Э, не скажи. Ты разве не помнишь, как нас пресса пару лет назад полоскала, во всех газетах только и делали, что огоньковских грязью поливали. – Я же понимаю, все это под заказ делалось, за деньги. Так что этим продажным я не верю. – И тут же, видимо, загоревшись новой идеей, предложил, – а может, ты поедешь? А что, оформишь визу и поедешь. У тебя звание заслуженного есть, тебе не откажут. Встретишься там с адвокатом, узнаешь подробности, потом статью напишешь.

– Вить, я конечно могу поехать, встретиться с адвокатом. Но ты смеешься, что ли, какой из меня писатель? Я ведь сроду кроме детских сказок и песенок ничего не писал...

– Вот видишь, писал же всетаки, – перебил он меня. Мужик ты грамотный, сумеешь свои мысли изложить. Поезжай. Наша фирма – международная, оформим тебе командировку честь по чести, все по закону.

*

С визой проблем действительно не возникло, и уже через несколько дней я прилетел в маленькую, до блеска вылизан-

ную страну, где по утрам даже тротуары моют специальным шампунем. Эта страна издавна кичилась своим неизменным нейтралитетом и надежностью банков. Банки были настолько надежны, что даже гитлеровцы во время Второй мировой войны сдавали сюда на хранение награбленное по всей Европе золото. Не гнушались они и зубными коронками. В каждом концлагере, как теперь известно, были свои дантисты. Перед тем, как отправить очередную «порцию» евреев в газовую камеру, их осматривали дантисты, в неизменно накрахмаленных белых халатах. Аккуратно, чтобы не повредить, удаляли золотые коронки – евреям они теперь были ни к чему, так не пропадать же добру. В нейтральной стране на коронки смотрели просто, как на золотой лом, и чтобы впоследствии не произошло путаницы с золотыми слитками и ювелирными изделиями, вносили в отдельную графу.

Много лет спустя уборщик одного из банков наводил порядок в архивном помещении. Стал шуровать шваброй под стеллажом, задел пухлую картонную папку. Папка развалилась, оттуда вывалились пожелтевшие разграфленные листочки. Уборщик испугался, что его накажут за такую небрежность, стал запикивать листки обратно, из любопытства всетаки взглянул на содержание. Понял, что это за опись. Он не ужаснулся, но сразу решил, что держит в руках либо клад, либо невероятной взрывной силы бомбу – компромат. И то, и другое можно выгодно продать. Справедливо решив, что если папка столько лет пылилась в углу без

надобности, то ее и еще пару дней никто не хватится. Припрятал папочку, поутру сел на велосипед и поехал в соседнюю страну.

Пришел в редакцию местной газеты, положил папку на стол редактору. Редактор полистал, наводящих вопросов не задавал, достал чековую книжку, аккуратным почерком вписал туда цифру с несколькими нулями. Сумма оказалась на много ниже, чем уборщик рассчитывал. Но поскольку затрат у него не было никаких, даже на бензин не пришлось тратиться, удовлетворился.

На следующий день вышла статья. Ее заметили, возмутились только в еврейском государстве Израиль. Европа предпочла промолчать. Восстановленный после бомбежек, снова сытый и довольный своей жизнью Старый Свет предпочел сделать вид, что ничего не произошло – об ужасах войны здесь стараются вспоминать пореже. Охранник героем не стал. Из банка его уволили.

*

...И вот теперь я пил дивный кофе с адвокатом в кафе напротив мрачного здания старинной тюрьмы Дилон, куда был заключен российский гражданин Михеев. Довольно молодой кучерявый адвокат Рольф Зигнер, хотя и с ужасающим акцентом, но все же сносно говорил порусски. Узнал я от него немного. В тощеньком кляссере, который он достал из объемистого портфеля «пилот» (с такими ходят адвокаты всего мира) документов было немного. Я только и понял из много-

словного, но довольно бессодержательного рассказа защитника, что обвинения его подзащитному пока не предъявлено.

– Но раз нет обвинения – не должно быть и тюремного заключения. Не так ли? – спросил его.

– Не совсем так, – ответил Рольф и добавил напыщенно: – Высшее проявление нашей демократии – суд присяжных. Следствие же довольно авторитарно. Вполне возможно, что за неимением доказательств господина Михеева отпустят. Но могут и продлить срок нахождения в тюрьме, чтобы следствие получило возможность найти доказательства его вины.

– Хорошенькое дело! – возмутился я. – Эдак любого человека можно упечь за решетку, а потом годами ковыряться, выясняя, что он в детстве не там дорогу перешел.

Адвокат лишь пожал плечами и тут же перевел разговор на другую тему, посетовав, что странно ведет себя российский МИД. Дескать, арестован гражданин страны, а вроде никому и дела до этого нет. Не летят гневные депеши, не заявляются ноты протеста, не приводятся в боевую готовность ракеты и самолеты.

– Попробуй арестуй какогонибудь америкашку, Штаты тут же такую бучу поднимут, вплоть до введения Шестого американского флота, – возмутился Зигнер.

– Какой флот, о чем вы тут толкуете, – не совсем вежливо перебил его. – У нас и «Аврора» не пукнет.

Потом адвокат снова открыл свой «пилот» и протянул мне тоненькую брошюрку, на серой обложке которой было порусски написано название – «Инструкция пребывания заключенных в тюрьме Дилон».

– Прихватил специально для вас, – пояснил Рольф, опасно посмотрел по сторонам, произнес шепотом, – нарушил инструкцию. Почитайте, довольно любопытно. Условия здесь вполне приличные.

Рольф вызвался подвезти меня в город, показал центральную пешеходную улицу, знаменитое озеро, где туристы кормили кусками булок лебедей. В местных утренних газетах появилась наша фотография – снимок сделали со спины. Подпись гласила: «Две тени бродят по нашему городу. Это тени русской мафии». От дальнейших встреч со мной адвокат отказался.

Пролистав в гостинице инструкцию, я узнал, как в этом пенитенциарном заведении можно пользоваться телефоном и телевизором, когда обедать и когда гулять, где общаться со священником и молиться, стирать и заниматься спортом, что именно дозволено покупать в бакалейной лавке, а также много других полезных сведений, глаза бы мои их не видели! Этот хренов адвокат, видимо, специально приволок инструкцию, хвастливо пытаюсь показать, какие в его прекрасной стране с совершенной демократией расчудесные тюрьмы. Можно подумать, клетка перестает быть клеткой, если решетки в ней золотые. Больше мне здесь делать было

нечего, я вернулся домой.

Чуть не с порога засел писать статью. Через несколько часов завершил творчество. Перечитал. Получилось гневно, но, может быть, излишне эмоционально. Я не профессионал все же.

*

Ни одна газета опубликовать статью не согласилась. В редакциях на меня смотрели так, будто я принес им гранату и предложил редактору собственноручно выдернуть чеку. И тут я вспомнил про своего одноклассника Борю Беломорского. Этот юный вундеркинд был гордостью нашей школы – одинаково блестяще знал математику и литературу, писал стихи, вел общественную работу. У Бори была круглая, с остреньким подбородком физиономия, живые карие глазки, внешне он чемто напоминал забавного котенка. Мы прозвали его Мурзиком. Он обижался, но не очень. После школы поступил на факультет журналистики, потом работал в крупной газете. Его называли «золотое перо», я даже както раз обмывал с ним его лауреатскую премию. Человек незаурядный во всем, он продолжал поражать – непосредственно после получения звания лауреата престижной журналистской премии, эмигрировал в Америку, устроился на работу в «Русскую газету». Несколько раз прилетал в Москву, во время его приездов мы встречались. Памятуя старую школьную дружбу, позвонил в Америку. Едва успел произнести «привет, Мурзик», как он рассмеялся:

– Ах, ты старый гад! Помнишь. Здесьто меня никто так не называет. В детстве обижался, а теперь даже приятно услышать. Ну, чего звонишь, не о здоровье же моем справиться решил... Выслушав меня, заявил, не раздумывая:

– Тема интересная, здесь об этом много пишут, но только в одном смысле – мафия, и все такое. Понимаешь, после того как распался Советский Союз, американским конгрессменам нечем стало запугивать налогоплательщика. А это плохо, кое у кого уплывают денежки из кармана, на страхе можно совсем неплохо заработать. Вот и придумали новую угрозу – русскую мафию. Упрятали за решетку Славу Степанькова – Китайца. А теперь вот Европа американцам, а может, наоборот – Америка Европе, еще один подарок преподнесла – твой Михай...

– Не «твой», а наш, ты тоже в Огонькове жил – перебил его.

– Ну, наш, наш, чего ты заводишься, – легко согласился Борис. – Я же и тебя на два года постарше, а эти ребята и вовсе мальцами были. Сережку почти и не помню, а вспомню – не узнаю. Фотографии в газетах смотрел – вообще незнакомое лицо, да, видно, еще и специалисты постарались изобразить злодея. Ладно, присылай свое творение.

Статья в американской газете вышла, у нас в России она вызвала настоящую бурю. Позабыв про имя и фамилию, Сергея теперь иначе как «Михей» журналоги не называли. Самобичевание всегда было нашим любимым народным за-

нятием. Теперь с мазохистским удовольствием писали, что раз российские спецслужбы с Михеем справиться не смогли, то вот Европа нам покажет, как надо с мафией бороться. Мне тоже досталось. Обвиняли меня в продажности, в том, что я заступаюсь за друга (можно подумать, комуто взбредет в голову заступаться за врага), а одна газета даже назвала меня «песенником братвы».

*

Месяц шел за месяцем, осень сменили зима, весна, лето – Сергей все томился в тюрьме. Виктора в те дни было не узнать. Он осунулся, похудел и даже начал курить, чего, воспитанный спортом, никогда себе не позволял. Казалось, он даже спать не ложился. День и ночь созванивался с адвокатами, по их настоянию раздобывал какие-то справки, пересылал финансовые документы о коммерческой деятельности фирмы Михеева. Одним словом, старался сделать все, что только было в его силах. Они ведь с самого детства были неразлей вода. Это им как будто по наследству передалось – еще будущие родители Сереги и Витька учились в школе, вроде и дедушки с бабушками были родом из одной деревни, а кто-то даже породнился. Во всяком случае у нас многие считали, что Михеевы и Аверьяновы не просто друзья, а родственники. Так это или нет, доподлинно не знаю. Знаю только, что и родной брат не смог бы сделать больше, чем делал Виктор в те дни.

Прошло два года. Наконец назначили дату суда. Виктору

в визе очередной раз отказали.

– Поезжай, – попросил он меня. – Хоть будет кому рассказать, что там происходит. Только звони каждый день. Слышишь, каждый день!

*

Дворец правосудия размещался в солидном, устрашающего вида каменном здании. Он был оцеплен густым частоколом полицейских. Вооруженные автоматами «гоблины» заняли все лестничные пролеты, над дворцом барражировал полицейский вертолет. Довольно просторный зал желающие посмотреть, как будут судить главаря русской мафии, заполнили до отказа. Хорошо, догадался приехать пораньше. После того как все уселись, тех, кому не хватило места, бесцеремонно выпроводили – стоять было запрещено.

Процедура начала была необычной и оттого любопытной. На возвышении установили лототрон. Барабан вращался, из него по желобку покатались пронумерованные шары – так жребием определили двенадцать присяжных – шесть основных и столько же запасных. Запасные на случай, если кто-то из основных заболит.

Вывели Сергея. За прошедшие два года он похудел, но не очень изменился. Выглядел сосредоточенно. Да и как иначе может выглядеть человек, когда решается его судьба. За спиной подсудимого разместились адвокаты, переводчики. Сначала переводила худая пожилая дама, которую я для себя окрестил Бабой Ягой. Русский язык ее был, мягко гово-

ря, далек от совершенства, сильный акцент мешал сосредоточиться. Над каждым словом думала бесконечно долго. Когда Сергей, подавая реплику, заметил, что высказанные им на следствии аргументы можно уподобить гласу вопиющего в пустыне, мадам снова надолго задумалась, потом перевела: «Господин Михеев сравнивает себя с человеком, кричащим на песке, – и добавила: – русский фольклор». Сергей пошептался с адвокатами, те обратились к судье с ходатайством, и переводить стал немолодой уже полный господин с аккуратно подстриженной бородкой клинышком. Звали его Онри Ханин. Его русский язык был великолепен, отличался изысканной старомодностью.

Вечером я столкнулся с ним в вестибюле гостиницы. Он солидно шествовал в сопровождении яркой внешности дамы.

– Мы с женой идем ужинать. Здесь, за углом, есть симпатичный ресторанчик, – обратился Ханин ко мне. – Не желаете составить нам компанию?

Я проголодался, но еще и очень хотел познакомиться с переводчиком поближе, узнать то, что днем толком не смог расслышать, или попросту не понял. Мой французский оставлял желать лучшего. Впрочем, так же, как английский, немецкий и прочие иностранные языки, включая наречие племени МумбуЮмбу.

Онри протянул мне руку для знакомства, представил себя и супругу:

– Андрей, а мою любимую половину можете называть Ирэн. Она неплохо понимает русский язык, так что не стесняйтесь.

Что он имел в виду? Вечер прошел непринужденно и с большой для меня пользой. Поняв, что я ни бумбум во французском, Андрей предложил мне помощь Ирэн в качестве переводчицы. Ей, мол, будет полезно попрактиковаться в русском языке, да и для меня польза очевидная. Я и не думал отказываться, поблагодарил этих обаятельных людей настолько горячо, насколько еще мог быть искренним.

*

Андрей Ханин происходил из старинного дворянского русского рода. Предки его жили в России, бабушка даже состояла фрейлиной при дворе Ее высочества императрицы. Дед был товарищем министра Российской империи. Когда другие товарищи, в октябре семнадцатого, лишили его и ему подобных дворянских титулов, денег и особняков, дед заделался простым парижским таксистом. Благо французскому языку дворянских сынков учили с детства. Но говорить на французском дома, в Париже, бабка, женщина властная, запрещала категорически. Юный Андрюша подчинялся этому правилу так же беспрекословно, как и все остальные.

Бабуля его обожала. Оскорбилась неподдельно лишь однажды. Когда услышала от внука «новый русский сленг». Слова были незнакомые, но звучали энергично. Графиня Ханина в дворянском собрании попросила юного отпрыска

княгини Нарышкиной разъяснить ей значение непонятных слов. Несколько дней после этого Андрей старался бабуле на глаза не попадаться.

Андрей стал инженером, примерным прихожанином русской православной церкви. Отправляясь в большевистскую Россию накануне московской Олимпиады, прихватил в подарок братьям и сестрам по вере красочное издание Библии, религиозные журналы. Батюшка принял от доброго христианина дар, поблагодарил елеиным голосом, потом позвонил куда следовало.

Во внутренней тюрьме КГБ на Лубянке француза не обижали, ласково уговаривали признаться в шпионаже против СССР. Следователь охотно брал у него доллары, делал покупки в «Березке». Был при этом относительно честен. С каждого приобретенного блока сигарет «Мальборо» выделял «шпиону» пачку, при этом прикладывал указательный палец к губам. Перед самым началом Олимпийских игр Ханина, как проявление доброй воли, обменяли на проштрафившегося во Франции советского дипломата. Он то ли шпионил в чьюто пользу, то ли наоборот – не хотел шпионить. Андрей вернулся домой, где от пролитых по его горькой судьбе слез можно было ведро наполнить.

В самолете, по дороге в Африку, где он любил гонять на машине, Андрей познакомился с красивой стюардессой. Они поженились. Ханин переехал в маленькую нейтральную страну, где у жены был домик. Успешно занимался бизне-

сом. Попрежнему любил родную Францию и тосковал по далекой и непонятной России. Предложение знакомого адвоката, дальнего родственника жены, поработать переводчиком на процессе русского Михеева принял с удовольствием.

Познакомившись с Сергеем, ни минуты не сомневался в его невиновности. По отношению к тюремщикам и вообще всем представителям юстиции, теперь употреблял исключительно те самые русские слова, которые категорически запрещала произносить в их доме его бабка. Знал он таких слов немного, но произносил смачно, неопределенный артикль «бля» использовал для связки слов весьма умело и постоянно.

*

На судебные заседания мы теперь отправлялись вместе. Ехали загодя. В коридоре Дворца правосудия Андрей выпивал крепкий кофе, Ирэн – горячий шоколад. Однажды толкнул меня в бок, чуть не выронив при этом картонный стаканчик с любимым напитком:

– Смотри, смотри, это же генеральный прокурор, та самая ДельКарла, собственной персоной. Интересно, что она здесь делает?

Сухопарая, в наглухо застегнутом густоболотного цвета платье ДельКарла рубящим солдатским шагом подошла к автомату, наполнила стакан, потом отошла чуть в сторону, к стене, невозмутимо потягивая кофе. Движения ее были размеренны, даже чуть замедленны. Похоже, она никуда не то-

ропилась или чего-то ожидала. Понятное дело, дождалась – «железную леди», как она сама любила себя называть, заметили не мы одни. В вестибюле было полно журналистов – на процессе Михеева аккредитовалась пишущая и снимающая братия, помоему, чуть ли не всего мира. Генпрокуроршу тотчас взяли в плотное кольцо, посыпались вопросы.

– Господа журналисты, идет суд, и я не имею права комментировать процесс, – заявила она твердо своим каркающим голосом, не двинувшись при этом с места. – Могу сказать только одно – Михеев преступник. Полагаю, что он получит не менее восьми лет тюрьмы. Это вопрос даже не столько уголовный, сколько политический, и мы докажем всему миру, что в состоянии не просто бороться с русской мафией, но примерно наказывать ее главарей.

Произнеся эту тираду и сочтя свою миссию выполненной, она метко швырнула картонный стакан в урну и так стремительно шмыгнула в незаметную дверь, возле которой, оказывается, стояла, что никто и ахнуть не успел.

Не только мы, случайные очевидцы, но даже все повидавшие судебные репортеры были поражены выходящей за все рамки дозволенного речью прокурора. По сути дела, она не только обвиняла человека, чья вина не была доказана, но и фактически навязывала свое решение суду. По крайней мере, пыталась навязать. Так, во всяком случае, это все и расценили.

– Ну, теперь жди скандала. Журналисты эту неслыханную

выходку Карле не спустят. Вечером надо будет непременно купить свежих газет, – потирал руки Андрей Ханин.

Я согласно кивнул. По дороге в гостиницу мы закупили всех вечерних газет, с утра пораньше – утренних. О вчерашней выходке прокурора не было ни слова. Газеты попережнему пестрели заголовками о «главаре русской мафии», справедливый суд над которым сейчас вершится. Почти в каждой из газет красовалась на видном месте фотография – Сергей, сидя в машине, читает газету. Что криминального было в том, что Михеев читает газету, я так и не понял.

*

Процесс длился две недели. День ото дня все яростнее были нападки гособвинителя – прокурора, чья фамилия с французского на русский переводилась как «крючок». Сергей оставался невозмутим. Его уголовное дело, выставленное на длинном столе, едва уместилось в семидесят два тома. Не оставалось ни малейших сомнений, что каждую из страниц этого многотомного дела он помнит не просто дословно, но и всеми многочисленными нюансами. Не могу сказать, что адвокаты были здесь лишними, свою работу они выполняли, насколько мне, далекому от юриспруденции человеку, сдается – довольно профессионально. Они просто отступили на второй план. А главным адвокатом на этом процессе двадцатого века, как его потом назовут, был сам Сергей Михеев.

Наступил день оглашения вердикта. Город был завален листовками, взывающими к расправе над Михеевым. Фото-

графии Сергея красовались во всех витринах. Начало заседания было коротким. Присяжные удалились в совещательную комнату, так это, кажется, называется.

Было холодно и ветрено, сыпал мелкий колючий, редкий для здешних мест снежок. Андрей с Ирэн умчались в гостиницу, я кружил по окрестным улочкам, боясь уходить далеко, чтобы не пропустить главного. Окончательно продрогнув, зашел в кафе. Журналисты пробавлялись по случаю гнилой погоды глинтвейном. Я примелькался за эти две недели. Западники кивали мне приветливо, приехавшие на процесс земляки отворачивались. Видно, опасались скомпрометировать себя общением с «песенником братвы».

Зазвонил телефон. Виктор не своим голосом кричал невнятное. Коекак разобравшись, я понял, что по телевидению в Москве только что передали: Михеев осужден на восемь лет тюремного заключения. С трудом сумел его убедить, что это очередная провокация, ничего общего не имеющая с действительностью, – приговор еще не объявляли...

Прошло одиннадцать томительных часов, когда в окно я увидел, как из соседнего кафе, на ходу напяливая на себя черные мантии, пулей вылетели адвокаты. Стремглав устремился за ними.

В самом начале процесса президент суда, седовласая строгая женщина, перечислила подсудимому, по пунктам, предъявляемые ему обвинения. Пунктов было шесть. Перед тем, как огласить вердикт, судья шесть раз обратилась к присяж-

ным с вопросом: «Виновен?». Шесть раз в зале прозвучало: «Не виновен». Старшина присяжных высказался в таком примерно духе:

«Мы здесь целых две недели слушали страшную сказку про мирового злодея. Прокурор так красочно описывал его преступления, что мы уже готовы были поверить, что Михеев даже детей ест. Но сказки хороши дома, у камина. А здесь, в суде, нужны доказательства и документы. За две недели мы не услышали ни одного доказательства вины месье Михеева и не увидели ни единого документа. Именно поэтому наш вывод единодушен – не виновен».

На следующий день я улетал в Москву. Уже пристегнувшись, увидел в дверном проеме самолета Сергея. На мои восторженные вопли выглянули из кабины даже пилоты. После целого ряда интриг со стюардессой нам удалось совершить многосложный обмен с другими пассажирами и мы наконец устроились рядом друг с другом. Я подозвал стюардессу – по сей день помню, звали ее Рита. Предложил Сергею отметить его освобождение. Он отказался:

– Неизвестно, что в Москве меня ждет, не исключая любого рода провокации. Так что надо быть готовым.

– Тогда уж позволь мне самому выпить за твою свободу, – несколько церемонно заявил я ему.

Он посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом и, лукаво улыбнувшись, не менее церемонно ответил:

– В таком случае позволь тебе этого не позволить, – и взял

с тележки стюардессы бокал.

Полет показался нам коротким, время пролетело стремительнее, чем скорость, которую способен развить аэробус.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Еще в те времена, когда «Ручеек у камина» едваедва открылся, сарафанное радио мгновенно разнесло по всей театральнокиношной Москве: «Юдин заделался ресторатором, у него теперь свой кабак». Доходили до меня слухи, что появилось устойчивое злословие: нашел наконец заслуженный артист свое амплуа.

В те годы рестораны, принадлежащие известным артистам, уже не были редкостью. Но это были помпезные, хорошо разрекламированные, прежде всего громким имиджем своих владельцев, заведения. Побывать в таких считалось престижным. Здесь можно было встретить множество известных людей – политиков, артистов, спортсменов, олигархов и потом долго с упоением врать: «Сидел тут вчера вечером в одном кабаке с этим самым Пупкиным, ну вы знаете. До чего нудный мужик, надоел просто за целый вечер. И баба какаято у него противная, нацепила на себя бриллиантов, что игрушек на елку. Пропаший, в общем, вечер, и уйти было невозможно, вцепился в меня как клещ...»

Но уж ято знаменитостью не был, это точно, меня и в лицо теперь мало кто узнавал. А вот поди ж ты, стоило открыть ресторан, и имя вспомнили, и даже звание. Я даже не ожидал, что у меня в Москве такое количество друзей, приятелей,

лей, знакомых. Когда я еще толком не мог запомнить номер телефона нашего ресторана, они уже всю по нему звонили, договаривались о встрече, заказывали столик. День ото дня их становилось все больше, это стало напоминать набег вражеских орд. Набег происходил примерно по одному и тому же сценарию. В ресторан, словно преодолев наконец сложное препятствие, врвалась шумная компания. Эпатируя публику своим поведением и нарядами, они цепкими взглядами отыскивали меня и с криками: «Привет, старик, сколько лет, сколько зим!», начинали тискать меня так, будто желали переломать мне все ребра. По их бурным восклицаниям у окружающих должно было сложиться впечатление, что я упорно и изо щренно много лет скрывался от этих добрых людей, и вот они, денно и нощно по мне тоскующие, все же отшельника отыскали, в связи с чем жизнь их отныне станет радостной, счастливой, творчески наполненной и осмысленной.

Затем, все так же шумно, с шутками и прибаутками, рассаживались поудобнее за столом, требуя, чтобы я непременно находился в центре. А когда официант подавал меню, кто-то неизменно небрежно отмахивался:

– Смееетесь, что ли? Что же, хозяин в собственном заведении не знает, чем друзей угощать? Давай, Игорек, команду, мы тебе доверяем.

Доверяли безраздельно – и выбор блюд, и оплату шумной и веселой вечеринки, во время которой я узнавал обо всех

новостях «нашего цеха»: кто какую роль получил, кто вдрызг разругался с режиссером, кто женился, кто развелся, спился или получил звание народного. Моими делами, как правило, «друзья» не интересовались, бегло замечая, что у меня и так все в порядке, это видно.

На одной из таких вечеринок отлучился изза стола один актер, достаточно популярный. По дороге в туалет заглянул из любопытства в японский зал. Извлек из кармана красный жирный фломастер. Посреди свежеекрашенной, нежнобежевого цвета стены размашисто, чуть не на полметра, изобразил свой автограф. Когда я позже увидел это художество, то чуть не задохнулся от ярости. На ремонт японского зала мы вбухали кучу денег. Потом успокоился. С тех пор, когда к нам заглядывали известные люди, мы бережно брали их под локоток, провожали в японский зал и просили расписаться на стене. Стена стала нашей гордостью и, так сказать, фирменным отличием...

Поначалу я все принимал за чистую монету – ну, соскучились по мне, незаменимому в их компании, приятели, узнали, где я, вот и примчались пообщаться. Что плохого, что я за них заплатил? Зато как весело было, как много нового узнал, окунулся снова в тот самый мир, по которому неизменно скучал. Правда, когда они, шумные, веселые и хмельные, уходили, меня охватывала такая тоска, хоть волком вой. Незаживающая рана собственной никчемности снова начинала саднить, не давала уснуть. Я, теперь уже с ностальги-

ческим умилением, вспоминал тот маленький провинциальный театр, в котором служил, киносъёмки, премьеру фильма, банкет по поводу присвоения звания и еще множество деталей из прежней своей актерской жизни.

Шумных актеров в ресторане сменяли солидные режиссеры. Тут уже сценарий был совершенно иным. Известный, или неизвестный, большого значения не имело, мэтр заплывал в вестибюль солидно. Его, как правило, сопровождала молоденькая ассистентка. Если мы, хотя бы шапочно, были раньше знакомы, процесс упрощался. Если же нет, мэтр протягивал визитку, скромно, но с деталями повествовал о своих режиссерских шедеврах, чаще всего звучали названия сериалов – мне они ни о чем не говорили, но официанты, непременно «греющие уши», от этих названий делали круглые глаза. Потом подавался ужин. Мэтр, процедив несколько дежурных комплиментов нашей кухне, переходил к делу. Дело всегда было одним и тем же. Снимается очередной сериал. Разумеется, шедевр и, разумеется, его уже закупил Первый канал телевидения с дальнейшим показом на международном фестивале. Так вот, несколько эпизодов будут сниматься в ресторане. Мэтр не считает нужным арендовать зал у какого-то безвестного эксплуататора. Лучше сделать рекламу своему братуактеру, поэтому он готов снизойти до съёмок в нашем заведении.

Если съёмки предстоящей мелодрамы моих опасений не вызывали, то криминальных сериалов я боялся как огня. В

них бандиты непременно выясняли свои отношения в кабаке, круша не только челюсти друг другу, но заодно – и мебель, и посуду. Чем больше грохота и звона, тем лучше, правдоподобнее, как высказался один режиссер, не поясняя при этом, за чей счет потом будут отнесены убытки ресторана. Со своих творческих высот его такие мелочи не должны были интересовать.

Съемки, на которые я давал согласие, были для нас чрезвычайно обременительны. С утра приезжали машины с оборудованием. Долго выставлялся свет, утомительно шла постановка каждой отдельной сцены, требовались множественные дубли. Одним словом, шла та самая рутинная работа, без которой не обходится ни один фильм. Понятно, что ресторан в такие дни был закрыт. В перерывах между съемками официанты разносили актерам, режиссерам, операторам и иному киношному люду чай, кофе, бутерброды. Плели свои собственные мелкие интриги, за обещание снять в эпизоде могли из бара втихаря принести коечто и покрепче кофе, а бутербродик персонально соорудить не с сырком, а с красной икорочкой или с рыбкой.

Честно признаюсь, что режиссерские визиты меня поначалу даже смущали. Мне казалось, что аристократы кино смотрят на меня самого чуть ли не как на обслугу. Потом убедился, что они, хотя и врут отчаянно, разговаривают с подчеркнутым уважением, некоторые даже заискивали передо мной. Коекто даже интересовался вскользь, не заинте-

ресует ли меня самого та или иная роль. Но я не настолько толстокож, чтобы не понимать – за этими предложениями не было ничего существенного. Как говорится, где ничего не положено, там нечего взять.

*

Прочистил мне мозги мой старый друг Алик Шумский. Явился он поздним зимним вечером. Сбросил на руки подросшему гардеробщику совершенно роскошную шубу и, не дожидаясь номерка, прошествовал в зал. Александр был один, без всяких там «ассистенток», хотя о его романах уже ходили легенды и знали о них не только его близкие, но и вся необъятная наша страна – желтые газеты и охочие до «клубнички» телеканалы своим назойливым вниманием Александра не обделяли.

Много лет мы не виделись. Я был неизвестно за что на Алика обижен. Хотя почему «неизвестно», очень даже известно. После фильма «Граница на замке» он не пригласил меня ни разу, даже на самую малюсенькую роль. А я, в свою очередь, когда обивал пороги киностудий, ни разу к нему не обратился, гордость, видите ли, мешала. Полагал, что меня, гениального, он сам должен разыскивать и умолять, чтобы украсил своим искусством его картины. А потом... Не хочу вспоминать, что было потом. Было и было, быльем поросло.

Мы разместились в маленьком уютном японском зале, за плотной ширмой с иероглифами.

– Эти каракули чтото значат или так, от балды накаряба-

ли? – спросил Шумский.

Всето ему надо знать! Несколько хвастливо пояснил, что иероглифы нам изобразил сын нашей директрисы, студент МГИМО, они означают пожелание приятного аппетита. Думал я в тот момент о том, что вот сейчас я ему все выскажу. Режиссер, похоже, пропустил мои объяснения мимо ушей. Отхлебнув из миниатюрной фарфоровой чашечки жасминового чаю, пронизательный Алик спросил:

– Будем старые болячки ковырять, или поговорим?

– А чего ты, собственно, приперся, – ощетинившись, грубо спросил я.

Грубость и бестактность Алик проигнорировал, ответил просто, обескураживающе:

– Соскучился.

Мой запал мгновенно улетучился:

– Ладно, поговорим.

– Ольгу видишь, со Славиком встречаешься? – все же ковырнул он одну старую, незаживающую ранку.

– Со Славиком встречаюсь редко, Ольгу вижу постоянно – по телевизору.

– Да, твоя бывшая идет в гору, хотя выше, кажется, уже некуда, – согласился он. – У нас фильмов столько не снимается, сколько она ролей сыграла, да и телевидение ее жалует. Ну да ладно, хватит об этом.

Это был дивный вечер. Вроде, мы и говорили ни о чем, о пустяках, а вот осталось у меня ощущение чего-то очень

хорошего, приятного и доброго. Похоже, и Алик чувствовал себя так же. Только однажды он стал прежним ироничным Шумским, когда услышал от меня о частых визитах киношников.

– Я смолоду завидовал твоей эрудиции, но ты, видать, слишком много книг прочитал. Била тебя жизнь, лупила – и по голове, и по ребрам, а ты все такой же идеалист. Попрежнему в людях не разбираешься. Неужели ты не понимаешь, что эти халявщики тебя элементарно используют. Кино они у тебя снимают, – презрительно хмыкнул он. – Ты знаешь, сколько мне приходится платить за аренду ресторана, если я провожу там съемки? А ты все одно талдычишь: коллеги, братство, взаимопомощь. Да они тебя попросту раздевают. Гони ты их в шею. Ну дадут дурацкое название твоего ресторана в титрах, да еще и бегущей строкой, да так быстро и таким шрифтом, что и самый глазастый не разглядит. Сильная реклама, ничего не скажешь!

Потом меня отвлек администратор. У нас очередное ЧП. День был предпраздничный. Явилась компания вполне респектабельных молодых мужчин, все с дамами. Хорошо закусили, еще лучше – выпили. Разгоряченные, пошли танцевать. Мужикам стало жарко. Они сняли пиджаки, аккуратно развесили на спинках стульев. У каждого обнаружилась наплечная кобура с торчащей рукояткой пистолета. Оружие выглядело явно не бутафорским и даже не травматическим. Наиболее осторожные и предусмотрительные гости от гре-

ха подальше стали спешно расплачиваться и покидать ресторан.

Узнав об этом, Шумский пошел вместе со мной – полюбопытствовать на необычное зрелище.

– Слушай, помоему, я знаю вон того, чернявого, – Александр кивнул на парня, танцующего в самом центре.

Через минуту они уже обнимались. Потом вернулись к своему столу, надели пиджаки. Алик ненадолго возле них задержался, что-то говорил, и ему дружно захлопали. Чернявый стоял, приобняв режиссера за плечи. Когда мы снова остались вдвоем, мой гость пояснил, что это ребята из уголовного розыска. Они работают совсем в другом районе, сюда забрели случайно, хотели подальше убраться, чтобы на глаза начальству не попасться.

– А что ты им сказал?

– Да ничего особенного. Просто напомнил, что с оружием нельзя в общественных местах появляться, а здесь видеонаблюдение, как бы чего не вышло. Они меня еще и поблагодарили за заботу.

– Нет у меня никакого видеонаблюдения, только собираюсь установить.

– Онито об этом не знают, – резонно возразил Алик.

Уже в вестибюле, когда швейцар помог ему облачиться в роскошную шубу, Шумский неожиданно задал мне вопрос, который поразил меня самой своей сутью.

– Игорь, ты счастлив? – спросил он.

Я проводил его до машины и только тогда ответил:

– Я спокоен.

– Ну да, ну да, – пробормотал мой давний товарищ, и процитировал известное: – «на свете счастья нет, но есть покой и воля».

Когда я вернулся в ресторан, ко мне подошел обслуживавший нас официант.

– Игорь Аркадьевич, ваш гость под тарелкой пять тысяч рублей оставил, а у вас счет – с гулькин нос, вы ж ничего не ели...

– Оплати счет, возьми себе чаевые, только без фанатизма, остальное отдай администратору, пусть на приход поставит.

*

После этого я стал избегать встреч со своими бывшими коллегами – под всякими благовидными, а иногда и не очень, предлогами. И вообще, взял себе за правило с гостями за столом больше не сидеть. Исключение сделал лишь однажды, для родной сестры. Светка давно хотела посмотреть на мои «владения», дождалась, когда из очередного рейса вернется муждальнобойщик, вместе они и заявили. Без предупреждения, благо я на месте оказался. Гена, огромный детина, внешностью напоминал Ивана Поддубного, сходство усиливали лихо закрученные усы, да могучий раскатистый бас. По имени я к нему обращался редко, предпочитал называть «Поддубный». Когда он смеялся, у нас дома позвякивали фужеры в серванте. Нрава он был доброго, сестру мою и

детей любил.

Когда он просил у наших родителей благословения, то пообещал им, что каждое утро будет выносить Светку к завтраку на руках. Мы значения этому не придали, ну волнуется парень, брякнул стгоряча. Но Гена слово сдержал. В те редкие между дальними рейсами дни, что он бывал дома, неизменно утром появлялся на крохотной кухоньке, держа на руках Светку. Если дети к этому времени уже не спали, умудрялся взгромоздить на себя и всех троих тоже. Моих стариков это забавляло и умиляло, они взяли за правило приветствовать появление «Поддубного» на кухне с семейством на руках, аплодируя стоя. Как в цирке.

Опасливо покосившись на скрипнувший под его грузным телом стул, Гена с достоинством принял от администратора ресторана меню, стал перелистывать страницы, приговаривая, со своим шоферским юмором:

– Ну, ну, посмотрим, чем ты тут людей травишь.

На отсутствие аппетита он никогда не жаловался. Заказал столько, что тарелки на столе, даже в два этажа, едва разместились.

В тот день у меня было скверное настроение, уже и не припомню отчего, да и не важно. Гена истолковал мою угрюмость посвоему:

– Не бзди, родственник, не разорим тебя. «Бабки» имеются, причем в разной валюте, только скажи, какие хочешь.

Но тут во мне разыграло ретивое. Еще не хватало, чтобы я с

родной сестры деньги брал, сам в состоянии оплатить ужин. Мой категорический отказ «Поддубный» воспринял с достоинством, понимающе кивнул. Одарил официантов невиданной щедрости чаевыми.

*

...Сегодня у меня день рождения. Эту дату давно не афиширую. Свой отказ праздновать объясняю так: «Какойто неумный триста лет назад придумал отмечать процесс старения за столом, а мы все и рады стараться. Ничего хорошего в этом не вижу. В основном говорят о несуществующих добродетелях, просто какието поминки при живом человеке». Понимаю, что в моих рассуждениях много, мягко говоря, спорного, но упрямо стою на своем.

Вот и в этот день никого я не звал и никого не ждал. День как день. Ну, может быть, кто-то вспомнит, позвонит. Родители, сестра, это понятно. А кому еще? Разве что Славик, если не забудет, или Ольга, что маловероятно, а вернее – невероятно, она меня с рождением уже несколько лет как забывает поздравить, хотя я ей поздравления шлю с постоянством идиота...

Когда стоял под душем, отчего-то вспомнил Роберта Локампа, героя «Трех товарищей» Ремарка. Тот в день своего рождения с грустью заполнял листок с перечнем жизненных удач и поражений. Понимая, что собираюсь сделать глупость, да еще и с сентиментальным налетом, выбрался из душа, коекак промокнул себя полотенцем и уселся перед

чистым листом бумаги. Разделил его вертикальной чертой на две части. Начал в левой колонке, надолго задумываясь перед каждой строчкой, перечислять достижения: золотая школьная медаль, училище, роль в кино, звание заслуженного артиста, открытие ресторана. Больше ничего припомнить не смог. Правая сторона листа заполнялась куда более стремительно. Места на странице не хватило, переворачивать ее другой стороной не было смысла. Так же, как и Локамп в книге, скомкал бумагу, швырнул в мусорную корзину – на кой ляд я затеял эту глупую историю. Только настроение себе испортил.

Я так хотел думать, про испорченное настроение, несостоявшуюся свою жизнь. В связи с чем не позорной будет выглядеть жалость к себе, любимому и неповторимому. На самом же деле, вопреки только что составленному списку жизненных неудач и невзгод, настроение было расчудесным, я просто кожей ощущал, что ждет меня, как говорят цыганки, гадающие на улицах, «нечаянная радость». Откуда только ей взяться?

В ресторан не пошел. Решил начать день с культурного досуга – отправился в ближайший новомодный кинотеатр, где возле каждого кресла установлены столики, а сами кресла такие, что я не представляю, как, сидя в таких, можно кино смотреть – немедленно в сон клонит. Ну да ладно, зато обстановка культурная, публика солидная. Забулдыг, что на задних рядах в обычных киношках портвейн распивают,

здесь не бывает – билеты стоят столько, что на эти деньги забулдыга полдня квасить будет. Расположился перед сеансом в буфете. Взял сотку коньяка, салатик. Повторил. Не салатик. О чемто задумался, кажется, задремал. Потом встрепенулся, пошел в зал. Выяснилось, что фильм уже заканчивается. Судя по заключительным кадрам, я ничего не потерял.

День прошел обычно. Несколько раз заходил в ресторан напротив, там меня никто не знает. Убедился, что коньяк самым беспардонным образом недоливают. С чувством удовлетворения подумал, что мои бармены все же не такие наглые, как здесь. Но выяснять отношения не хотелось. Да и нечего в чужой монастырь со своим уставом лезть. Звонили родители, выслушал пожелания здоровья и удач, пообещал (нетвердо), что в ближайшие дни заскочу. Порадовал Шумский, позвонил прямо из съемочного павильона:

– Специально перерыв объявил, чтобы тебя, балбеса, поздравить, – заявил он. Потом вспоминал давний мой день рождения, еще в студенческие годы, как славно мы тогда «зажигали», и как я, он совершенно отчетливо это помнит, забыл имя девушки, с которой пришел, и называл ее «лапа». Я ничего подобного не помнил, но было приятно.

*

Вечерело. Вернулся к себе. Народу в зале было еще немного, но мой любимый столик оказался занят. Скромно гуляли мужчина и три девушки. С мужчиной я знаком – его зовут Михаил, с одной из сидящих с ним девушек он прихо-

дит к нам часто. Девушку, кажется, зовут Аня, она врач. Приходя, они всегда располагаются на диванчике, сидят, тесно обнявшись. Как при этом умудряются есть и пить, для меня загадка.

Михаил когда-то служил в погранвойсках, дослужился до крупного чина, потом ушел в отставку, чем занимается сейчас – не знаю. Особых тем для разговоров у нас нет, когда видимся, он в основном вспоминает виденный им в те далекие годы фильм «Граница на замке». Есть такие люди, рядом с которыми должно находиться все самое исключительное и замечательное, лучше – неповторимое. Исключительный автомобиль, неповторимая девушка, необыкновенные друзья. Аню он мне представил самым лучшим врачом Москвы, о ее красоте, сказал, говорить бессмысленно, красота Ани говорит сама за себя. Меня называет самым талантливым актером современности, а теперь – еще и лучшим ресторатором.

Я не хотел им мешать, кивнул Михаилу издали. Но он поднялся со своего места и торжественно произнес:

– Дорогие дамы, имею честь представить вам своего друга. Игорь Аркадьевич Юдин, заслуженный артист республики, талантливейший киноактер, снявшийся во многих фильмах, а теперь – хозяин этого уютного заведения.

Я отвесил дурашливый поклон и хотел было удалиться, но Михаил меня снова остановил:

– Сегодня у Игоря Аркадьевича день рождения (интересно, откуда он знает), давайте поздравим его, – и поднял рюм-

ку.

Что мне оставалось делать? Я попросил у официанта рюмку коньку, подошел к столу. Михаил предложил присесть, девушки довольно вяло его поддержали. И тут я понял, что никуда отсюда не уйду.

Напротив Михаила, он, как всегда, сидел, прилепившись к Ане, я увидел девушку... Наверное, я должен сказать, что внезапно прозрел, что меня ударила молния озарения или что я влюбился с первого взгляда. Наверное. Я не мастер на такие излияния. Да и разглядел я ее толком чуть позже. А в тот момент просто понимал, что хочу быть с ней рядом. И хочу, чтобы рядом со мной была она. Вот именно так я тогда и думал. О совершенно незнакомом мне человеке, женщине, о существовании которой еще минуту назад и не подозревал.

Тут же убедил их попробовать прекрасное японское вино, себе снова потребовал коньяку. Сыпал анекдотами, рассказывал какие-то истории из жизни актеров кино, болтал без умолку, чем всех безмерно утомил. Конечно, при знакомстве девушки както представились, но я не расслышал, а переспрашивать было неловко. Так что обходился индифферентным обращением. Потом, неизвестно для чего, предложил соседке, чтобы она налила мне в бокал коньяк, немало удивив ее этой просьбой. Пояснил, что наливать самому себе – плохая примета, а из ее рук коньяк покажется мне нектаром. Реплика получилась так себе, банальной. Девушка покачал головой и спокойно, чуть низковатым голосом заявила:

– Не могу, профессиональная этика не позволяет.

Михаил громко рассмеялся:

– Эльвира (ага, значит, ее зовут Эльвира!) врачнарколог, наливая тебе, она тем самым поощрит твое пристрастие к алкоголю.

– Но самито вы пьете и, как вижу, даже курите, – брякнул первое пришедшее в голову.

Она не обиделась, ответила без тени улыбки:

– А я и это делаю профессионально, в таких дозах, чтобы не навредить своему организму.

Дальнейший вечер проходил спокойно. Я понимал, что лишний в этой компании – на меня уже почти никто не обращал внимания (девушки, Эльвира и Наташа, оказались сокурсницами Ани, решили собраться вместе, Михаил их любезно пригласил в ресторан), но не смог заставить себя уйти. Наконец они решили отправиться в соседний ресторан, где была бильярдная, покатать шары. Инициатором была Эльвира. Меня никто не приглашал. Хватаясь, как утопающий за соломинку, протянул ей свою визитную карточку, в надежде на адекватный жест. Я уж было обрадовался, когда она после долгих поисков извлекла из сумки свою визитку. Но тут же моя радость улетучилась. На карточке значилось: «Эльвира Марсельевна Маликова, врачнарколог». Номер телефона отсутствовал.

– А почему телефона нет? – враз осипшим голосом поинтересовался у нее.

– Кому считаю необходимым, пишу от руки, те службы, которые вызывают меня в экстренных случаях, мой номер прекрасно знают. А раздавать визитку с телефоном – да я с ума сойду от звонков.

Выходит, я для доктора Маликовой относился к разряду тех, от кого можно было с ума сойти. И отнюдь не от внезапно вспыхнувшего чувства. Кивнув на прощание и даже не думая приглашать меня, остолбеневшего, в бильярдную с собой, Эльвира пошла к выходу. Я наконец разглядел ее. Высокая, красивая, статная, золотистые волосы в изящном беспорядке рассыпаны по плечам. Опомнившись, бросился вслед, крича вдогонку:

– Позвоните мне! – но она уже не слышала.

А на пороге стоял, гадко ухмыляясь, Володя Панков.

– Эх, ты. Разве можно упускать такую женщину?! Вот щелкай теперь клювом.

– Откуда тебе знать, какую я упустил женщину?

– Да уж не все такие слепые, как ты. Телефон хоть взял?

– Свою визитку оставил. Может, позвонит, а нет – так у Михаила спрошу.

– Конечно, позвонит она тебе, как же. Добывай телефон и сам звони. Не будь лопухом. Ладно, пойдем, посидим. По пятьдесят граммчиков накатим.

Я уж было решил, что Володя меня с днем рождения хочет поздравить, но он о нем и не подозревал даже, просто вечер был свободным, приткнуть себя некуда, вот и заглянул

пососедски. Засиделись мы с ним почти до утра. Я все время вспоминал Эльвиру, про себя крыл последними словами свою неуклюжесть. В разговоре участвовал вяло, на вопросы отвечал невпопад. Подняв «на посошок», Володя неожиданно, должно быть, проникшись чувствами дружеской солидарности, коньяк в немалой степени тому способствовал, предложил:

– А хочешь, я тебе враз ее телефончик раздобуду?

Я даже не поинтересовался, как он собирается это делать. Просто скептически передернул плечами:

– Ты же ее видел. А теперь посмотри на меня. И пропел:

А я рыба, я рыба, я рыба,

А я дохлая рыба хамса.

Нету в мышцах крутого изгиба,

Не растут на груди волоса...

– Дурак ты, а не рыба, – этой фразой мой день рождения и был завершен.

Спал я, как все последние годы, без сноведений. Как спит, должно быть, дохлая рыба – хамса.

*

С Володей мы могли познакомиться еще в нашем голо-
жо... пардон, пардон, босоногом детстве – жили в одном по-
селке, правда, он года на три младше. Но не познакомились.
Бегали по одним улицам, в одних домах бывали, однако не

срослось. К тому же он часто уезжал. Батя его был военным, подолгу служил за границей, так что Вовка бывал в Огонькове, можно сказать, наездами. Потом увлекся спортом, пропадавал на сборах, соревнованиях. Играл в команде мастеров, ему прочили место в сборной СССР. Вместо этого подался в Германию, видно, надышался тамошним воздухом. Сначала только выступал за клубную команду, потом стал играющим тренером. Параллельно занялся бизнесом. Группа советских войск покидала Германию, имущество распродавали, вернее, грабил кто что смог или успел. Чтото успел и Володя. Жить он остался в Германии, но в Союз, потом и в Россию приезжал часто.

Однажды в Огонькове я встретил нашу знаменитость. Ее я знал. Олей у нас гордились все, она играла за сборную Союза в волейбол, на чемпионате Европы ей присвоили титул «Мисс волейбол континента». Она степенно шествовала под руку с длинным черноволосым парнем.

– Знакомься, – сказал Оля, – мой муж Владимир.

Следующий раз мы встретились через много лет. Задолго до «Ручейка у камина» Панков открыл в соседнем помещении сначала бильярдную, потом – ресторан узбекской кухни с пышным претенциозным названием – «Улугбек». Плов и шашлык здесь пользовались неизменным спросом, ресторан процветал. Это давало Панкову возможность проявлять внешне все признаки превосходства, когда он наставлял меня, убогого, как следует управлять рестораном. Ему то само-

му все было ясно. Сотрудниками он командовал как некогда на тренировках спортсменами. Вышли, построились, побежали. Грубых слов не чурался, кардинальным мерам отдавал предпочтение. Сотрудники ресторана своего шефа явно боялись. Володя усмехался, повторял при этом любившуюся ему восточную поговорку: «боятся, значит, уважают». Когда приходил в заведение, там сразу же воцарялись порядок, слаженность, организованность. Во время его отсутствия – такой же кабак, как все.

Ко мне относился, в лучшем случае, с превосходством и долей сожаления, в худшем – с пренебрежением. Мои «интеллигентские штучки» явно порицал. Порой я его ненавидел, так и хотелось запустить в башку чемнибудь тяжелым. Но не голову разбить опасался, боялся промахнуться. Тогда бы точно пришлось уносить ноги, а бегаю я уже не так резво, как в молодости. А если честно, я просто завидовал его успеху.

Вообщето я человек не завистливый. Более того, зависть всячески порицаю. Даже придумал некую собственную декларацию, которую с удовольствием излагаю в кругу друзей. Доказываю им, что нет на свете никакой белой, то есть доброй, зависти. Зависть она и есть зависть, какого бы цвета ни была. Самый худший и самый опасный из человеческих пороков. Во все времена зависть толкала человечество на самые низменные поступки – убийства, войны, предательство. Так что для меня выражение «я ему завидую побелому» зву-

чит ничуть не лучше, чем «я его ненавижу». Удастся что-то твоему близкому лучше, чем тебе, имей мужество признаться и сказать: «рад за него». А коли не рад, так и молчи в тряпочку, никто тебя за язык не тянет, лживую свою радость демонстрировать.

Так что Володьке я завидовал и ни хрена за него не радовался. Завидовал остро, не желая признаться в этом даже самому себе. В «Улугбеке», как мне представлялось, все было лучше – уютнее интерьер, проворнее официанты, вкуснее еда. Даже то, что мне самому нравилось там бывать, вызвало мое раздражение. Хотя все чаще и чаще прислушивался к его советам и даже научился благодарить, когда он рекомендовал что-то толковое, до чего я сам додуматься не мог. В конце концов признал, что в этом деле он разбирается лучше. И тогда отступила зависть. Я бы соврал, если бы стал с пеной у рта утверждать, что начал радоваться успехам товарища. Не требуйте от меня слишком многого. Но хоть ушло это гадливенькое чувство зависти, точившее меня изнутри и унижавшее в собственных глазах.

Притирались мы с ним друг к другу долго. Потом директором стал работать Алексей Беляев. Володя Панков безоговорочно признал в нем профессионала, в «Ручеек...» теперь приходил без презрительной ухмылки, просто соседски. Раздражитель в наших отношениях и разговорах исчез, мы мирно общались. Частенько коротали вечера то у меня, то в «Улугбеке». Близкими друзьями мы не стали, мешало то,

что теперь называют туманным словом «ментальность». Володя долго прожил в Европе, слишком часто общался с педантичными немцами, что и наложило определенный отпечаток на его манеру общения, а может быть – даже и на характер. Мне порой казалось, что он органически не способен на такие чувства, как искренность, открытость. Порой бывал хорошим собеседником, в основном в те часы, когда сам никуда не торопился. Тем более нам было что вспомнить, о чем поговорить. Земляки все же. При случае мог дать дельный совет, если это не задевало его собственных интересов.

Однажды я придумал, как сейчас понимаю, достаточно глупый проект по совместной деятельности наших рестораторов. Панков на место поставил меня тотчас, категорически и жестко: «Извини, Игорь, но у меня своя семья. Я забочусь о ней, и в первую, и в последнюю очередь. Помочь тебе готов, но только не за собственный счет». Мне стало стыдно. Он ведь прав, по большому счету. Одним словом, Володя Панков полностью соответствовал тому определению, что порядочный человек – это тот, кто гадости делает без удовольствия и только в силу жизненной необходимости.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В Шереметьево Сергея Михеева встречали несколько друзей и невесть откуда пронюхавшие о его возвращении телевизионщики популярного канала. Того самого, который накануне оповестил всю страну о том, что суд приговорил Михеева к восьми годам тюрьмы. Эксклюзивное интервью им

обломилось, да оно и ни к чему было – что ни скажи, все равно наврут. Сергей издали показал репортерам поднятые над головой указательный и средний пальцы правой руки, в виде латинской буквы «V» – виктория, победа!

...Утром я едва разлепил глаза. Болела голова, отчего то ныло все тело. Долго озирался, но так и не сообразил, где нахожусь. Выглянул в окно, увидел тихий заснеженный лес. Обессиленный этим непосильным действием, снова рухнул. Огляделся. Комната была светлой, уютной, постель просто шикарной, соседняя подушка – не смятой. На тумбочке возле кровати – поднос, накрытый салфеткой. Приподнял салфетку и ахнул: вот это сервис! стакан апельсинового сока, нарзан, бутылка пива, несколько гренок и даже блистер цитрамона. К спальне примыкала ванная комната.

Стоя под тугими струями горячей воды, пытался восстановить картину вчерашнего вечера. Из аэропорта мы приехали в какойто ресторан, где было полно народу – родственники, друзья Сергея. Восторженные восклицания, объятия, суматоха первых минут. С кемто меня познакомили, кто то сам узнавал, восклицал с восторгом: «О, Игореха, привет! Да ты что, меня не узнаешь, я же Сашка из параллельного класса», ну и тому подобное. Меня тискали, хлопали по плечам, по спине. Может, от этого ноет теперь все тело.

За столом оказался рядом с женщиной, смутно мне когото напоминавшей. Пялился на нее долго до неприличия. Она засмеялась:

– Юдин, расслабься, я же Таня, сестра Сережи.

– Ах, да, извини, не узнал сразу. Ну, давай выпьем за встречу.

– А может тебе уже хватит, ты бы поел чтонибудь...

На этом эпизоде пленка моих воспоминаний обрывалась. Посвежевший после душа, вышел из спальни. На кухне хлопотал девушка. Улыбнулась мне ничего не значащей дежурной улыбкой:

– Завтракать будете?

– Спасибо, я в спальне позавтракал.

– Если желаете поехать в город, машина вас ждет.

Я пожелал. Вот только вопрос: куда ехать? Решил отправиться во Дворец культуры, так сказать, по месту работы, если я там еще работаю... Долго стоял перед дверью, не понимая, что изменилось. Потом сообразил: вывеска исчезла. Да и дверь оказалась закрытой. Недоумевая, обошел здание, вошел через служебный вход. И остолбенел. Вокруг царил хаос – валялись поломанные стулья, перевернутые столы. Из двери, словно привидение, показался Сенялкаш, непризнанный гений кисти и холста Семен Ильич Гольдштейн, в заляпанном, как всегда, синем халате.

– Что здесь происходит?

– Продали, – односложно ответил художник.

– Что продали?

– Все. Клуб продали, трансформаторный завод тоже продали.

– А Юрий Борисович где?

– Эва, спохватился. Наш Альхен уже в Израиле, а может, в Америке, кто знает...

– А ты чего не едешь, семитская рожа?

– На себя посмотри, – беззлобно огрызнулся Сеня и, не без горького юмора, уныло добавил: – Вот бутылки сдам и тоже поеду, – потом оживился. – Слушай, Игорь, у тебя деньги есть? Может, отметим встречу.

Деньги у меня были. Накануне вечером, это я помнил, Виктор позаботился, чуть не силой засунул мне в карман несколько купюр:

– Бери, бери, не стесняйся, ты же, наверное, совсем без денег.

Но только с Сеней пить у меня не было никакого желания – мы никогда друг другу не симпатизировали.

На улице я с удивлением увидел, что машина меня все еще ждет.

– А вы можете меня еще в одно место отвезти? – спросил водителя.

– Я на сутках, так что в вашем полном распоряжении. Имею такое указание от Сергея Антоновича. Куда едем?

А действительно, куда едем? Напротив увидел магазин «Цветы». Взял два букета – для мамы и для сестры, заехал в супермаркет, накупил там всякой вкусной всячины, прихватил бутылку коньяка, шампанское и отправился к родителям, в Огоньково. Пospел к обеду. Вся семья была дома,

даже Гена. Удивился, чего это дети не в школе, а Светка не на работе. Выяснилось, что сегодня воскресенье, а я уж счет дням за всеми бурными событиями потерял.

Как мне было с ними хорошо! Даже боялся, что расплачусь. Мама от меня не отходила, за столом села не рядом с отцом, как обычно, а устроилась возле меня. Постоянно вскакивала, чтото подкладывала мне на тарелку. Даже бутылку с коньяком у Гены отняла, сама мне подливала в рюмку. Просидел допоздна и, несмотря на уговоры остаться, все же ушел – сердце мое больше не выдерживало такой безграничной заботы и теплоты родных людей. Отвык я от этого.

*

Ночью очутился в какомто баре, навязался в чужую компанию. Ухаживал за девушкой. Получил от ее жениха по морде. Хотел швырнуть в него пепельницей, но полетели окурки, а пепельница осталась у меня в руке. Жениху было обидно, мне – смешно. От наших эмоций перевернулся стол, разбилась посуда. Ночевал в «обезьяннике», жених оказался рядом. До утра мучил меня вопросом, как зовут его невесту. Сошлись на имени «Галя». Утром мне вернули паспорт, сержант, отводя взгляд, уверял, что денег у меня при себе не было. Видимо, от огорчения я впал в забытье. Очнулся через несколько месяцев. В Израиле.

Все, что я до этого делал, было действиями механическими, неосмысленными. Скитался, искал работу, снова побывал на киностудии, сначала на одной, потом на другой –

их теперь по Москве было прудпруды, этих маленьких частных студий. Растоптав остатки профессиональной гордости (а были они?), согласился сниматься в рекламных роликах. Режиссер успокоил меня быстро:

– И не такие, как ты, знаменитости снимаются. По подбору актеров в рекламных съемках – «Война и мир» отдыхает.

Предпочитал рекламу продуктов – можно было сэкономить деньги на еду. В перерывах там же, на студиях, подрабатывал то грузчиком, то помощником осветителя, и вообще не пренебрегал никакой работой. Неожиданно встретил на одной из студий Сенюалкаша, он теперь расписывал здесь декорации. Одет был опрятно. Пил попрежнему, но вино переливал в поллитровую фляжку и носил ее во внутреннем кармане модного твидового пиджака. Семен Ильич дал мне телефон Юрия Борисовича Гершина, нашего бывшего директора. Где он его раздобыл, не рассказывал, загадочно улыбался. Сказал только:

– Позвони, он рад будет.

Судя по коду страны, Юрий Борисович обитал теперь в Израиле, видно, до Америки так и не добрался. Оказавшись в одном из кабинетов студии возле телефона, я, воровато оглядываясь, набрал международный номер. Альхен ответил после первого же гудка. Слышимость была такой, словно он рядом находился. Поначалу явно обрадовался. Потом, видимо, вспомнив про свой имидж, заговорил деловым тоном. Предложил прислать вызов, обещал содействие, если я при-

еду. А куда присылатьто? У меня не то что постоянного жилья, у меня даже адреса собственного не было. Но тут мне пришла в голову шальная мысль, которая в тот момент показалась мне настолько простой и ясной, что могла разом решить все мои жизненные проблемы, избавиться от невзгод, вернуть былое счастье. В тот момент мне подумалось и уже так хотелось в это верить: а вдруг Ольга поедет со мной, она же хотела вырваться за бугор. Положа руку на сердце, все эти годы я надеялся, что она вернется. Рисовал в своем воображении сцены настолько же радужные, насколько и несбыточные, то есть абсолютно нереальные. Мое небогатое воображение создавало всякий раз одну и ту же картину. Приходит Ольга и со слезами говорит:

– Игорь, я была неправа. Давай все забудем и начнем сначала. Ты – самый лучший из всех, кого я встречала. И тут, поговорив с Юрием Борисовичем, я в какомто диком восторге решил: «Вот теперь все получится». Попросил его выслать мне вызов на Центральный телеграф до востребования. Недолго раздумывая, из этого же кабинета на киностудии позвонил бывшей жене – уж чтото, а телефон ее у меня всегда был при себе. В ответ – длинные бездушные гудки.

Дозвонился дня через три, Ольга пояснила, что обычно не отвечает на незнакомые звонки, тут же довольно равнодушно поинтересовалась:

– У тебя чтото случилось?

Встретиться отказалась, сославшись на занятость. Тогда я

брякнул сразу:

– Оля, я уезжаю в Израиль. Поедем вместе, ты же хотела...

– Дурак, – ответила она без раздумий, видно, диагноз был поставлен ею давно и окончательно. В трубке мерзко запищали короткие гудки.

«Ах, так! Ну, мы еще посмотрим», – злорадно подумал я, не дав себе труда домыслить, что именно мы «посмотрим». И стал ежедневно наведываться на Центральный телеграф. Вызов пришел через несколько недель.

*

Документы мне оформили довольно легко. Дипломат в израильском посольстве сказал, что «мы рады решению такого талантливого человека, как вы, поехать на Землю обетованную». Уверенности и радости в его голосе я не почувствовал. Мне вручили бесплатный билет, памятку для отъезжающих и тощенький русскоивритский разговорник, разрисованный детскими картинками. Вероятно, картинки, по мнению изготовителей разговорника, соответствовали уровню умственного развития отъезжающих. Нашел в разговорнике свое любимое блюдо – огурец. Выяснил, что на иврите это звучит «мэлафэфон». С тоской подумал, что такого мне не выговорить никогда. А вот случайно попавшееся в этой же брошюрке слово «прокуратура» мне понравилось. Звучало – «проклитут», лучше и не скажешь.

В посольстве сказали, что также бесплатно могут отправить мой багаж – один контейнерный ящик. Поблагодарив,

отказался. Что мне было отправлять в багаже? Мысли, что ли? Так у меня и их не осталось.

Прощание с сыном было спокойным, мне кажется, он даже толком не вникал, куда я еду. Мама плакала, отец явно сдерживался. Только в аэропорту не выдержал, обнял меня и заплакал у меня на плече, так, чтобы никто не видел.

– Я знаю, мы больше не увидимся, – сказал отец. Будь счастлив и храни тебя Бог.

Вот уж не подозревал, что папа верит в Бога.

В тельавивском аэропорту имени БенГуриона новых жителей страны израилевой встретили невероятная жара и нарядно одетые ребяташки. Каждому вручили по маленькой корзинке с мандаринами и конфетами.

В прохладном зале, где служащие в одинаковой форме заполняли на компьютерах документы вновь прибывших, нас угостили кофе, чаем и очень вкусными бутербродами. Потом вручили документы, разноцветные непривычные деньги и банковский чек, который надо было вложить в банк. Узнав, что я один и родственников у меня здесь нет, предложили поселиться в гостинице для репатриантов. Пояснили, что за такси платить не надо – тоже подарок в честь прибытия. В дороге я задремал. Изредка открывая глаза, видел голубое спокойное, как на картинке, море. Через приоткрытое окно машины вдыхал стойкий мандариновый запах. Все это мало походило на реальность.

Сказка закончилась, как только я вошел в гостиницу «Марина», этакий Ноев ковчег для репатриантов. Пахло чемто тошнотворно кислым и жареной на прогорклом масле рыбой. Даже на кухнях коммуналок советских времен запахи были попримичнее. Повсюду сновали неопрятные женщины с тазами и кастрюлями, несколько малышей с дикими криками восторга раскатывали по просторному вестибюлю на велосипедах, где-то рядом надрывался воплем младенец. Распорядитель, вполне сносно изъяснявшийся на русском языке, проводил меня в комнату на восьмом этаже, открывая, сказал, что пожить пока придется вдвоем, гостиница переполнена, и, вздохнув, добавил:

– А вы все едете и едете.

Сосед по комнате встретил меня довольно радушно, представился как «Михаэль», оказался просто Мишкой из Черновиц. Охотно вызвался сопровождать меня по инстанциям. Побывали в местном отделении абсорбции, открыли счет в банке, что сразу повысило меня в собственных глазах. Потом отправились записываться на курсы по изучению иврита – улыпан. Ошалев от бесконечных хождений и несносной жары, я предложил Михаэлю куданибудь зайти, перекусить. Он сразу оживился, сказал, что знает неподалеку одно «дивное местечко», где кондиционер пашет так, что замерзнуть можно. Стеснительно посоветовал:

– Только водку надо взять в магазине, так дешевле.

В магазине, уже без всякого стеснения, буркнул реши-

тельно:

– Бери две, чтоб потом не бегать, – забрал у меня из рук деньги, в которых я все не мог разобраться, заплатил. Деньги положил себе в карман: – Отдам потом, когда за обед расплатимся, а то ты в них все равно ни черта пока не понимаешь.

Он явно вошел в роль старшего по положению.

В кафе действительно было прохладно. Михаэль велел мне заказать шницель. Один.

– А как я ему объясню? – засомневался я.

– Чудак, шницель и есть шницель, что порусски, что поеврейски, а один на пальцах покажешь.

Со своей задачей справился. Михаэль тем временем приволокнул такую гору салатов, маринадов и печеных овощей, будто к нам должны были присоединиться с десяток голодных друзей.

– Салаты здесь бесплатные, пояснил он. – А шницеля нам и одного на двоих хватит.

Шницель и вправду был огромным, вылезал за края тарелки. Бутылку он водрузил на стол, а когда к нам приблизился явно недовольный нашим самоуправством хозяин, что-то стал ему заносчиво объяснять. Хозяин молча кивнул и удалился.

– Что ты ему сказал? – мне было любопытно.

– Сказал, что мы пьем только такую водку, а у него такой нет.

– А откуда ты знаешь?

– Да мы с тобой самую дешевую взяли, здесь ни в одном кафе такой не держат.

– Если сообразит, специально для таких, как мы, купит, – предположил я.

Михаэль сурово погрозил мне пальцем:

– Глади, не накаркай.

На третий день, это была пятница, утром, направляясь в ульпан, нос к носу столкнулся на улице с Юрием Борисовичем. В сланцах, потертых джинсовых шортах и пестрой майкебезрукавке, Альхен выглядел настолько непривычно, что я его сразу и не узнал.

– О, артист, приехал всетаки. Ну, молодец. Когда прибыл?

– Да дня три.

– А чего не ко мне?

– Так у меня же адреса нет...

– А телефоном ты пользоваться не умеешь? Надо было прямо из аэропорта позвонить, там специально для приезжих бесплатный телефон установлен.

– Да я както не догадался.

– Ладно, ладно. Это здорово, что мы вот так встретились. Израиль – страна маленькая, здесь рано или поздно все встречаются, в любом случае не промахнулись бы, – и без всякого перехода доверительно поведал, – слушай, я тут вчера малость перебрал, пойдем грузинского пивка выпьем. Я приглашаю.

– Какого пивка? – не понял я.

– Грузинского, – снисходительно повторил Юрий Борисович и пояснил. – Здесь грузинские евреи великолепное пиво варят, в сто раз лучше, чем обычное, которое в магазинах продают.

– Так мне же в улыпан надо...

– Да на кой он тебе сдался, этот улыпан. Язык на улице схватишь. Тебе не учиться, тебе работать надо. Ладно, пойдем, обсудим, как жить дальше.

– Но, Юрий Борисович...

– Никаких Борисовичей, – остановил он меня. – Запомни, отчеств здесь не существует, обращение на «вы» – только к нескольким людям, даже к президенту страны и то на «ты» обращаются. Слово «вы» существует исключительно в письменном обращении, но ты, я надеюсь, писем мне писать не собираешься. Так что привыкай сразу говорить всем «ты», так сказать, невзирая на лица.

За пивом, действительно очень вкусным, он рассказал о себе. Работает на самой крупной, всемирно известной фирме по производству продуктов питания, заведует складом. Жена – главный кассир банка. Дочь учится в школе. Так что у него попрежнему все лучше, чем у всех. Впоследствии, правда, выяснилось, что Юра свои успехи малость преувеличил. Уж очень ему хотелось выглядеть в моих глазах успешным и уже вполне бывалым израильтянином. Но, как сказано великим, ложь без корысти – это не вранье, а поэзия. Хотя в истине данного постулата лично я что-то сомневаюсь. А бы-

вает ли она, ложь, полностью бескорыстной?

Так что мой любезный Альхен на самом деле работал на складе не заведующим, а грузчиком, жена, закончив курсы кассиров, пока безуспешно пыталась устроиться в банк. Вот дочь, та действительно училась в школе. Впрочем, для меня все это было неважным. Мой бывший директор, похоже, и впрямь был мне рад. Предложил остаться у него, вместе отметить субботу – шабат, главный, как он со значением сказал, еврейский праздник, который нарушать нельзя. В шабат все должны есть, пить, вселиться и обязательно, если Бог пошлет, вместе с гостями.

В этот день шабата Бог послал Альхену меня. За ужином Юра убеждал, что из гостиницы нужно уносить ноги как можно скорее.

– Это же болото, завязнешь там. К тому же непременно какаянибудь сволочь охмурит. Ты же телок. А там бабы, в основном материодноночки, так и ищут, к кому присосаться и на шею влезть. Нет, брат, из гостиницы уходи. Устроишься на работу, снимешь себе комнату, и живи в свое удовольствие. Вот погоди, завтра кое с кем встретимся, устроим тебя. На работе и язык быстрее выучишь...

*

Третий день я работаю на заводе. Громко сказано. Весь завод – один цех. Рабочих немного, но вкалывают не разгибая спины. Перерыв на обед – пятнадцать минут. Перекуры не запрещаются, но и не одобряются. Изготавливают однуедин-

ственную деталь, для «фольксвагена». Так что я теперь – еврейштамповщик. Ну, если строго, то полуеврей, да и штамповщик из меня как из собачьего хвоста сито. Из гостиницы переехал, живу отдельно. В магазине. Вернее, в бывшей овощной лавке. Хозяин собрался лавку продавать, но потом передумал, убрал прилавки, поставил в углу душ и унитаз, огородив гипсокартонной перегородкой, и получилось прекрасное жильё для одного бездомного. Хотя и без окна, только под потолком амбразура зияет. Денег, правда, дерет, гад такой, как за однокомнатную квартиру. Но выбирать не приходится. Репатрианты так и прут, жильё в дефиците, соответственно и цены растут. Так что мне ещё повезло.

*

Скромно отметил новоселье. Пришел Юра. С женой. Принесли в подарок коврик для душевой и пакет с фруктами. Юра был чемто подавлен. Может, просто устал. Таскать мешки с мукой и тяжеленные коробки – дело нелегкое, особенно для человека, никогда физического труда не знавшего.

Потом он исчез. Я не видел его несколько месяцев. Както вечером примчалась его жена, заплаканная, сообщила, что «Юрка пошел вешаться». Оставил ей записку, просил прощения. Мы пошли в полицию. Нас выслушали довольно равнодушно. Сказали, что вешаться в Израиле накладно, надо ходить по магазинам, веревку искать. Проще утопиться, море вот оно, рядом. Одним словом, трагедии не усматривали.

Куда идти, не знали. Пошли вдоль берега моря. Доволь-

но скоро увидели Юру. Спал на песке. Даже храпел, гад такой. Рядом валялась пустая водочная бутылка, недоеденная закуска. Верный себе, даже думая о суициде, закуску накупил классную. На отсутствие аппетита он никогда не жаловался.

*

У меня появился покровитель. Даже ангелхранитель. Утром, в шабат, я еще в постели валялся, раздался стук в дверь. Открыл, вижу на пороге мужчина, огромного роста, аж свет затмил.

– Вот узнал, что здесь «оле хадаш» (я уже знаю, что в переводе с иврита это значит – новый репатриант) поселился. Решил навестить, познакомиться, праздничный подарочек привез. – И он поставил на пол довольно внушительную коробку, источавшую запахи жареного мяса. – Приглашаю вечером к себе в гости. Если ты не имеешь другого приглашения, заеду за тобой в семь часов.

У Нахума прекрасная машина, «субару», просторная и мощная. Очень уютная квартира, живут вдвоем с женой. Бывший фронтовик, летчик, в самом конце войны был сбит, оказался в плену. Потом – в советском лагере. Обломков его самолета не нашли, поскольку не искали. Нахума Гольдберга обвинили в том, что самолет он сам угнал к фашистам. Какимто чудом в конце пятидесятых вырвался в Израиль. Здесь работал в государственной электрической компании. Теперь пенсионер. На общественных началах заведует клубом инвалидов Второй мировой войны. В Израиле это весь-

ма почтенная организация, пользуется государственной поддержкой.

На другой день взял меня с собой в клуб. Старички накрыли шикарный стол, каждый принес из дому чего повкуснее. Играла музыка, пели фронтовые песни. Я тоже для них спел – в клубе нашлась гитара. Давно я не имел такого успеха, отпускать не хотели. После обеда Нахум отвез меня домой. По дороге задал ему мучивший меня вопрос: на кой ляд ему надо нянчиться со мной? Он укоризненно покачал головой:

– Ктото же должен о тебе позаботиться, раз ты один. Так почему не я?

Славная причина, все вполне логично. Хотя и непривычно.

*

С завода меня все же выперли. Хотя и вежливо. Выяснилось, что все детали из моего штампа выходили исключительно бракованные. Да я и сам это видел, просто надеялся, что в общей массе затеряются, никто не поймет, чей брак. Поняли. Правда, чек все же выписали. Сумма, на удивление, была приличной – хозяин проявил сострадание к безрукому репатрианту. Вручая мне чек, сказал печально:

– Не огорчайся, этот завод не для тебя, а ты – не для завода.

Выручил Нахум. Принес мне объявление о наборе на курсы страховщиков. Предпочтение – претендентам со знанием русского языка, сам отправился со мной в страховую компа-

нию. Вместо экзаменов было тестирование. Мне предложили такой тест: страховая компания оплачивает банкет в ресторане. Сколько гостей я бы пригласил на этот банкет? Хитрость вопроса была коротенькой, как тени в полдень. Поморщив для блезиру лоб, будто решая сложную задачу, спросил, придав голосу неуверенность:

– А пятьсот человек можно?

– У вас столько знакомых? – удивился экзаменатор. – Вы же в Израиле совсем недавно...

– Просто я очень контактный человек, – ответил ему «скромно».

Меня приняли. Нахум был на седьмом небе от счастья, уверял, что от клиентов отбоя не будет. Все члены его клуба, а также члены их семей страховать отныне будут только у страхового агента Игоря Юдина. В своих радужных прогнозах мой добрый бескорыстный друг зашел так далеко, что стал на полном серьезе обсуждать, какую машину мне следует купить.

В страховом бизнесе я тоже не преуспел. Потенциальные клиенты, коих прочил мне Нахум, уже давно были застрахованы в других компаниях, менять шило на мыло не спешили, а кто и изъявлял неискреннее, и от того вежливое согласие, то при этом непременно ссылался на то, что должен сначала истечь срок уже действующей страховки. Больше всего мне претило, что я должен быть со всеми одинаково любезен, заискивающе настойчив. Сиди тут, уговаривай всякое быдло.

Он пузо, а то и задницу беззастенчиво почесывает, пиво потягивает, а ты тут соловьем заливайся. Хочется ему это пиво за пазуху вылить, ан нет – улыбайся, выдумывай всякие комплименты, чтобы расположить к себе. Короче, гордыня мешала мне добросовестно исполнять свои обязанности. Я забыл о том, что бедность и гордость – это падчерица и мачеха, жить должны отдельно, иначе глотки друг другу перегрызут. Тем не менее как-то гроши я все же умудрялся зарабатывать. На жизнь, в общем, хватало. К тому же особых претензий к этой самой жизни у меня давно уже не было.

Питался из магазина. Кассирши в супермаркетах, все сплошь русские (это у себя в Союзе они были евреями, а здесь стали русскими), мне сочувствовали, советовали, что взять на обед или на ужин. Это облегчало общение с ними. Но и осложняло тоже. С замужними я принципиально никаких связей иметь не хотел, незамужние немедленно предлагали жить вместе. По понятиям этих невзыскательных женщин, я был вполне подходящим субъектом для совместного проживания – работал,пил умеренно, рук не распускал. Зато «распускал» ноги. В том смысле, что бежал со всех ног, как только слышал очередное предложение «свить семейное гнездышко». Поэтому супермаркеты мне приходилось менять довольно часто.

В выходные с какой-нибудь компанией выезжал к морю, где на зеленых лужайках мы беззастенчиво, презрев еврейские традиции и запреты на употребление «нечистого жи-

вотного», жарили свиные ребрышки. Либо отпраплялся в клуб к Нахуму. В клубе всегда было шумно, весело. Самые именитые советские актеры, эмигрировавшие в Израиль, приезжали сюда «с шефскими», как они их по старой привычке называли, концертами. Конечно, я с ними со всеми был знаком. На пятьдесят процентов. В том смысле, что я их знал, а они меня – нет. Даже Миша Конаков, блестящий актер и режиссер, но сноб невероятный, и тот не чурался приезжать сюда, а потом с удовольствием уплетал варенички с вишнями, целуя пухлые руки старенькой тете Мане.

Бывшая фронтовая радистка и переводчица с немецкого, тетя Маня позвякивала своими фронтовыми наградами, и млела от счастья. Автор любимого всеми фильма «Никитские ворота» вставал во весь свой почти двухметровый рост и специально для тети Мани читал стихи Симонова. С ветеранами Михаил был подчеркнуто вежлив и любезен, с остальными – надменен. Никто не смел забывать о его величии.

Однажды вместе с другими актерами в клуб приехала находящаяся на гастролях в Израиле Клара Старикова. Ее блестящие эстрадные монологи «тети Сони» заставляли смеяться всю страну. Мы с Кларой были знакомы издавна. Когда она переодевалась в маленькой комнатке перед выступлением в клубе, я деликатно отвернулся. В этот момент без стука вошел Конаков.

– Выйди вон, не видишь, здесь женщина переодевается, –

без всякого раздражения бросила Клара, не поворачивая головы.

– Почему это Игорю можно, а мне нельзя? – обиделся Михаил.

– Что можно льву, нельзя собаке, – оскорбила его Старикова.

Конаков вспыхнул, выскочил вон. В большой комнате, где собирались все ветераны и гости, храня на лице выражение оскорбленного достоинства, надел свою куртку и... присел к столу. В этот вечер он ел вареники, не снимая верхней одежды. Выпив коньяку, пригорюнился, потом начал хаять Россию, говорил о загубленной большевиками культуре, хотя к тому времени, как известно, демократы уже большевиков поперли. Потом рассказывал о том, как славно работает ему в тельавивском драматическом театре, как легко и непринужденно освоил иврит и теперь зрители даже отличить не могут его произношения от говора коренных артистов.

Несколько лет спустя, когда он вернулся в Россию, то точно так же ругал израильскую культуру, вернее полное ее отсутствие, дав следующую характеристику: еврейский театр – это три жида в два ряда. Даже родная мишина жена Таня порой тяготилась его присутствием. Однажды мы отдыхали в одной компании. Ктото поинтересовался, будет ли Миша. Таня с раздражением спросила:

– Вам нужен испорченный репродуктор, который выключо-

читать нельзя, а выбросить жалко?

Зато я легко и непринужденно сдружился с братьями Чижевскими. Леонид когда-то в знаменитом сериале исполнил роль майора Демина, и с тех пор его настоящую фамилию не вспоминали. Старший, Александр, был писателем-сатириком, в свое время писал интермедии для самого Аркадия Райкина, в Израиле создал популярный среди русских репатриантов юмористический журнал. Эпиграф к первому номеру журнала я запомнил: «Израиль – это большое зеркало. Какую рожу ты перед ним скорчишь, такую и увидишь». Примерил эпиграф к себе, с огорчением вздохнул: видно, рожа у меня была если и не кривая, то уж кислая – точно.

С братьями мы обычно встречались в гостинице Хилтон, плавали в бассейне, потом пили пиво. Ездили в Иерусалим, в гости к хлебосольному Игорю Куперману, Гарику, как его все называли. При Советах он написал такие строчки:

Не стесняйся, пьяница, носа своего.

Он ведь с красным знаменем цвета одного.

Всего две строчки, а потянули на целых шестнадцать лет лагерей. Освободившись из заключения, Гарик немедленно репатриировался в Израиль. Знаменитые «гарики» лились изпод пера Купермана безудержно, издавались отдельными сборниками. Вышло несколько книг прозы. Я прочитал с любопытством. Вроде действительно проза. Но все равно – сти-

хи.

Игоря стали приглашать с концертами в Москву, другие города России. В Иерусалиме он теперь бывал все реже и реже. И в стихах, и на сцене безудержно матерился. Над его матом хохотали даже пуритане. Один из них прислал ему во время концерта записку. Игорь прочитал ее вслух: «Куперман, почему вы так беззастенчиво материтесь, ведь в зале же женщины», Гарик немного подумал, развел руками: «А хули ж...»

*

В самом центре ТельАвива есть очень красивая площадь – Дизенгоф. Вокруг фонтана полно маленьких уютных кафе. В субботнее утро здесь местечко найти непросто. И причиной тому не только отменный кофе, что здесь подают. Наши собираются здесь пообщаться, обменяться последними новостями, сплетнями. Если вы кого-то давно не видели, а встретить хотите, приезжайте на Дизенгоф.

Был чудесный весенний день, тягучая израильская жара еще не наступила. Опьяняюще пахнет цветами, названия которых не могу, хоть тресни, запомнить. Гдето рядом пристроилась невидимая птичка. Крохотная такая, с длиннющим клювом. Называется «майна». Поетзаливается так, что любой оркестр перекроет. Одним словом – благодать. Пьем с приятелем кофе, треп – ни о чем, отвечаю вяло, да и говорить не хочется, так мне хорошо. Вдруг приятель всплеснул руками и, глядя вверх моей головы, воскликнул:

– О! Вот и Оленька к нам пожаловала.

Оглянулся и, как принято говорить в таких случаях, потерял дар речи. Прямо на меня смотрела Ольга. С афиши. Крупными яркими буквами надпись: «Народная артистка Ольга Смолина». Ниже, чуть помельче – концерты из цикла «Любимые актеры». Гастроли начнутся через неделю.

Мне казалось, эта неделя никогда не закончится. Не мог на месте усидеть, начал приводить в порядок свою комнату. Без конца ее драил, приобрел новую посуду, какие-то ненужные вазочки. Себе купил кое-что из одежды. Бриться мне давно уже было лень, и я в Израиле ходил с безобразно рыжей бородой и еврейскими (чтобы не говорить «жидкими») усиками. А тут побрился, вернув себе прежний облик. Мысленно составил меню торжественного вечера и накануне концерта отправился в самый престижный и дорогой район города – в магазин деликатесов.

Что я себе напридумывал? И сам теперь не пойму. Почему был уверен, что она непременно захочет прийти ко мне в гости. И не просто прийти... Внушил идиотскую мысль: Ольга устроила эти гастроли специально, чтобы увидеться со мной. Бред, конечно, но ослепленные чувством мужчины в бредовые идеи обычно верят куда крепче, чем в реальную жизнь.

Отправляясь на концерт, купил огромный букет знаменитых израильских роз. Уселся в третьем ряду. Обзор великолепный, да и меня с таким букетом не заметить было

невозможно. Аплодировал так оглушительно, что соседи рядом вздрагивали. Едва прозвучал последний музыкальный аккорд, первым ринулся на сцену. На ступеньках споткнулся и чуть не грохнулся, опрокинув усилитель. Пока я приводил себя в порядок, к Ольге уже выстроилась небольшая очередь поклонников, все с цветами.

Наконец прорвался. С глупой улыбкой протянул букет, она в этот момент подписывала очередному поклоннику ее таланта свою фотографию. На меня взглянула мельком. Я продолжал топтаться на сцене. И! Вот! Наши! Глаза! Встретились! Она одарила меня благосклонной улыбкой, ничуть не отличающейся от той, какими только что одаривала всех иных, доселе ей незнакомых зрителей.

Все, кажется, стало ясно. Кому угодно, только не мне. «Понятное дело, не станет же она на сцене целоваться со мной и лить на моем плече слезы раскаяния и радости от долгожданной встречи», – убеждал я себя, ожидая Олю возле служебного входа. Она появилась оживленная, смеющаяся, еще больше похорошевшая. Вместе с ней шли такие же оживленные люди, некоторых из них я знал. Эта компания шумно расселась в машины, и они умчались.

Я остался один. Думал не о том, что рухнули мои последние надежды, а тупо рассуждал, чуть ли не вслух, на кой черт я накопил такую прорву продуктов и что мне теперь со всем этим добром делать. Хотел напиться до беспамятства, но даже этого мне не удалось. После первой же рюмки захмелел,

а потом протрезвел внезапно и окончательно. Со злостью, зная бы еще на кого, завернул в новенькую, только вчера купленную скатерть, остатки пиршества, связал узлом и вынес на помойку.

Через пару дней узнал, что в честь приезда знаменитости, Смолиной закатали роскошный банкет. Ктото из наших общих знакомых ей сказал:

– Оля, а ты знаешь, Юдин же тоже здесь.

Она спокойно ответила, что знает, даже видела на сцене с цветами. Ей предложили позвать меня. Ольга спокойно возразила:

– Не стоит, поздно уже, зачем человека беспокоить.

Интересно, о чем это она?

...Как жаль, что я никогда не изучал психологию. Тому, что со мной произошло потом, наверное, есть научное объяснение. Не знаю. Но от болезни по имени «Ольга Смолина» я тогда излечился. Окончательно и безвозвратно. Практически даже не вспоминал. А если случайно заходил разговор, или встречал ненароком статьи в газетах, или видел телепередачи с ее участием, то не испытывал ни малейшего волнения. А может, психология здесь не при чем. Просто из души моей, а значит, и из памяти, исчезла та иллюзия, которую я воспринимал... Впрочем, какая теперь разница, что я воспринимал. Ничего не было. А где ничего не положено, там нечего взять.

Такое со мной уже случалось и раньше. Это как в испорченном телевизоре – исчез звук, и стало нечетким изображение. То есть что-то, происходящее на экране, я еще различаю, но ничего не слышу. Вот так и со мной происходит. Вокруг – жизнь, но размытая и неясная. О чемто говорят люди, огорчаются, смеются – я их не слышу. Александр Сергеевич Пушкин считал: «есть упоение в бою». Он говорил о натурах сильных, деятельных. Мое упоение – избегать боя, то есть оградить собственную жизнь от каких-либо потрясений, эмоций. Даже положительных, потому что они тоже требуют серьезных эмоциональных усилий. Сделать это не так сложно. Надо только чего-нибудь покрепче выпить, граппы например, и тогда сразу отступают на задний план не только тревоги, но вообще почти все эмоции. Так сказать, питье определяет сознание.

Впрочем, одной эмоции мне избежать так и не удалось. Я затосковал, с каждым днем это чувство росло во мне и зрело, становилось сначала все сильнее, потом стало всепоглощающим. Одним словом, я решил вернуться в Россию. На вопросы, для чего мне это надо, отвечал многозначительно, что Израиль мне не понравился. Хотя грешил против истины.

Израиль сам по себе – страна дивная. Море, фрукты, много солнца. Мне не понравились израильтяне. Слишком много среди них евреев. Шумных, крикливых, чересчур активных и политически озабоченных. Не зря же говорят, что если

в обычной стране кандидатов в президенты бывает два, три, от силы пять человек, то в Израиле их – шесть миллионов, то есть – все.

Запомнился с тех времен анекдот. Хохлушка, приехавшая в Израиль вместе с мужемевреем, пишет письмо сестре на Украину:

«Дорогая Галя! Что тебе сказать, не страна, а сущий рай. Одно плохо – рай этот жидам достался».

Политики на всех перекрестках трубят, что русские репатрианты стране необходимы как воздух. Очень красиво рассуждают, что мы внесли благотворные изменения в культурную, научную жизнь страны, усилили ее обороноспособность. Но низы, как известно, не всегда разделяют мнение верхов. Израиль в целом страна невероятного количества этнических группировок. Это и понятно – евреи понаехали сюда со всего света. Каждый считает, что его группа самая выдающаяся. Поэтому румынские евреи недолюбливают марокканских, марокканцы – тайманцев, ну и так далее. Все вместе они терпеть не могут нас, русских. Или просто завидуют, что в общем одно и то же. Они эту страну строили, воевали за нее, кровь проливали. Голодали, строили и снова воевали. А тут понаехали мы на все готовенькое, так они, во всяком случае, рассуждают. Нам дают безвозмездное пособие на жизнь, беспроцентные ссуды на приобретение квартиры, первый автомобиль имеем право купить чуть не за полцены. Многие из них, старожилов, за всю свою жизнь не су-

мели накопить на новую машину, а тут какойто «грязный русский» разъезжает на новенькой «тойоте». Они нас так и называют – «грязные русские». Считают, что мы дикие, подолгу объясняют, что такое холодильник и как пользоваться лифтом. Наши женщины, все как одна, по их мнению, – проститутки, к тому же ног не бреют. С годами, конечно, они к нам попривыкли, вернее, деваться некуда. Вопервых, нас много, русская речь слышится повсюду. Вовторых, мы не чураемся никакой работы, довольствуемся меньшей, чем коренные жители, зарплатой и без нас не обойтись. Главное не подпускать к ключевым должностям. Вот тут они стоят стеной, вернее, стояли до поры до времени.

Помню такой случай. Приехал в Израиль друг детства моего отца. Босоногими они гоняли голубей по крышам, потом Генка Левинштейн засел за учебники, поступил в медицинский. Стал ученым с мировым именем. Совершил важное открытие – чтото такое, что связано с раствором для содержания внутренних органов, предназначенных к пересадке. Вместе с семьей приехал в Израиль. Поставил чемодан и, разыскав, навестил профильную лабораторию. Заведующий лабораторией, услышав фамилию коллеги, поднялся с кресла и с почтением пожал ему руку. На вопрос Геннадия Соломоновича Левинштейна, не найдется ли для него работы, ответил отрицательно:

– Понимаете, коллега, – пояснил он. – Израиль очень маленькая страна. У нас однаединственная лаборатория по ва-

шему профилю. И в этой лаборатории нужен только один босс. И он у нас есть. Это я. Другого не требуется.

– Я и не претендую на место завлаба, готов пойти на любую другую должность, даже лаборантом не откажусь, – скромно сказал бывший советский академик.

– Этого я допустить не могу, – строго отверг его притязания израильтянин. – Мировое светило – и вдруг лаборант. Нет, нет. Медицинская общественность меня осудит. Так что поищите себе работу в другой сфере.

Конечно, многое в Израиле изменилось после очередных выборов. Теперь у «русских» есть своя партия, не считаться с нами просто нельзя. Так что в здешнем парламенте – кнессете – нынче полно русскоязычных депутатов, десять из них – министры. Попробуй проигнорируй такую силу. Но от политики я далек, честно говоря, даже не помню, ходил голосовать или нет.

Арабы здешнюю жизнь тоже не украшают. Историю я знаю неважно, чего им неймется, так до конца и не понимаю. Похоже, арабская молодежь тоже не совсем ясно это представляет, но ненависть к евреям им передается генетически.

Произошел такой случай. В отдаленной от центра страны деревушке жили по соседству две семьи – еврейская и арабская. Отцы выращивали мандарины, мальчишки ходили в одну школу. Пацаны выросли, переняли от отцов мандариновое дело. Правда, еврейский парень со временем приобрел эту цитрусовую плантацию в собственность. Самый близкий

другараб стал у него управляющим, подругому и быть не могло. Прошли годы, они попрежнему жили рядом, дружили их жены, дети, внуки. Однажды два этих семидесятидвухлетних старика шли меж мандариновых деревьев. Араб чуть позади еврея. Потом араб достал из кармана нож и всадил другу под левую лопатку. Когда на суде его спросили, зачем он это сделал, старикараб логично ответил:

– А зачем он ко мне спиной повернулся.

Присутствующий в зале внук подсудимого, в этот момент выкрикнул с места:

– Все равно я их всех перережу!

Особенно донимают шакиды. Как черви, проникают на израильскую территорию, взрывают автобусы, дома, магазины. При этом не скрывают, что рассчитывают попасть в рай, где их ждет семьдесят две девственницы. Неужели ради того, чтобы оказаться в этом борделе, надо непременно погубить столько безвинных людей?!

*

Кончено, причина была не в евреях, и уж отнюдь не в арабах. Просто дело было во мне самом, тоска моя по симптомам напоминала тяжелую болезнь. Честное слово, у меня даже температуры повышалась внезапно, без видимой причины. В день похорон Нахума Гольдберга (старый воин лег ночью спать и не проснулся, Всевышний за его поистине праведную жизнь послал ему легкую смерть) я окончательно решил – уеду. Правда, это потребовало некоторых усилий, но я

справился. Отговаривать меня, после смерти Нахума, было некому.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Любимый город встретил меня аплодисментами. По щекам. Я снова оказался безработным, бездомным, никому не нужным и неприкаянным.

Москва изменилась разительно. Люди – тоже. В этом мегаполисе само существование диктовало отношения. Москвичи и раньше считались торопыгами. Теперь, когда город разросся невероятно, люди часами добирались до нужного места, никто никуда не поспевал, в дорожных пробках проходила едва ли не большая часть жизни, что укреплению нервной системы отнюдь не способствовало.

Дозвонился до Шумского. Он, вроде, обрадовался, но сказал, что встретиться может только через неделю – улетал на Берлинский международный кинофестиваль. Я даже не огорчился. Кто я для него? Так, старый знакомый, к которому спешить вовсе не обязательно. Решил больше не звонить. Обидчивость – удел слабых. Но Аликто был человеком успешным, это низменное чувство было ему неведомо. Он позвонил мне сам. Благородно ни в чем меня не упрекнул, просто предложил встретиться в гостинице.

Передвигаясь на метро, я приехал вовремя. Он на своем роскошном автомобиле опоздал минут на сорок.

Встреча была теплой, даже можно сказать – душевной.

Вспоминали старых друзей, вспомнили и Сергея Михеева, Виктора Аверьянова.

– Кстати сказать, это же их гостиница, ты в курсе? – спросил Шумский.

– Да, что-то такое слышал.

– Ребята молодцы, мы изредка встречаемся. У них серьезный бизнес, очень крупный благотворительный фонд, – стал рассказывать мне Алик. – О, смотри, не успели заговорить, а они уже тут, – и кивнул на окно. – Вот уж действительно, случайностей в нашей жизни не бывает. Есть служба совпадений, которая работает безотказно и круглосуточно.

Я взглянул в окно. У центрального входа остановились два роскошных автомобиля. Услужливые водители распахнули дверцы. Вышли респектабельные господа. Прошествовали в гостиницу. Увидели нас, сначала узнали Шумского, потом уже меня. Более эмоциональный Виктор радовался неожиданной встрече шумно и бурно. Сергей, хотя и не проявлял своих восторгов столь громко, тоже улыбался открыто. Предложил нам обоим:

– Пойдемте с нами. У нас тут очень интересная встреча. Может быть, выступите оба, будет очень кстати.

Алик посмотрел на часы и согласился. Я на часы не смотрел. Мое время принадлежало мне самому, и было его у меня навалом. В огромном ресторанном зале было полно пожилых людей. Преобладали старушки. Довольно много генералов и адмиралов, все со звездами Героев Советского Союза.

Как я понял, отмечалась годовщина Победы. Нас с Шумским усадили в президиуме. Столы ломились от яств. Давненько я не сиживал за таким угощением.

Сначала шла торжественная часть. Гостям вручали подарки в огромных пакетах. Потом – проникновенные тосты. Запомнилось выступление пожилой женщины с геройской Звездой на жакете. Оказалось – легендарная летчица Надежда Васильевна Попова. За годы войны она совершила чуть ли не восемьсот (!) боевых вылетов. Таких, как она, фашисты во время войны называли ночными ведьмами. Представил, как хороша была эта «ведьма» в молодые годы, она и сейчас, несмотря на старость, выглядела красавицей. Надежда Васильевна увлеклась воспоминаниями. Удивительный ее рассказ я слушал просто с восторгом, хотя думал, что на такие эмоции уже не способен. Сначала Надежда Васильевна рассказала, как познакомилась со своим мужем. Будущий дважды Герой Советского Союза и генералполковник авиации, а тогда еще простой майор, находился с ней в одном госпитале. Она навестила его в палате. Услышала, как врачи сетуют на плохой аппетит майора. Вечером вернулась. Пробудила аппетит. В том числе – и к жизни. Прямо, хотя и не без лукавства, заявила летчику, что считает себя лучшей для него женой. Всю оставшуюся жизнь они прошли рядом.

Потом Надежда Васильевна рассказала, как маршал Рокоссовский вручал ей золотую Звезду Героя. Прикалывая к гимнастерке награду, задержал ладонь на груди. Очень ис-

крenne поблагодарила Сергея Антоновича и Виктора Степановича за сегодняшний вечер и за постоянную о ветеранах заботу, сказала, что считает их своими сыновьями, добавила, что на таких, как они, держится земля русская. В заключение поведала:

– Я вчера была на приеме в Кремле. Президент чествовал ветеранов. Все было торжественно, но довольно официально. О столах не говорю, просто не идут ни в какое сравнение. Кремлевским чиновникам у Михеева и Аверьянова поучиться надо, как ветеранов войны поздравлять. Низкий вам за это поклон, – и действительно поклонилась в пояс.

Сделала долгую паузу, после которой сказала:

– Я сегодня, как и всегда на наших встречах, получила подарок. В пакете увидела конверт. Я же не наивная простушка и прекрасно понимаю, что в этом конверте деньги. И я их беру. Беру с удовольствием и благодарностью. Потому что на свою геройскую пенсию прожить не могу.

Надежда Васильевна подошла к столу, перегнулась и троекратно расцеловала Сергея и Виктора. Со словами: «Налейка мне, сынок», – взяла из рук не такого уж юного официанта наполненную водкой рюмку и, произнеся: «За вас!», осушила ее до дна.

Какойто генерал, высоко подняв свою рюмку, скомандовал в микрофон:

– За Сергея Антоновича Михеева и Виктора Степановича Аверьянова наше троекратное, два коротких, третье раска-

тистое – ура!

Зал дружно выполнил генеральскую команду.

Я попытался сосчитать, сколько же лет Надежде Васильевне Поповой. Выходило, хорошо за восемьдесят. Герои, они во всем герои..

Затем начался концерт. Мы увидели несколько известных артистов эстрады. Из тех, на концерты которых билетов не достанешь. Поднялся Сергей, торжественно нас представил:

– Дорогие наши вдовы Героев и ветераны. Сегодня у нас в гостях – народный артист, лауреат Государственной премии режиссер Александр Шумский и заслуженный артист киноактер Игорь Юдин. – И передал микрофон Александру.

Алик говорил очень тепло и даже проникновенно. Рассказал о своем новом фильме. Оказалось, он снимает картину о войне. Слушали его внимательно. Пока он говорил, мне принесли гитару. Как ни странно, я волновался. Мне так не хотелось ударить в грязь лицом перед этими замечательными стариками, да и перед своими друзьями – тоже. Спел им несколько песен военных лет. Под мои песни многие танцевали. Возраст им не мешал. Смотреть на все это было трогательно.

Улучив момент, спросил у Сергея, кто все эти люди. Выяснилось, что уже много лет благотворительный фонд, который создали Михеев и Аверьянов, шефствует над клубом вдов Героев Советского Союза. Эта категория женщин выпала из поля внимания государственных властей. Вдовы ге-

роев оказались, можно сказать, никому не нужными. Среди них было немало вдов крупнейших военачальников, вдов космонавтов. Сергей и Виктор стали приглашать их на вечера встреч, заботились о них, день Победы отмечали непременно, дарили подарки. Помогали деньгами, что в непростой жизни пожилых людей было совсем не лишним.

*

Разъехались по домам ветераны, умчался, со всеми дружески расцеловавшись, Шумский. В углу зала под предводительством молодявого генерала и крики «Ураураура!» догуливала компания самых стойких гостей, без которых ни одно торжество не обходится. Сергей и Виктор, не сговариваясь, сняли пиджаки, расслабили галстуки, демонстрируя, что официальная часть закончилась. Мы остались втроем.

– Про свою дурацкую эмиграцию можешь нам не рассказывать, наслышаны. А что теперь поделываешь? – спросил Сергей.

Я лишь пожал плечами. Отвечать было решительно нечего.

– Живешь где? – поинтересовался Виктор.

– В колодце, – и, увидев их недоумевающие взгляды, пояснил. – Это Фаина Григорьевна Раневская так однажды свое жилье охарактеризовала: «Моя комната напоминает мне колодец, а я себя чувствую ведром, которое туда опускают». Так, комнатушка-сарай, вроде бывший курятник, оштукатуренный. С меня даже денег за нее почти не берут.

– Ну, в твоей эрудиции мы никогда не сомневались. – Сергей смотрел то ли осуждающе, то ли поощрительно, понять было невозможно. – Делом заняться не хочешь?

– Хочу, да только не знаю, каким. Да и не умею толком ничего. В Израиле страховым агентом работал, тоже не преуспел.

– А куда ты, собственно, исчез? – продолжал допытываться Серега. – С того дня, как мы с тобой вместе из Европы в Москву прилетели, так больше и не появлялся, Потом неожиданно умчался в Израиль, ни с кем не попрощавшись. Теперь вот вернулся и тоже о себе знать не даешь.

– Но ведь и вы меня не искали, – возразил им обидчиво.

Друзья многозначительно переглянулись. «Просите – и дано будет вам; ищите – и найдете; стучите – и отворят вам», – сказано в Писании, многозначительно и наставительно изрек Сергей.

– А нигде в Писании не сказано: предлагайте – и будут вам благодарны? – запальчиво возразил я и тут же устыдился. А с какой, собственно, стати они должны были мне что-то предлагать. Уж если я сам до сих пор не могу понять, чего хочу от этой жизни, то имто это знать откуда.

Друзья тем временем о чем-то пошушукались и огорошили меня предложением. Они собираются открывать в цокольной части гостиницы ресторан. Уже идут ремонтные работы. Очень важно, чтобы была вкусная добротная еда, в том числе, в обязательном порядке, японская – оба поклонники этой

экзотической пищи. Короче, чтобы не стыдно было пригласить в такой ресторан гостей любого ранга. Мне предлагалось стать учредителем нового заведения. Я был растроган до глубины души их благородством, но именно поэтому стал отказываться, говоря о том, что не справлюсь, их подведу, дело провалю.

– Ты не совсем правильно понимаешь, чего мы от тебя хотим. – Теперь Михеев был деловит, говорил весомо, без тени иронии. – Нам очень важно, чтобы дело вел честный человек. А в тебе мы не сомневаемся, столько лет знаем тебя. Что же касается дела, то найдешь опытного управляющего, наберете команду хороших поваров. Одним словом, вот тебе шанс, и не вздумай его упускать. Можешь, конечно, подумать. Минут пять.

– Согласен, – поспешно заявил я. Вот только...

– Технические детали и подробности обсудим завтра, – перебил Сергей. – Ехать пора.

Когда мы спустились в вестибюль гостиницы и было уже прощались, на меня обрушился еще один поистине сказочный подарок.

– Серега, а может, мы Пушкина в гостинице поселим. Во-первых, никуда не годится, что наш товарищ живет за тридевять земель в какомто «колодце», а вовторых, и ему, и нам будет так удобнее, как говорится, двадцать четыре часа на работе, – предложил Виктор.

У этих людей слова с делом никогда не расходились. Они

кудато позвонили, отдали несколько энергичных команд и через десять минут я стал обладателем отдельного гостиничного номера. Мне он показался настолько уютным, что уходить не хотелось. И все же я решил повременить. Неизвестно от чего страхуюсь, заявил, что перееду, как только откроется ресторан.

– Как знаешь, – пробурчал Сергей. Видно, я немало утомил его своими капризами. Тут же предложил: – Не хочешь завтра в нашу школу съездить, там юбилей отмечают?

Поехал с удовольствием. Учителя меня встретили радушно, интересовались успехами. Сергею и Виктору вопрос не задавали. Я так понял, что они здесь – частые гости, над родной школой шефствуют, помогают щедро, недавно компьютерный класс оборудовали. На торжественном вечере о них говорили как о самых знаменитых выпускниках школы. По сути, так и есть. И еще одного знаменитого выпускника упомянули. Учился в школе скромный паренек, несколько, правда, занудный. Его знали одноклассники. Годы спустя узнала вся страна – паренек возглавил правительство России. Школу не забыл. Прислал телеграмму, поздравил. Про юбилейный подарок, в связи с чрезвычайной занятостью, вероятно, позабыл. А может, привычка сработала. Его называли в определенных кругах «Миша два процента», намекая на то, что от любого своего содействия скромно требовал два процента «отката». Но не мог же он в самом деле откатить два процента с собственного подарка себе самому.

*

На меня навалилась такая прорва дел, что я не представлял, за что мне следует хвататься в первую очередь. Нужно было зарегистрировать фирму, контролировать ремонт, параллельно закупать оборудование и набирать штат поваров и официантов. Повсюду опаздывал, времени вечно не хватало, к тому же изрядную его часть сжирала дорога. Уже открывшись, вспомнил наконец, что у меня в гостинице есть теперь свой номер.

О, вот это было настоящее счастье. На работу теперь ездил в лифте. Приветливые горничные ежедневно наводили в номере порядок. Мне даже было неловко от такого внимания. Пытался объяснить, что достаточно и раз в неделю прибраться, но они лишь улыбались: положено ежедневно. И все тут. Впрочем, к хорошему, как известно, привыкаешь быстро. Я обзавелся своей посудой, приобрел кофеварку, в маленьком, встроенном в шкаф холодильнике теперь всегда были какиенибудь продукты на завтрак. Уходя из ресторана, говорил: «иду домой».

*

Через пару месяцев после открытия ресторана Сергей устроил мне настоящий экзамен. Он пригласил меня на концерт и телевизионную запись популярной юмористической передачи «Леоновский парк», названной так в честь своего имени известным писателем-сатириком. После передачи, сказал Сергей, артисты приедут на банкет в ресторан. Надо

блеснуть, показать все, на что мы способны. На концерт я не поехал, предпочел контролировать в ресторане все сам. Хотя толку от меня было немного, это если сказать мягко. На самом деле я только всем мешал, путаясь под ногами.

Они ввалились в ресторан шумной веселой толпой в первом часу ночи, после концерта. Столько знаменитостей вместе нашим официантам видеть никогда не доводилось. Они похватили свои телефоны и начали фотографировать гостей, вместо того чтобы начать их обслуживать. Из кухни высыпали повара, им тоже хотелось поглазеть на своих любимцев. Мои шипения (не мог же я при гостях орать) ни к чему не приводили. Хорошо хоть гости не чинились. Не дожидаясь официантов, стали накладывать себе на тарелки закуски, наполнять рюмки и бокалы. Наконец я, пообещав всем своим, что обеспечу им после банкета совместный снимок, сумел заставить персонал работать. Сам тем временем сбегал в гостиницу. Магазины здесь работали и поздней ночью тоже. Я приобрел пачку фломастеров и ждал, когда артистов можно будет попросить оставить свои автографы на стене в японском зале.

Это был дивный вечер, вернее – ночь. Шутки, экспромты, анекдоты. Ни один концерт не мог идти ни в какое сравнение с этим застольем. Молодой муж немолодой Примадонны талантливо пародировал известных политиков. Известная пара юмористов, муж и жена, разыграли сценку обиды так, что даже актеры им поверили. Или, по крайней мере, сделали

вид, что поверили. Царил за столом поэт, чьи песни пела и знала вся страна. Почти каждому присутствующему он посвятил эпиграммуэкспромт. Очень забавно рассказывал про создателя «Леоновского парка» и тут же выдал эпиграмму: «Леон проснулся в неглиже, а обижается уже».

Расходились под утро. Охотно сфотографировались с работниками ресторана, так что я свое слово сдержал. Пригласил их в японский зал, вручил фломастеры. Многие не просто расписывались, но и оставляли добрые пожелания. Известная эстрадная актриса начертала: «Пусть запомнит эта стенка – здесь была Елена Петросенко». Я тоже выжал из себя экспромт: «В Иерусалиме есть Стена плача, а в нашем ресторане теперь есть Стена смеха». Артисты мне вежливо поаплодировали.

*

С тех пор такие вечера стали у нас традиционными – Сергей охотно приглашал артистов на банкеты в «Ручеек у камина». Сарафанное радио гарантировало нам рекламу, как всегда преувеличенную. Ходили слухи, что в нашем кабаке теперь постоянно проводятся эстрадные вечера и за ужином можно бесплатно стать зрителем небывалого концерта.

Меня, кстати, всегда поражало, каким неведомым образом распространяются слухи. Однажды воскресным днем заглянул к нам с семьей популярнейший телеведущий. Его шоу «Игра слов» вот уже долгие годы прочно занимает самые первые строчки в рейтинге телевизионных передач, а

Леонида Якубовского любит и знает вся страна. Желая отдохнуть от назойливого внимания окружающих, Леонид решил скромно отметить свой день рождения в семейном кругу, потому и выбрал ресторанчик подальше от центра и людских глаз. Посидели они недолго, часов в шесть вечера ушли. Через пару часов в ресторан заявилась шумная компания, человек пятнадцать, не меньше. Сдвинули несколько столов, сделали заказ. Потом спросили у администратора, когда придет Якубовский. Им объяснили, что уже был и ушел. Обиделись на нас так, будто это мы лишили их возможности пообщаться с любимым ведущим.

Както в соседнем ресторане «Улугбек» Сергей играл в бильярд с известнейшим артистом эстрады Евдокимом Михайловым. Они соседствовали домами, их бильярдный спор длился многие годы. На этот раз проиграл артист. Сергей, довольный выигрышем, его успокаивал:

– Ну, не огорчайся ты так. Бывает, что и народные проигрывают.

Услышав эту фразу, я встрял с нелепой злой шуткой:

– Какой народ, такие и народные.

Тут же пожалел о сказанном, я прекрасно относился к этому человеку, просто взыграла старая кавээновская привычка. Евдоким укоризненно покачал головой:

– И ты туда же? Ну, ладно, хоть на суши и сашими отыграть дадите?

Он обожал японскую еду, частенько к нам захаживал, на-

хваливал нашу кухню, говоря, что в Москве его любимые блюда нигде лучше не готовят. У нас в ту пору и вправду работал замечательный поварушист, просто виртуоз своего дела.

*

Сергей в тот вечер куда-то торопился, оставил друга и соседа на мое попечение. Мы посидели за столом какое-то время, Евдоким рассказал мне дивную историю, о которой Сергей даже словом не обмолвился.

Наше Огоньково и близлежащие к нему районы считаются самым экологически чистым местом в Москве. И вот жена городского «голова в кепке» вознамерилась построить здесь цементный завод. О ее наглости и грубости ходят легенды, в столичном бизнесе ей нет равных, экономические журналы называют ее самой богатой женщиной страны. И это при всем при том, что она – жена государственного чиновника. Да еще такого ранга! По этому поводу чиновник недавно даже давал интервью по телевидению. Лицемерно возмущался: «У моей супруги явный талант к бизнесу, что ж мне теперь, руки ей связать, что ли?» Мысль о том, что он может, а вернее – обязан подать в отставку и жить за счет талантливой бизнеследи, чиновнику в голову не приходила. Цементные заводы супруга «мэра в кепке» строила последние годы методически и упорно. Добралась и до нашего района. Загубленная экология ее не смущала. Жители возмутились. Стали писать во все инстанции – бесполезно. К Сергею пришла це-

лая делегация. Попросили помочь – ты человек известный, может, тебя послушают. Решили, что надо составить коллективное письмо. Составили. Подписали сто пятьдесят (!) тысяч человек.

После некоторых раздумий Сергей отправился к патриарху Русской православной церкви. Его Высокопреосвященство, и сам живший в нашем районе, выслушал внимательно. Сергея он знал хорошо. Михеев много сделал для церкви, награжден орденами, некоторые из них получил из рук патриарха. Через некоторое время патриарх был на приеме у самого главного в нашей стране. Поведал ему историю со строительством цементного завода, напомнил про экологию. Главный думал недолго, поднял трубку телефона. Сказал мэру всего три слова: «Завода не будет». Высочайшая супруга, не заботясь о выражениях, пообещала, что еще сведет с Михеем счеты, так просто ему обиды не спустит.

Она и впрямь считает себя хозяйкой Москвы, которой все дозволено. Ее и впрямь боятся. Но, как недавно выяснилось, только в столице, за ее пределами она – никто. Рассказывают, что поехала супруга мэра на Дальний восток. Вознамерилась там купить всегонавсего рыболовецкую флотилию. Целиком. Собственники флотилии именитую гостью выслушали, назвали цену. Вечером мадам озвучила свою. Флотилию она готова была приобрести по цене спичечного коробка. Гостеприимные хозяева пригласили ее на ужин. За столом вручили конверт. В конверте был билет на обратный рейс

до Москвы. Самолет улетал часа через три. Провожая к машине, напутствовали гостью: «Здесь ты никто, о нас забудь. Если кто-то из нас или наших близких просто простудится, мы уж не говорим о кирпиче, случайно упавшем на голову, обвиним тебя. Ответишь, как положено». Не знаю, сколько правды, а сколько вымысла в этом рассказе, но звучит довольно реально – в тех краях люди живут суровые.

Спросил у Евдокима, опасна ли для Сергея эта ссора по поводу цементного завода. Артист ответил:

– Не думаю. Впервые, Серега парень не робкого десятка, напугать его непросто. К тому же он знал, что делает.

Потом Евдоким попросил гитару. Пел он изумительно, очень душевно, проникновенно. Через несколько минут зал наполнился народом. Как они узнали, что в нашем ресторане поет Евдоким Михайлов? Никому неизвестно. Артист пел минут сорок, не меньше, когда закончил, с удивлением услышал, какое множество людей ему аплодирует. Уйдя в себя, он даже и не заметил, как заполнился зал.

Я проводил его до машины, он подарил мне бутылку водки со своей фотографией на этикетке. Эту бутылку я храню по сей день. Тем более что вскоре этот чудесный человек ушел из жизни. Только он один знал, зачем ему понадобилась политика. Его, любимого и популярнейшего в своем краю человека, люди охотно избрали губернатором. Но самобытность, которая делала его столь привлекательным на эстраде, видно, оказалась вредной и неуместной в политике.

К тому же, блестящий исполнитель на сцене, он вряд ли овладел искусством подковерных игр. Евдоким Михайлов погиб в автомобильной катастрофе.

*

Поздно вечером Сергей пришел в ресторан со знаменитыми гостями. Рука об руку с писателем сатириком шла легкой походкой Людмила Марковна. Дада, та самая – «Карнавальная ночь». Они зашли поужинать после театральной премьеры. Великая Актриса была утомлена, немного рассеяна. Создатель «Леоновского парка» пытался ее развеселить. Потом хлопнул себя ладонью по лбу:

– Люся, все время забываю тебе рассказать. У меня дома хранится старая фотография. На ней – моя мама, ты и я. Представляешь?! Я – совсем еще ребенок, а ты – уже знаменитая актриса.

Людмила Марковна перегнулась через стол и почти в ухо Леону выкрикнула звонко:

– Пошел ты на х..!

– Чего она рассердилась, как ты думаешь? – недоумевал писатель.

*

В ресторан, важно ступая, явилась делегация раввинов. Седобородые, с выющимися пейсами, в черных и твердых, словно из фанеры выпиленных шляпах, в длиннополых сюртуках. Их сопровождал Илюша. Просто Илюша. Его фамилии я так и не удосужился узнать. В гостинице, где я жил, он

занимает просторный офис. Продает авиабилеты, туристические путевки и даже участки на Луне. Честное слово, не вру. Недавно Илюша показал мне отпечатанный в типографии солидного вида сертификат, удостоверяющий владение лунным участком.

– А зачем мне участок на Луне? – проявил я непонимание. Илюша глянул на меня с сожалением, как смотрят на убогих. Долго и расплывчато объяснял, что это почетно, престижно и что цену престижу еще никто не измерил. Я понял, что продать он пытается дырку от бублика. Нормальное для него занятие.

Примерно раз в месяц Илюша является ко мне с неизменным «заманчивым предложением», сулящим нам с ним в недалеком будущем богатство, равное, как минимум, копиям царя Соломона. Почему именно ко мне? Илюша пояснил, что я старый друг Сергея Михеева и меня он выслушает, тогда как на Илью у него, Сергея, человека чрезвычайно занятого, может просто времени не хватить. Я же могу использовать, так сказать, неформальную обстановку. На мой вопрос, что из себя представляет Илюша, Сергей ответил предельно ясно:

– Человек, с которым я когда-то был знаком.

Но своих попыток начать со мной бизнес Илья не оставляет. Похоже, мои уклончивые ответы его только приводят в раж. И вот теперь – равнины.

Опыт общения со священнослужителями у меня небогат.

В первый месяц жизни в стране обетованной какая-то благотворительная организация устроила новым репатриантам поездку в святой город Иерусалим. Надо сказать, у израильтян отношение к своей столице пиететное. В языке иврит даже отсутствует такое понятие, как приехать в Иерусалим. В Иерусалим можно только подняться. Разумеется, главным образом – духовно. Так вот, прежде чем нам подняться в город трех религий и прикоснуться к его святыням, мы заехали в синагогу. Минут через пятнадцать в автобусе появился раввин. Густая борода мешала определить его истинный возраст. На русском языке он говорил довольно неплохо.

Походив по городу, мы расположились в Саду роз. Наверное, так выглядят райские кущи. Расстелили одеяло, разложили на нем нехитрую снедь, которую каждый захватил из дому, достали из сумок прозрачные бутылки, наполненные отнюдь не водой. Пригласили к трапезе раввина. Наши некошерные бутерброды не смущали раввина – ничуть. Выпивал и закусывал он с большим аппетитом, совершенно не интересуясь, какого происхождения колбаса, окорок и другие закуски. Затем ребе распоясался. В том числе и буквально. Стал шептать приехавшим в нашей группе женщинам непристойности, вознамерился проверить их прелести на ощупь. Мы отвели его в сторонку. Раввин тотчас сообразил, что сейчас будет, заявил нам многозначительно и с угрозой:

– Меня бить нельзя. Наказать меня может только Он, – и воздел руки к небу.

– Он нам поручил, – буркнул самый здоровый в нашей группе и дал похотливому служителю культа тычка, добавив с озлоблением: – Будешь знать, падла, как к моей жене приставать.

«Падла» забился в автобусе на самое дальнее сиденье, мы его больше не слышали. Так что первая встреча с раввинами оставила в моей памяти не совсем хорошие воспоминания.

И вот теперь – целая делегация. Илюша объяснил, что это канадские раввины. Их в Москву приехало двадцать человек, полгода будут проводить семинар со здешними евреями. Ищут кошерный ресторан, где они бы могли питаться утром и вечером. Уяснив, что раввины порусски ни бельмеса не смыслят, я слов, обращенных к Илюше, не выбирал. Но, говоря ему гадости, улыбался – пусть думают, что мы обсуждаем их проблему. Высказал назойливому и глупому, какого я мнения о его умственных способностях. Проявил осведомленность в такой разнообразии половых извращений, каких он от меня не ожидал – его лицо приобрело заметно сосредоточенное выражение. Возможно, соображал, какие из этих действий я готов практически применить к нему. После чего быстро-быстро забормотал, что движем лишь стремлением обеспечить мне стабильный заработок, закончив фразой: «Можно хорошо нажать».

Хотел бы воочию увидеть хоть одного еврея, или не еврея, который нажил с раввинами. Кстати вспомнил анекдот. Еврей, у которого жена беспрестанно рождает, обратился к рав-

вину за помощью, прося у него денег на пропитание только что родившегося младенца. Раввин успокаивает: «Ступай домой, и ни о чем не волнуйся, я тебе помогу». Еврей идет домой и чувствует, что у него оттопыривается рубаха. Заглянул, а там – набухает женская грудь, из нее молоко капает. Накормил младенца и – снова бегом в синагогу. Криком кричит: «Ребе, я у тебя денег просил, а ты что натворил?!» «Э, сын мой, отвечает ребе. – Чудо сделать это еще какнибудь, со скрипом – да. А денег – никогда!»

Короче, призвал свои скудные познания в иврите, коекак объяснил раввинам, что не имею права их кормить в этом ресторане. По законам кашрута (положа руку на сердце, я в Израиле так толком и не понял что именно регламентирует этот закон, и о кошерной пище по сей день имею самые поверхностные представления) это невозможно. Они поблагодарили меня за правду, благословили и степенно удалились.

Илюша обижался на меня недолго. Через пару недель позвонил и долго морочил мне голову, прежде чем перешел к делу. У него намечался «банкетик» человек на тридцать. Попросил скидку. Скрепя сердце предоставил ему двадцать процентов. Вечером администратор показал мне заявочный лист. Выяснилось, что на тридцать пять человек Илья заказал несколько салатиков и шашлык из баранины. Сказал, что остальные продукты, а также спиртные и даже прохладительные напитки принесет с собой.

– А с какой стати ты ему все это позволил? – накинулся я

на неповинного администратора.

– Так он сказал, что с вами это заранее оговорено и вы дали «добро».

Отправился к Илье в офис. Начал разговор с ним на повышенных тонах. Он остановил мою гневную речь величавым жестом, сказал с упреком:

– Вопервых, друзьям позволительно то, что нельзя другим. Вовторых, я пригласил своих деловых партнеров. Понимаешь, это бизнес, а ты не хочешь мне помочь.

– А теперь выслушай мой счет, – прорычал я в гневе. – В каком сне тебе приснилось, что мы с тобой друзья? И во вторых. У меня тоже бизнес. Значит, я тебе обязан помогать, а ты мне – вредить. Одним словом, хочешь проводить встречу со своими партнерами, плати по полной.

– Э, нет, так дела не делаются. Ты теперь бизнесмен, деловой человек, уже дал мне слово, что предоставишь двадцать процентов. Отказываться теперь не имеешь права, иначе все узнают, что ты не умеешь держать слово.

– Прежде всего я хозяин своему слову. Сам дал, сам и забрал. А платить будешь полностью.

Тяжело мне дался этот разговор, но от своего я не отступился, хотя Илюша еще несколько дней продолжал нудить.

*

Меня позвали к телефону. Глухой, без цифр набора номера, аппарат стоит в нашем ресторане на барной стойке. Раньше аппарат стоял нормальный. Счета приходили космиче-

ские. Звонили в Ташкент и Магадан, Астрахань и в Ереван. Причем никто не сознавался, что звонит по междугородке. Когда пришел счет за разговор с Аргентиной, мое терпение лопнуло. Раздобыл у телефонистов вот этот самый музейный экспонат, так что звонки у нас теперь только входящие. Подошел к стойке, поговорил. Тут склонился ко мне заговорщицки наш бармен Толя.

– Игорь Аркадьевич, вон за тем столиком про вас говорили, – и он кивнул на столик возле камина, в противоположном конце зала.

Толя хитрец невообразимый, таких свет еще не видывал. Кроме этого, обладает весьма ценным качеством – наблюдательностью. Все видит, все слышит. Но чтобы на таком расстоянии, нет, невероятно! Это просто феномен какойто. Ему не в баре водку бождать, ему в цирке с такими талантами выступать надо.

Бармен внес ясность. Оказалось, не так все загадочно. Одна из трех девушек, сидящих у камина, спросила, умеют ли здесь делать классический коктейль «Маргарита». Толя решил блеснуть. Классическую «Маргариту» смешивают не за барной стойкой, а непосредственно у стола. Толя показал класс, удостоился комплимента и, само собой, чаевых. Вот в этот момент одна из девушек и назвала мое имя, в том смысле, что бывала уже здесь и даже знает хозяина заведения. Я оглянулся. Она сидела вполоборота, но узнал я ее сразу. Это была та самая девушка, Эльвира, что год назад, да да-

же побольше, вручила мне свою визитную карточку без номера телефона. Рядом сидела ее давешняя подруга, Наташа, если память мне не изменяет. Ее еще тогда, в компании, все смешно так называли – «дядя Федор». Третью видел впервые. Подошел к их столику. Наташа – «дядя Федор» – сразу заулыбалась, как давнему знакомому.

– Вот видишь, только ты имя назвала, а он уже тут, – обратилась она к Эльвире.

– Ну да, – подхватил я весело, – помяни нечистую силу к ночи, она и явится.

– А вы и есть та самая нечистая сила? – рассмеялась незнакомка и представилась: – Меня зовут Галина.

Молчание хранила лишь Эльвира. Правда, здороваясь, улыбнулась. Но так улыбаются и просто вежливые люди, во все не обязательно проявляя при этом радость от случайной встречи.

Весь вечер я проторчал в зале, не упуская ее из виду. Когда в очередной раз заиграла танцевальная музыка, решил и пригласил девушку на танец, понимая, что сильно рискую. Конечно, в театральном училище нас танцевать учили. Но в этом искусстве я не преуспел. Будь покрупнее габаритами, мог бы себя сравнить со слоном в посудной лавке. А так – даже не слоненок. Едва мы начали танцевать, понял, какую глупейшую совершил ошибку. Эти женские каблуки, будь они неладны. А у нее не каблуки, а просто какието каблучищи. Я болтался гдето на уровне плеча, ну, может быть, чуть выше.

Хорош, наверное, был со стороны. Ладно, отступать теперь поздно. Начал с места в карьер:

– А за вами должок...

– Откуда? Не припомню что-то.

– Дада, вы обещали мне позвонить и не позвонили.

– Я не обещала, – твердо возразила она. – Это вы мне в приказном порядке велели вам позвонить. А я не обещала. К тому же и визитку вашу потеряла.

– Да ладно – потеряла. Выбросили, небось.

Девушка недовольно нахмурилась:

– Это ваши домыслы. Я именно потеряла. Переезжала из одной квартиры в другую, вот и потеряла.

– Да Бог с ней, с визиткой. Главное, что вы сами нашлись.

Музыка уже давно смолкла, а я все топтался возле нее, не желая отпустить. В конце концов она согласилась встретиться завтра, поужинать со мной. Кокетства в ней не было при этом ни на грамм. Просто вслух соображала:

– Завтра? Пожалуй, смогу. Работаю до обеда, потом заберу сына из школы, помогу ему уроки сделать и часам, пожалуй, к восьми приеду. Я живу рядом.

– У вас сын? Большой? – про мужа я спросить не решился.

– Большой уже, – улыбнулась Эльвира, – во втором классе учится. Становится самостоятельным, начал маминой опекой тяготиться. Когда из дому ухожу, даже радуется. Никто не мешает часами за компьютером сидеть.

Древние философы наставляли: бойтесь первых эмоций, ибо они самые искренние. Я об этой истине забыл и отдавался своим эмоциям полностью. Это был совершенно чудесный вечер. У меня возникло, и не оставляло такое ощущение, будто я знаю ее целую вечность. О чем мы только не разговаривали. Если какая-то тема ей была неинтересна, она так и говорила. Получалось у нее это очень просто, без всякого вызова или обиды. Просто переходили на другую тему, вот и все.

– У вас такое отчество необычное – Марсельевна, – отметил я.

– О, вы даже отчество мое запомнили, – удивилась Эльвира. – Дед бредил морем, много путешествовал. Когдато побывал в Марселе, и этот город его так покорила, что сына называл Марселем.

– А как вы предпочитаете, чтобы к вам обращались?

Она не совсем поняла вопрос, удивленно ответила:

– Эльвира, как же еще?

– Ну, Эльвира слишком официально. Может быть, проще – Эля?

– Если у вас проблемы с произношением, то вам нужен не нарколога, а логопед, – пошутила девушка. – Хотя нарколога тоже не повредит, – она многозначительно и красноречиво кивнула на мой бокал, который я, признаюсь, на протяжении всего вечера наполнял слишком интенсивно. – Впрочем, можете называть меня «Эля», хотя меня так мало кто называет.

Чаще всетаки Эльвира.

– Решено, для меня вы будете Эля. Давайте в связи с этим выпьем на брудершафт, – попытался форсировать события.

– Если вам непременно надо пить за что-то конкретное, давайте выпьем за это. Только не на брудершафт. Я не люблю этот обычай, – и на лице ее промелькнула тень недовольства. – Руки переплетены, пить неудобно. А на «ты» можем и так перейти, я – с удовольствием.

– Ладно, не обижайся. Переходим на «ты» без всякого брудершафта.

– Я не обидчива, – вполне серьезно возразила Эля. – И вообще, считаю, что обижаться – это так скучно. К тому же столько сил забирает.

*

Все признаки влюбленности – на лице. У меня, конечно. Рассеянный взгляд, блуждающая улыбка, мысли вразброд и постоянное ожидание телефонного звонка. Встречаемся мы нечасто, хотя созваниваемся регулярно. Эля очень занята по работе. У нее дежурства, экстренные вызовы. К тому же домашние хлопоты, заботы о сыне. Его она очень любит, хотя и не говорит об этом. Она вообще довольно скупа на эмоции. Нет, не так. Она, скорее всего, скупа на проявление эмоций, а что касается ее чувств, то я недостаточно хорошо знаю эту женщину, чтобы судить об этом. Во всяком случае, по телефону говорим намного чаще, чем видимся. Кстати сказать, эти звонки незаметно стали составной частью моей

жизни. Сначала я к ним просто привык, теперь они стали вообще необходимы. Говорим о чем угодно, иногда подолгу. Постоянно слышу в трубке самые разнообразные звуки. Однажды поинтересовался. Эля спокойно пояснила:

– Занимаюсь домашними делами. Не могу же я столько времени говорить по телефону, сидя на диване. А так – и разговариваю и дела делаю.

Теперь, позвонив Эльвире, обращаюсь шутливо:

– Аве, Цезарь. Моритури те салютант! – что с латыни переводится: «Идущие на гибель, приветствуют тебя, Цезарь!» Как известно, этот римский император отличался тем, что мог одновременно делать восемь дел. Пацан! Куда ему до Эльвиры.

Познакомился с ее сыном. Сам предложил Эле пообедать всем вместе. Сначала он наотрез отказался, ей удалось его соблазнить тем, что она знает ресторанчик рядом, где готовят прекрасный шашлык. Заехал за ними на машине. У подъезда рядом с Эльвирой стоял модный такой чувачок. Рваные джинсы, кроссовки, блестящая курточка замысловатого фасона, я таких даже не видел, кожаная кепка. В машине на мое приветствие он что-то невнятно и явно недовольно буркнул.

– Извини, старичок, я не расслышал, как твое имя.

– Я еще не старичок, я мальчик, – ответил он очень серьезно. Потом сказал отчетливо: – Арсений.

За столом вел себя сдержанно, что-то прошептал матери

на ухо. Она предложила:

– А почему тебе не спросить об этом дядю Игоря, он же лучше знает...

– Тогда не надо.

Оказалось, ребенок интересовался, есть ли у нас клубничные коктейли. С едой расправился довольно быстро. Хмуро поинтересовался:

– Когда домой пойдем?

Оживился лишь однажды. Когда я достал, чтобы ответить на звонок, телефон новой модели. Самто я в этом ничего не смыслю, купил то, что продавец порекомендовал. Пока говорил, краем уха слышал, как сын объяснял матери, какие разнообразные функции в этом аппарате. Закончив разговор, положил перед ним телефон:

– Хочешь посмотреть?

Он протянул было руку, потом, резко отдернув, засунул в карман, сказал со вздохом:

– Сломаю.

Эля засмеялась:

– У Арсюши в руках все просто горит.

– А почему ты назвала сына Арсений? – спросил, не изменяя своей довольно утомительной для окружающих привычке задавать бесконечные вопросы.

– Мне нравится, как звучит это имя, в нем – благородство. К тому же мне хочется, чтобы он вырос настоящим мужчиной, а имя Арсений означает – мужественный.

Еще несколько раз мы встречались вместе – побывали в зоопарке, кукольном театре Образцова, сходили в цирк. Даже съездили на двухдневную экскурсию в Суздаль и Владимир. Но настороженность по отношению ко мне у него не исчезала. К тому же я низко пал в его глазах, когда не сумел решить задачку, которую задали второклассникам.

*

Пригласил Элю на ужин. Стол накрыл в своем номере. Поднимаясь в лифте, она вопрошающе взглянула на меня.

– Поужинаем у меня, мне хочется, чтобы ты взглянула, как я живу, – внешне небрежно пояснил я.

Эля ничего не ответила. В ней явно чувствовалось спокойствие и достоинство женщины, которая уверена в том, что все будет только так, как она сама того пожелает. И никак иначе.

*

Утром проснулся на полу. Спал на простынке, постеленной прямо на пушистый ковер. Долго соображал, где нахожусь. Комната была незнакомой. У стены стоял платяной шкаф с огромным зеркалом. Увидев свое отражение, поморщился, видок тот еще... За спиной раздался женский голос, интонации не вопросительные, скорее – утвердительные:

– Тебе в душ надо. Погоди, сейчас провожу. Похоже, сам не найдешь.

Эля поднялась с дивана, достала из шкафа чистое, чемто ароматным пахнувшее полотенце. Накинула халатик, в кори-

доре шепотом попросила не шуметь – квартира коммунальная.

Горячая вода помогла восстановить вчерашний вечер, хотя, наверное, все же ночь. Вечером праздновали скромную свадьбу одного моего приятеля. Свадьба была скромной не от того, что у приятеля не было средств на пышное торжество. Просто женился он беспрестанно. Отправляясь на свадьбу, купил молодоженам подарок (какой по счету?), беззлобно подумал: он, гад, женится, а я – подарки таскай. Немолодой уже жених любовно глядел на свою довольно юную супругу. Удачно шутил:

– Чем чаще я смотрюсь в зеркало, тем отчетливее понимаю, за что меня любят женщины. Не за красоту.

Невеста сморщила свой гладкий лобик, ребус казался ей неразрешимым. Все же решилась и уточнила:

– А за что же?

Жених досадливо поморщился. Похоже, этот брак окажется таким же недолговечным, как и все предыдущие. В подтверждение моей мысли жених вскоре пересел ко мне поближе. Одиночество невесты его ничуть не смущало. Выпили мы довольно крепко. Хотя пьяным я себя не чувствовал, или, говоря по правде, не считал.

Позвонил Эльвире. Она ответила сразу. Спокойно спросила:

– А ты на часы смотрел?

Ответил банально:

– Счастливые часов не наблюдают.

Странно, но она не рассердилась. Поистине удивительная женщина. В круглосуточном магазине купил белые розы. Во внутреннем кармане плаща булькал коньяк в открытой бутылке. В пакете – изрядный кусок свадебного торта. Предназначался на торжестве мне, но я сладкого не люблю, так что свой кусок забрал без зазрения совести, решив, что для похода в гости упакован весьма достойно. Но чтото меня, видимо, все же беспокоило в этом позднем визите. Таксисту рассказал анекдот. Татары обратились в Верховный совет с претензией. Почему бытует поговорка «незванный гость – хуже татарина», мол, это дискриминация по национальному признаку. Верховный совет согласился, вынес постановление. Старую поговорку отменить. В новой редакции читать: «незванный гость – лучше татарина». Таксист, пожилой дядька, заявил, что анекдотов про татар не любит. В голосе его явно слышался татарский акцент. Так что смеялся я один.

Эля мой поздний визит восприняла спокойно. Только попросила говорить потише – Арсюша уже спит. Заварила чай, от торта отказалась. Коньяк пригубила. Одним словом, терпела мое присутствие. Дальнейшее помню плохо. Проснулся, как уже сказано, на полу. Выйдя из ванной, поперся не в ту сторону, чуть не вломился к соседям. Хорошо, что Эля мой топографический кретинизм предугадала, поманила в приоткрытую дверь своей комнаты.

Усадила к столу, налила в чашку кофе. Предложила:

– Там коньяку немного осталось, может, выпьешь.

Пробурчал, что вредной привычки опохмеляться не имею. За завтраком в основном молчал, отводил взгляд.

– Ты чего такой хмурый, худо тебе? – сочувственно спросила она меня.

– Нормально, просто както неловко...

– Зато вчера было ловко, – попрекнула все же, хотя и с улыбкой.

Потом она кормила сына, усаживала его за уроки. Выставив меня на балкон, где я наконец с наслаждением закурил, стала собираться. Сообщила, что ей надо съездить в книжный магазин, купить новую книгу Саи Бабы, предложила поехать вместе. По дороге увлеченно рассказывала о своей поездке в Индию, о том, как побывала в ашраме, и ей даже удалось познакомиться с самим Саи Бабой. Это такой всемирно известный гуру и чудотворец, она говорит о нем с нескрываемым восторгом и восхищением. Эля мечтает поехать в Индию снова, побывать в том же ашраме. После множества вопросов с трудом уяснил, что ашрам – это такое место в Индии, куда люди со всего мира едут за духовным очищением, в поисках истины.

Ее рассказ, хотя я от всего этого так далек, не кажется мне утомительным. Просто в этой женщине мне нравится буквально все. Ее огромные, редкого зеленого цвета глаза, чуть низковатый голос, манера держаться, прическа. И то, что она делится со мной сокровенными мыслями, мне тоже нравит-

ся.

*

Эльвира показала мне фотографию. На групповом снимке – напряженные мальчики и девочки, в первом ряду справа стоит Арсений, в центре – две или три женщины, понятно – учительницы и директриса. Надпись: «выпускники четвертого класса». Не знаю, какой реакции она от меня ожидала, но я воскликнул:

– Неужели мы с тобой уже три года знакомы?

В мою жизнь она вошла прочно. Мы стали близкими друзьями. Эльвира этого тоже не отрицает. Встречаясь, говорим часами. Правда, Эля в основном слушает. Я рассказываю ей обо всем – от нее у меня секретов нет. Она знает, что происходит у меня в ресторане, чем я живу и как дышу. Понятно, чтото и о себе рассказывает. Болтливой ее – редкое для женщины качество – не назовешь. Работа нарколога сложна и неблагодарна. Приходится иметь дело со всяким человеческим отребьем – алкашами, наркоманами. Но она не возмущается. Для нее они просто больные люди, которые нуждаются в лечении. Да и профессию свою Эльвира выбрала осознанно. В выборе не было ни случайностей, ни совпадений. Конечно, устает от всей этой нервотрепки, причем нервы чаще всего мотают ей даже не эти самые «больные», а их родственники. Дежурства и экстренные вызовы, почемуто в основном ночью, изматывают беспредельно. Но она не жалуется. Жалуюсь я. После дежурств она еще долго приходит в

себя, наши встречи отменяются.

Однажды я задумался: почему мы никогда не ссоримся. Так же не бывает, во всяком случае мой предыдущий опыт это неопровержимо подтверждал. А тут – за три года ни единой ссоры, ни облачка недовольства, либо раздражения. Может быть, все дело в том, что эта женщина, как сама часто повторяет, уважает чужое пространство. Ко всем своим достоинства она еще и не любопытна. Никогда не спрашивает меня, где и с кем я был, что делал.

*

В наш ресторан приходит постоянный гость. Феликс – мужчина богатырского сложения, его рокочущий бас свободно перекрывает музыку. В молодые солдатские годы он служил в Афганистане. Был ранен. С тех пор, и по сей день, ходит только в камуфляжной форме. Две награды – медаль и орден – не снимает никогда. Узнав, удивился: Феликс психолог. Говорят, хороший, у него обширная практика. В ресторан всегда приходит в сопровождении хорошенькой молодой девушки. Внимания на нее почти не обращает. Предпочитает общаться с другими гостями либо с барменом. Рюмок не признает, пьет только из высокого тонкого стакана, предназначенного для соков. Однажды девушка, которой, видимо, наскучило сидеть безмолвно, его спросила, что такое любовь. Феликс ответил. Его могучий бас рокотал на весь зал. Лекцию все, кто был в этот вечер в ресторане, слушали с интересом.

– Любовь, как таковая, длится три года. Это факт, научно доказанный, – вещал Феликс. – Именно только три года длятся у людей те химические процессы, когда от новых отношений зашкаливают гормоны. По истечении трех лет работа головного мозга нормализуется, так как отношения теряют свою новизну. После этого отношения между мужчиной и женщиной, приобретают три фазы – близость, страсть и обязательства. Хорошо, когда все три присутствуют вместе. Чаще превалируют по отдельности. Близость – это привязанность, теплота и потребность в постоянном присутствии другого человека, с которым чувствуешь себя единым целым. Страсть – высокая степень физического влечения. По сути дела, страсть – тот же наркотик, так как сулит удовольствие. Ну и третье, обязательство, когда либо одна из сторон, либо обе осознанно принимают решение быть вместе, заботиться в течение длительного времени.

Вот так вот, взял психолог и разложил по полочкам ту сладостную загадку, над разгадкой которой человечество мучается вот уже много тысячелетий. А оказывается, все так просто – гормоны, страсть, обязательство хлебать из одной миски...

*

Эльвира наконец вырвалась из своего коммунального ада. Соседка ей досталась в классическом коммунальном варианте – крикливая, неряшливая, да к тому же пьющая. Работает уборщицей в морге. Я ее называю «мойщица трупов».

Когда Эльвира переехала, соседка тут же предложила отметить новоселье. Эля опрометчиво согласилась. Отказавшись через пару недель от предложения обмыть покупку холодильника, тотчас нажила себе в лице «мойщицы трупов» врага. Местами общего пользования старалась теперь пользоваться только в отсутствии соседки. Поставила себе цель – обзавестись отдельным жильем. Человек целеустремленный, двигалась к намеченной цели методично. Я вообще обратил внимание, насколько Эльвира тверда в исполнении своих решений. Однажды сказала:

– Я бросила курить.

Курила до этого довольно долго.

Спросил не без иронии:

– И когда ты это решила?

В ответ услышал:

– Сегодня утром.

С тех пор не курит. Ей не понадобились ни чудодейственные пластыри, ни гипноз, ни заклинания знахарок. Решила и бросила. С тех пор не курит. Комнату свою, идя к намеченной цели, умудрилась продать. Однокомнатную квартиру купила близ Москвы, в городе Весенний, утопающем в зелени. Вокруг – подмосковные леса, в лесу возвели целый жилой массив. Многоэтажки росли как в сказке. Цены, на фоне московских баснословных, были все же умеренными. Во всяком случае поначалу, пока москвичи не раскусили, что жилье здесь дешевое, а добираться до города проще и быст-

рее, чем торчать часами в городских пробках.

На новоселье приехали мать Эли и ее лучшая подруга, та самая Наташа. Ее фамилия Федорова, так что понятно, почему «дядя Федор». Пригласили и меня. Дверь отворила женщина, подпоясанная фартуком. Лицо покраснелось от жары. Приветливо улыбается:

– Я мама Эльвиры. А вы – Игорь? – без перехода поинтересовалась: – Беляши любите?

Вручил ей цветы. С дядей Федором расцеловался, как со старой знакомой – человек она, как я уже понял, общительный, легкий, в общении приятный. Мне было хорошо в этой маленькой компании. Но все равно мешало чувство непонятной самому скованности. Потом понял, скорее – осознал: меня смущала двусмысленность моего положения. Вот уж не думал, что сохранил в себе это качество. Ушел довольно рано. С собой мне настойчиво вручили пакет с беляшами. Они пахли так аппетитно, что водитель то и дело сглатывал слюну. Пришлось его угостить.

*

Както раз Сергей и Виктор собрали в ресторане компанию друзей детства и юности. Пришел на встречу с Элей. Ктото, произнося тост, пожелал всем вместе собраться за таким же столом лет через пятьдесят. Все согласно зашумели, дружно выпили.

Сергей, веселый и оживленный, беспрестанно балагурящий (он вообще знает столько анекдотов, что любой юмо-

рист обзавидуется) воскликнул:

– Дожить до этого возраста мы, может, и доживем. Но какими будем? Представляете картину: открывается дверь, и Эльвира вкатывает в ресторан колясочку с Игорьком. Ножки пледом укутаны, кричит и вздыхает, пьет только водичку, да и то через трубочку.

Рассмеялся я вместе со всеми, хотя картина была слишком реалистичной и оттого особенно удручающей.

На том вечере мы много фотографировались. Через пару дней получил фотографию, глаза бы мои ее не видели. Рядом с молодой, красивой и цветущей женщиной – ну просто старикашка какойто, плюгавенький и лысый. Игорь Юдин собственной персоной. У меня даже сердце защемило от увиденного. Разве пара я такой женщине, и вообще, зачем я ей нужен?

Слишком часто вспоминаю эту фотку. Настроение сразу портится, становлюсь угрюмым, неразговорчивым, иногда, чего себе раньше никогда не позволял, срываюсь на и грубость. Однажды даже до слез Элю довел. Вот уж не ожидал от нее такого. Сам растерялся. Никак не мог ее успокоить. И она «завелась», наговорила мне кучу обидных слов. Вспомнил: чтобы победить женщину в споре, надо заплакать первым. Но плакать я не умею, слезные железы, должно быть, не такие как у всех, бездействуют, а может, были, но атрофировались.

Замечаю – мы стали довольно часто, или скажу мягче –

периодически – ссориться. Я упрекал ее в непонимании моей тонкой натуры, цитировал при этом любимого Высоцкого:

Женщины, как очень злые кони –
Захрипит, закусит удила.
Может, я чегонибудь не понял,
Но она обидела, ушла.

Я и вправду в такие моменты мало чего соображаю. Прекращаю общаться, мазохистски культивирую свои надуманные, нереальные обиды. Потом не выдерживаю, долго ищу повод для звонка, звоню якобы по делу. Она прекрасно понимает все мои на самом деле смешные хитрости. Иногда звонит первой сама, насмешливо предлагает:

– Юдин, хватит дуться.

Я охотно и даже поспешно принимаю примирение – мне без нее откровенно плохо. А вот ей без меня?..

Так и не могу ответить сам себе: кто я в ее жизни? Смотрю на нее с преданностью давно живущей рядом собаки, Слов красивых почти не говорю, на комплименты скуп. Цветы и подарки дарю редко, в театр или даже в кино почти не приглашаю. Ее свободное время предпочитаю проводить в ресторане. Да и то в своем, так что никакого разнообразия.

Когда она уходит, я начинаю считать часы до нашей следующей встречи. Рассказами о ней давно уже всем надоел – у меня теперь в разговорах только Эля.

...У меня есть один знакомый, его все зовут СашаДаша. Когдато Александр был женат на женщине по имени Даша. Думаю, любил ее. Говорил беспрестанно: «Даша решила, Даша сказала, Даша сделала». Глаголы могли быть какими угодно, имя Даша – неизменно, так сказать, величина постоянная. Так и приклеилось к нему прозвище «СашаДаша». Похоже, что и мне скоро мои знакомые приставку «Эля» прилепят.

Думаю о ней беспрестанно, даже стихи тайком стал писать. Но видение: все еще молодая и попрежнему красивая Эльвира толкает колясочку с немощным старикашкой, преследует меня неотступно, к тому же перед глазами все время та самая фотография, будь она неладна.

Чем же у нас все закончится?..

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«Ресторан закрыт». Эту табличку, как законченный мазохист, вывесил с внутренней стороны стеклянной двери. А кроме меня, собственно, ее теперь и повесить было некому. Я остался один. «Ручеек у камина» приказал долго жить – камин погас, ручеек иссяк.

...Началось, точнее, закончилось с того, что ушел Алексей. Как и предупреждал. Его пригласили на должность генерального директора и соучредителя в проект по созданию новой сети ресторанов. От таких предложений не отказываются. Большому кораблю – большое плавание. Упрекнуть мне моего золотого родственника абсолютно не в чем. Согла-

сился проработать год, на самом деле директорствовал полтора. Да как директорствовал! Ресторан просто расцвел. Мы даже удостоились хвалебного сюжета на довольно крупном телеканале. У нас прекрасная кухня, вышколенный персонал, люди приходят к нам охотно. Когдато я мечтал, чтобы в ресторане было как можно больше завсегдатаев. Теперь случайным гостям может столика и не достаться, в основном – гости постоянные.

Последние пару недель Леша с работы практически не уходил. Заказал в типографии новое меню с красочными фотографиями блюд, провел инвентаризацию. В ночь перед отъездом снял остатки. Не успел только одного – найти себе замену.

– Абы кого рекомендовать тебе не имею права, а кто посерьезнее, те пока заняты, – сказал он извиняющимся тоном. – Так что, дядя, спасение утопающих – дело рук...

– Дело рук тех, кто хватается за соломинку, – перебил я его с горечью.

– Даже если и так. Это твоя лодка, вот и держи ее на плаву, чтобы не пришлось за соломинку хвататься, – когда надо, этот парень умеет быть жестким.

«Соломинка» нашлась быстро. Она и впрямь напоминала тростинку – худая до прозрачного свечения, ножки – даже не спички, а зубочистки, маленькое личико. Копна длиннющих смоляных волос, казалось, что вот сейчас эта грива ее перевесит.

Порекомендовал мне Любу один знакомый. У каждого, наверное, найдется среди знакомых такой человек, который звонит раз в пять лет, бегло спрашивает, как дела, и, не дождавшись ответа, обращается с незначительной просьбой либо вопросом. Именно такой человек мне и позвонил. Судьбе было угодно, чтобы в эту пятилетку он спросил, не нужен ли мне в ресторан толковый управляющий. Я чуть не подпрыгнул от такого совпадения. Сдерживая эмоции, попросил, чтобы на собеседование кандидат явился как можно скорее.

– Ты не гляди, что она молодая, весьма опытная и энергичная особа, прекрасно знает ресторанный бизнес, – напутствовал меня знакомый и скоренько попрощался. У таких людей, как водится, масса неотложных дел.

Насчет опытности ничего не скажу, чего не было, того не было. А вот энергичности, правда, весьма избирательной, Любе было не занимать. Она энергично кричала на сотрудников, с непередаваемой энергией каждые две недели исчезала в отпуск – дешевая путевка подвернулась, да и компания прекрасная, грех отказаться; весьма энергично завтракала, обедала, а если случайно задерживалась в ресторане до вечера, то и ужинала. Я даже удивлялся, как в такой тщедушный организм лезет такое невероятное количество пищи. Впрочем, все эти исключительные качества нового директора я разглядел, разумеется, не в первый день. А тогда, радуясь, что так легко вышел из создавшейся ситуации, до-

верился рекомендации малознакомого человека. Так что винить, кроме себя самого, некого.

Промчавшись через нашу ресторанный жизнь метеором, бед наделать Люба успела немало. С чего начался ее конфликт с поварами, причем сразу со всеми, теперь точно и не припомню. Только помню, что случилось это в первый же день ее работы. Это было тем более удивительно, что на кухню она старалась не заходить, видно, боялась запачкать свою неизменно белую блузку с непременными пышными кружевами. Повара ее возненавидели сначала тихо, потом бойкотировали все указания нового директора демонстративно, сопровождая свое отношение к Любе энергичными выражениями, до которых были весьма охочи и исполняли эти отнюдь не музыкальные фиоритуры мастерски. Люба краснела пятнами, потом довольно неожиданно открыла и в себе способности отвечать тем же. В этой упорной борьбе победителями все равно ежедневно оказывались повара – пищу ей стали подавать несъедобную.

Добро бы только ей. Их месть получила весьма плачевное для ресторана воплощение – наши гости стали жаловаться на качество блюд, которые им подавали. Ничего худшего для ресторана и представить нельзя.

Через неделю новый директор потребовала от меня решительных санкций – уволить следовало «всех негодяев».

– А у плиты вы сами встанете? – вкрадчиво поинтересовался я у нее.

– У меня другая должность! – гневно отреагировала Люба.

– Стало быть, эту почетную миссию вы мне доверяете?

– Игорь Аркадьевич, не надо хамить (интересно, в каких таких моих словах она уловила хамство?), – одернула меня. – Вы учредитель, вы и ищите себе новых поваров. Это не моя функция.

– А вот тут вы сильно ошибаетесь, Люба. Подбор персонала – это и есть непосредственная и наиглавнейшая функция директора. И я очень сожалею, что вам это неизвестно. Как, впрочем, и многое другое, насколько я теперь могу судить.

Уж убеждал я поваров, даже уговаривал, как только мог. Уповал на молодость и неопытность нового директора, взывал к тому, что она женщина и нужно проявлять по отношению к ней благородство. Все было тщетно. Ни одна из сторон ни о каких компромиссах и слышать не желала.

Запоздало, улучив подходящий момент, стал расспрашивать Любу о том, кем и в каких ресторанах она работала. С ужасом узнал, что она занималась тем, что называется мудреным словом «хостесс», попросту говоря – встречающая гостей. Крупные помпезные рестораны могут себе такое позволить. У входа стоит либо привлекательная женщина, либо импозантного вида мужчина. С неизменно любезной улыбкой встречает гостей, провожает к свободному, либо заранее заказанному столику, пожелав приятного аппетита и хорошего времяпрепровождения, удаляется. На этом миссия «хостесс» исчерпана. Но даже на этой «чрезвычайно слож-

ной и ответственной» должности наша нынешняя директриса проработала всего несколько месяцев. Вот и весь ее ресторанный опыт. Конечно, все это я должен был выяснить, принимая ее на работу. Но не выяснил. В итоге Любу пришлось уволить. Услышав это известие, она не растерялась, первым делом помчалась в бухгалтерию, взяла себе авансом зарплату за будущий месяц и след ее простыл. Впервые за долгое время гости опять стали нахваливать кухню.

*

Замечаю, как с годами становлюсь сентиментальнее, что ли. К людям стал добрее, к себе – снисходительнее. Часто задумываюсь, а почему у меня все так получилось, вернее, не получилось. Был же нормальный ресторан. Прекрасная кухня, замечательная атмосфера, самые именитые и взыскательные гости с удовольствием сюда приходили, приезжали специально с другого конца города... И вдруг такой оглушительный крах. Или все же не вдруг.

Я был слишком углублен в себя. Эта моя вечная привычка к самокопанию и самосозерцанию мешала четко и отчетливо разглядеть, что происходит вокруг. К тому же сильное, неподдельное чувство накрыло с головой. Как под покровом оказался, окружающий мир сузился и ограничивался лишь собственными эмоциями. Незнание элементарных основ экономики, инертное нежелание их познать тоже общей картины не улучшало. К тому же мне усердно «помогали» утопить мое утлое суденышко. Да и в людях я попрежнему

разбираюсь неважно. Не сумел же я разглядеть в своем новом управляющем того самого могильщика, который явился с единственной целью – забить последний гвоздь в крышку гроба моего несостоявшегося бизнеса.

*

Андрей за дело взялся рьяно. Установил строгий график работы официантов, уволил администратора – тот, как мне объяснил новый директор, любил после смены приложиться к бутылке. Не за свой счет. Исчезла, как ее и не было, кладовщица. Уезжая, Алексей сказал мне, что на Ларису я могу положиться – человек она порядочный, чужого не возьмет. Андрей был другого мнения. Поставками он теперь занимался сам, объяснив, что тем самым еще и экономит деньги на зарплате. Меня немного смущало, что решения он принимает не согласовав со мной. Андрей без нажима, мягко, заметил, что директор, ограниченный в правах, не может эффективно управлять заведением. Я инертно согласился.

Через неделю после того, как директором стал Андрей, в ресторане появилась новый администратор. Пышнотелая крашенная блондинка Юля по залу не ходит, а плышет. Любимым местом ее пребывания стала барная стойка. Неизменные чашка кофе и дымящаяся сигарета – всегда в руках.

Заглянув на кухню, увидел, как официант и повар под строгим наблюдением Андрея услужливо размещают по пакетам банку с наваристым бульоном, чемто наполненные пластиковые ланчбоксы и несколько пакетов фруктовых со-

ков. Без тени смущения директор пояснил:

– Юля заболела, вот везу ей ужин.

– Довольно странная забота об администраторе, – не скрыл я своего удивления.

– А что тут странного? – пожал плечами Андрей. – Юля – моя жена.

Неожиданная новость, мог бы предупредить и тогда, когда привел ее на работу. Ну да что теперь...

– А кто заменит ее в зале на время болезни?

– Я сам.

– Вы и директор, и кладовщик, а теперь еще и администратор. Не надорветесь?

– Я двуличный, – строго ответил он и передал пакеты терпеливо ожидавшему нашему ресторанному водителюэкспедитору, из чего я понял, что и машиной он теперь тоже пользуется.

Проверив кассу, убедился, что взятые директором продукты в ресторанных счетах отсутствуют. Наутро у нас состоялся тяжелый разговор. Я сравнил его поступок с поведением гостя, который не только сытно пообедал, но еще и без ведома хозяина влез в холодильник и набрал всего, что приглянулось. Андрей счел пример неудачным.

– Если я не пробил все по кассе, это не значит, что у нас образуется недостача, – снисходительно пояснил он. Я же теперь на складе сам все контролирую. Не то что эта ваша воровка Лариса.

– Ларису мне рекомендовал предыдущий директор, человек, которому я безусловно доверял.

– Вот доверенный вместе с ней и обкрадывал, – глумливо усмехнулся Андрей.

– Вы забываетесь! – вспыхнул я от гнева.

– Игорь Аркадьевич, ну что ты кипятишься? – фамиллярно «успокоил» он меня. – Тебе нужна прибыль, прибыль будет, не сомневайся. А как я это сделаю – мои проблемы, – и, не дожидаясь ответа, удалился, не считая нужным продолжать тягостный разговор.

Я молча проглотил обиду, подавляя в себе негодование.

*

Через пару недель, после болезни, снова появилась Юля, цветущая и нарядная. Родом она из южного города. Общаются здесь с неповторимым говором. Красавицами считаются только те женщины, у которых арбузные груди и крутые бедра скаковой лошади. Утром, когда ресторан уже открыт, она без тени смущения наводит красоту перед настенным зеркалом в вестибюле. Грим накладывает крупными мазками. Лицо не припудривает, а штукатурит, глаза не подводит, а рисует заново. Закончив наводить красоту, долго и придиричиво осматривает себя в зеркало, поворачиваясь и так, и эдак. Както довелось мне наблюдать эту картину. После осмотра Юля осталась собой недовольна, расстегнула на блузке еще пару пуговичек. Теперь ее грудь без труда могли рассмотреть даже люди, ожидающие автобус на противоположной

стороне улицы. Плывущей походкой продефилировала в зал, основательно и прочно водрузилась на высокое вертящееся кресло перед барной стойкой. Бармен, не спрашивая, поставил перед ней чашку кофе, придвинул пепельницу, услужливо поднес зажигалку к сигарете. Рабочий день администратора начался.

С Юлей происходили постоянно какие-то приключения. То ее грабили в такси, то похищали и запирали в заброшенном сарае, то случалось что-то и вовсе невнятное. Андрей бросался на поиски, по утрам приходил злой и невыспавшийся. Стал опаздывать, объясняя тем, что собирал и провожал детей в школу. Несколько раз я сам отправлял Юлю домой, явственно чувствуя от нее запах спиртного. К тому же она оказалась, как говорят в народе, «слаба на передок». Явно кокетничала с гостями, даже с нашими сотрудниками.

Однажды застал такую сцену. Юля по неведомому поводу сцепилась с поваром. Мужик горячий, вспыльчивый, он уже было замахнулся, потом опомнился, пробурчал сердито:

– Эх, дал бы я тебе по... – явно хотел сказать «по морде», но сдержался, поправился, – по жопе.

Юля, вместо того чтобы оскорбиться, вдруг рассмеялась:

– Рискуешь. А вдруг мне понравится...

*

Как ни удивительно, но первые несколько месяцев работы Андрея ресторан показывал просто блестящие результаты. Парадокс, который должен был меня насторожить, вызывал

мою радость: ежедневные выручки были довольно скромные, итог же каждого месяца – блестящий. Андрей скромно пояснял:

– Умею экономить. Покупаю дешевые продукты, сократил штат. Коечто в закладках изменил.

В переводе на бытовой язык это означало, что гостям просто недокладывают в тарелки. На мое резкое возмущение по этому поводу усмехался:

– Совсем по чутьчуть, на глаз даже незаметно, зато какая выгода.

Приказал ему немедленно это прекратить, вовсе не уверенный, что приказ мой будет выполнен. Без видимых причин директор затеял ремонт, перекрасил стены, убрал наши роскошные зеркала, обвинив меня в мещанском вкусе. Заодно закрасил ту самую знаменитую стену, на которой красовались автографы наших знаменитых гостей. Не сдерживая эмоций, я напрямик заявил ему, что на такое кощунство способен только негодяй. Директор не отреагировал – дело уже сделано.

Потом в углу зала появился фонтан.

Фонтан у нас всегда был. С гордостью я приволок его с какойто выставки. Он создавал определенный уют, в воде жила черепашка, наша общая любимица. Мы прозвали ее Дуся, заботились о ней, под присмотром выпускали погулять, оберегали от назойливых гостей, непременно желавших покормить Дусю шашлыком или остатками курицы из салата

«Цезарьклассический». И вот в одночасье исчезли наш чудофонтан, а вместе с ним и Дуся. Объяснение Андрея было отчасти и раскаянием:

– Не знаю, зачем фонтан сменил. Пьяный был. Дуську не трогал, сама, гадина, сбежала.

Я представил себе бегущую черепаху. Мне стало тошно.

По вечерам все чаще замечаю его за столом в веселой, шумной и многочисленной компании. Сделал замечание: по неписаному закону всех ресторанов, сотрудникам категорически возбраняется сидеть за столом с гостями. Андрей неподдельно возмутился:

– Я не сотрудник, я – директор. К тому же от моего присутствия нам явная польза. Я их раскручиваю на самые дорогие блюда и особенно напитки. У ребят деньжата водятся, они довольны, но требуют, чтобы я был с ними, – он полез в карман, достал блокнотик. – Вот я сейчас назову сумму, которую они в нашем ресторане оставили за прошлый месяц, – и назвал поистине астрономическую цифру.

*

Эта компания появилась у нас не так давно. Но приходят теперь чуть ли не каждый день. Эту заслугу директор приписывает исключительно себе. Гуляют широко, сидят подолгу, иногда до утра. Пьют действительно только элитные напитки, тут Андрей не соврал. Неизменных в их обществе дам угощают дорогим шампанским, сами предпочитают коньяк «ХО», либо дорогущую водку «Белуга». К их компании при-

соединилась и Юля. Мужчины оказывают ей явное неприкрытое внимание. Присутствие Андрея их ничуть не смущает. Время от времени с кемнибудь из мужчин этой компашки Юля кудато удаляется. Как правило, к этому времени Андреем уже мало на что реагирует. Один из официантов умудрился заснять «приватную» встречу Юли на телефон. Подстроили так, что это видео увидел мужрогносец.

В неблагородном семействе разразился скандал. Юля исчезла. По слухам, уехала в родной город, к родителям. Детей оставила мужу.

*

Я бы погрешил против истины, если бы сказал, что гром грянул среди ясного неба. Напротив, четко понимал, что сгущаются грозные тучи. Наш некогда уважаемый ресторан все отчетливее неуклонно скатывался до низкопробного разряда вульгарного кабака – с пьяными шумными гостями, криками, а порой и драками. Солидные люди перестали к нам ходить. Вызов милицейского наряда из категории ЧП перешел в перманентное состояние.

Персонал снова разболтался – рыба, как известно, начинает гнить с головы, но хвост разлагается также быстро. Мои попытки исправить положение были малоэффективными. К тому же я узнал, что директор проводит методическую работу, утверждая, что истинный хозяин заведения – он, а Юдинде так, для проформы, и его указания не только не обязательны к исполнению, но даже и вредны. Сотрудники его откоро-

венно побаивались. Я бесился от собственной беспомощности и ничего не мог, а скорее, не умел, изменить. К тому же шефповар Федор и кассир Лена – теперь ближайшие друзья Андрея. Только слепой мог не заметить, как эта троица грабит ресторан. Я же был не просто слеп, но еще и глух. Чего уж таить правду от самого себя?

Наступила неизбежная развязка. Меня вызвал генеральный директор гостиницы. Двухметрового роста, внушительных габаритов, Геннадий Викторович грубоват и порой яростно вспыльчив. Правда, легко отходчив, к тому же душевно открыт. Мы сдружились, я даже бываю у него дома в гостях.

Придвинув к себе густо заполненный график, водрузил на нос очки, закурил очередную сигарету (за день, мне кажется, он выкуривает никак не меньше двух пачек, хотя врачи ему курить категорически запрещают), пробасил:

– Игорь, вы не платите аренду. Попали в «черный список» должников. Сергею Антоновичу я пока не докладывал, сам только что сводку увидел. Но и не доложить не имею права. Он – собственник, я генеральный директор, так что сам понимаешь...

– Прекрасно понимаю, – на самом деле я ни черта не понимал. Как такое могло произойти? – Послушай, Гена, я и не прошу тебя скрывать. Дружба в том и заключается, чтобы друзей не подставлять. – Произнеся эту пышную фразу, пообещал разобраться и, отказавшись от сочувственно предло-

женного чаю, пошел к двери. Я уже сообразил, откуда берутся «наши замечательные» показатели.

– Постарайся разобраться за три дня, – пророкотал вслед генеральный.

На мои гневные и возмущенные упреки Андрей отреагировал совершенно спокойно:

– Ничего страшного, просто перенес арендную плату на следующий месяц.

– Да кто тебе такое позволил, к тому же без согласования со мной?! – сорвался я на крик.

В ответ циничный ответ:

– А мне и не надо никакого позволения. Здесь я решаю.

– Ты просто зарвался. Немедленно оплатить аренду! – приказал ему.

– Если оплатим аренду, нечем будет платить зарплату.

Аренду бухгалтерия, по моему распоряжению, в тот же день оплатила. Касса опустошилась, денег не было не то что на зарплату, даже на продукты. Главбух посоветовала:

– А вы долги потребуйте.

– Какие еще долги, откуда?

Выяснилось, что та самая разудалая компания, с которой в вечерние часы пьянствовал Андрей, гуляла в основном в кредит. Те самые астрономические цифры, которыми директор передо мной хвастал, соответствовали действительности. С маленьким уточнением: счета не оплачивались.

Хмуро пообещав встретиться со своими дружками и по-

лучить с них долговую сумму, Андрей уехал. Через несколько часов позвонил по телефону. Из его пьяной речи я узнал о себе, своих родственниках и друзьях много любопытного. Передавать содержание этого выступления не решаюсь, воспитание мешает.

На следующий день ушли, не дождавшись зарплаты, повара. Все до одного. Безумный спектакль, состоявший из дикой помеси трагедии, комедии и фарса, завершен. Занавес. Аплодировать некому – зрители покинули зал задолго до того, как вышли на поклон актеры.

Сижу один в разоренном, неубранном и от того неуютном зале. Темно, только в углу мерцают две тусклые красные лампочки электрокамина, остальные перегорели. Хочется кофе, но кофемашину еще вчера увезли представители фирмы, которая поставляла нам этот дивный бразильский напиток. Мыслей – ни одной. Тупо жду. Приходят молодые энергичные парни. Не спрашивая разрешения, бродят по залам, заглядывают на кухню, открывают холодильники, просят проводить их на склад. Потом мы обсуждаем условия. Они готовы переарендовать помещение. Может быть, это выход. А может, и нет. Ни во что хорошее уже не верю.

Снова остаюсь один. Внезапно слышу голоса, смех. Зал наполняется людьми. Они веселы и возбуждены, приветливо со мной здороваются, звенят бокалами, произносят тосты. Играет музыка, певец Коля поет что-то очень задушевное. Увы, это всего лишь галлюцинация, вызванная моим бога-

тым, но безнадежно больным воображением, которое рисует мне картины прошлого. Тех лет, когда я был здесь неподдельно счастлив. И беспечен. Тех дней, когда я спешил сюда как на праздник, когда счастлив был любому маломальскому успеху. Тому времени, которое я, подобно загулявшему повесе, бездумно растранижил.

На самом деле, понятно, никого нет. Видения исчезают. Надо решать, что делать дальше. Скорее всего, устроюсь на какуюнибудь непыльную работу, надо же до пенсии дотянуть. Шумский предлагал попробовать свои силы и написать сценарий, даже тему обещал подкинуть. Отчего бы и не попробовать. Но все это будет завтра. А сегодня? Куда девать себя сегодня? С кемто встречаться – значит надо слова говорить, в разговоре участвовать, улыбаться. Нет, не вариант – настроение не то. Сидеть как сыч одному в гостиничном номере тоже тошно. Господи, да что я мучаюсь сомнениями. Один путь никогда не заказан.

Пойду в кабак.

ЭПИЛОГА НЕ БУДЕТ,

ибо весь мир – кабак, а люди – в нем.

Теперь я это знаю не понаслышке.